

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов

Действующие лица

Анна Петровна Войничева, молодая вдова, генеральша.

Сергей Павлович Войницев, сын генерала Войничева от первого брака.

Софья Егоровна, его жена.

Помещики, соседи Войницевых:

Порфирий Семенович Глагольев 1.

Кирилл Порфирьевич Глагольев 2, его сын.

Герасим Кузьмич Петрин.

Павел Петрович Щербук.

Марья Ефимовна Грекова, девушка 20 лет.

Иван Иванович Трилецкий, полковник в отставке.

Николай Иванович, его сын, молодой лекарь.

Абрам Абрамович Венгерович 1, богатый еврей.

Исак Абрамович, его сын, студент.

Тимофей Гордеевич Бугров, купец.

Михаил Васильевич Платонов, сельский учитель.

Александра Ивановна (Саша), его жена, дочь И. И. Трилецкого.

Осип, малый лет 30, конокрад.

Марко, рассыльный мирового судьи, маленький старичок.

Прислуга Войницевых:

Василий

Яков

Катя

Гости, прислуга.

Действие происходит в имении Войницевых в одной из южных губерний.

Действие первое

Гостиная в доме Войницевых. Стеклянная дверь в сад и две двери во внутренние покои. Мебель старого и нового фасона, смешанная. Рояль, возле нее пюпитр со скрипкою и нотами. Фисгармония. Картины (олеография) в золоченых рамах.

Явление I

Анна Петровна сидит за роялем, склонив голову к клавишам. Николай Иванович Трилецкий входит.

Трилецкий (подходит к Анне Петровне). Что?

Анна Петровна (поднимает голову). Ничего... Скучненько...

Трилецкий. Дайте, mon ange[1], покурить! Плоть ужасно курить хочет. С самого утра почему-то еще не курил.

Анна Петровна (подает ему папиросы). Берите больше, чтобы потом не беспокоить.

Закуривают.

Скучно, Николая! Тоска, делать нечего, хандра... Что и делать, не знаю...

Трилецкий берет ее за руку.

Анна Петровна. Вы это за пульсом? Я здорова...

Трилецкий. Нет, я не за пульсом... Я чмокнуть...

Целует руку.

В вашу руку целуешь, как в подушечку... Чем это вы моете свои руки, что они у вас такие белые? Чудо руки! Даже еще раз поцелую.

Целует руку.

В шахматы, что ли?

Анна Петровна. Давайте...

Смотрит на часы.

Четверть первого... Небось, наши гости проголодались...

Трилецкий (приготавливает шахматную доску). По всей вероятности. Что касается меня, то я страшно голоден.

Анна Петровна. Я о вас и не спрашиваю... Вы всегда голодны, хоть и едите каждую минуту...

Садятся за шахматы.

Ходите вы... Уж и пошел... Надо сперва подумать, а потом уже и идти... Я сюда... Вы всегда голодны...

Трилецкий. Вы так пошли... Тэк-с... Голоден-с... Обедать скоро будем?

Анна Петровна. Не думаю, чтобы скоро... Повар изволил ради нашего приезда нализаться и теперь без ног. Завтракать скоро будем. Seriously, Николай Иванович, когда вы будете сыты? Ест, ест, ест... без конца ест! Ужас что такое! Какой маленький человек и такой большой желудок!

Трилецкий. О да! Удивительно!

Анна Петровна. Забрался в мою комнату и не спросив съел полпирога! Вы знаете ведь, что это не мой пирог? Свинство, голубчик! Ходите!

Трилецкий. Ничего я не знаю. Знаю только, что он у вас там прокиснет, если я его не съем. Вы так? Можете-с... А я этак... Если я много ем, то я, значит, здоров, а если здоров, то, с вашего позволения... *Mens sana in corpore sano*[2]. Зачем думаете? Ходите, милая дамочка, не думая... (Поет.) Я хочу вам рассказать, рассказать...

Анна Петровна. Молчите... Вы мешаете мне думать.

Трилецкий. Жаль, что вы, такая умная женщина, ничего не смыслите в гастрономии. Кто не умеет хорошо поесть, тот урод... Нравственный урод!.. Ибо... Позвольте, позвольте! Так не ходят! Ну? Куда же вы? А, ну это другое дело. Ибо вкус занимает в природе таковое же место, как и слух и зрение, то есть входит в число пяти чувств, которые всецело относятся к области, матушка моя, психологии. Психологии!

Анна Петровна. Вы, кажется, острить собираетесь. Не острите, дорогой мой! И надоело, и не к лицу вам... Вы заметили, что я не смеюсь, когда вы острите? Пора, кажется, заметить...

Трилецкий. Ваш ход, *votre excellence*!..[3] Берегите коня. Не смеетесь, потому что не понимаете... Так-с...

Анна Петровна. Чего глазееете? Ваш ход! Как полагаете? Ваша «она» будет сегодня у нас или нет?

Трилецкий. Обещала быть. Дала слово.

Анна Петровна. Пора уж ей быть в таком случае. Первый час... Вы... извините за нескромность вопроса... Вы и с этой «да так» или же серьезно?

Трилецкий. То есть?

Анна Петровна. Откровенно, Николай Иванович! Не ради сплетен спрашиваю, по-приятельски... Что Грекова для вас и что вы для нее? Откровенно и без острот, пожалуйста... Ну? Ей-ей, по-приятельски спрашиваю...

Трилецкий. Что она для меня и что я для нее? Пока неизвестно-с...

Анна Петровна. По крайней мере...

Трилецкий. Езжу к ней, болтаю, надоедаю, ввожу ее маменьку в расход по кофейной части и... больше ничего. Ваш ход. Езжу, надо вам сказать, через день, а иногда и каждый день, гуляю по темным аллеям... Я толкую ей про свое, она толкует мне про свое, причем держит меня за эту пуговку и снимает с моего воротника пушок... Я ведь вечно в пуху.

Анна Петровна. Ну?

Трилецкий. Ну и ничего... Что собственно тянет меня к ней, определить трудно. Скука ли то, любовь ли, или что-либо другое прочее, не могу знать... Знаю, что после обеда мне бывает страшно скучно за ней... По случайно наведенным справкам оказывается, что и она скучает за мной...

Анна Петровна. Любовь, значит?

Трилецкий (пожимает плечами). Очень может быть. Как вы думаете, люблю я ее или нет?

Анна Петровна. Вот это мило! Вам же лучше знать...

Трилецкий. Э-э... да вы не понимаете меня!.. Ваш ход!

Анна Петровна. Хожу. Не понимаю, Николая! Женщине трудно понять вас в этом отношении...

Пауза.

Трилецкий. Она хорошая девочка.

Анна Петровна. Мне нравится. Светленькая головка... Только вот что, приятель... Не наделайте-ка вы ей как-нибудь неприятностей!.. Как-нибудь... За вами этот грех водится... Пошляетесь, пошляетесь, наговорите кучу вздора, наобещаете, разнесете славу и тем и покончите... Мне ее жалко будет... Что она теперь поддельвает?..

Трилецкий. Читает...

Анна Петровна. И химией занимается?

Смеется.

Трилецкий. Кажется.

Анна Петровна. Славная... Потихе! Вы рукавом свезете! Нравится она мне со своим острым носиком! Из нее мог бы выйти недурной ученый...

Трилецкий. Дороги не видит, бедная девочка!

Анна Петровна. Вот что, Николая... Попросите Марию Ефимовну, чтобы она поехала ко мне немного... Я с ней познакомлюсь и... Я, впрочем, маклеровать не стану, а так только... Мы ее вместе раскусим и или отпустим с миром, или же примем ее к сведению... Авось...

Пауза.

Я считаю вас малюточкой, ветерком, а потому и вмешиваюсь в ваши дела. Ваш ход. Мой совет таков. Или не трогать ее вовсе, или же жениться на ней... Только жениться, но... не далее! Паче чаяния жениться захотите, извольте подумать сперва... Извольте рассмотреть ее со всех сторон, не поверхностно, подумать, помыслить, порассуждать, чтоб потом не плакать... Слышите?

Трилецкий. Как же... Уши развесил.

Анна Петровна. Знаю я вас. Всё делаете не думая и женитесь не думая. Вам только палец покажи женщина, так вы уж готовы на всякую всячину. Посоветоваться с близкими людьми должны... Да... На свою глупую голову не надейтесь. (Стучит о стол.) Вот она у вас, ваша голова! (Свистит.) Свистит, матушка! Мозгу в ней много, да толку что-то не видно.

Трилецкий. Свистит, точно мужик! Удивительная женщина!

Пауза.

Ездить она к вам не станет.

Анна Петровна. Почему?

Трилецкий. Потому что к вам шляется Платонов... Она терпеть не может его после тех его выходок. Вообразил человек, что она дура, вбил себе это в свою нечесаную голову, и теперь черт его не разубедит! Считает почему-то своею обязанностью надоедать дурам, выделять над ними разные штуки... Ходите!.. А разве она дура? Понимает же он людей!

Анна Петровна. Пустяки. Мы не позволим ему лишнего. Скажите ей, чтоб не боялась. А чего это Платонова так долго нет? Давно уж пора ему быть... (Смотрит на часы.)

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Невежливо с его стороны. Шесть месяцев не видались.

Трилецкий. Когда я ехал к вам, в школе ставни были наглухо закрыты. Должно быть, спит еще. Каналья человек! Я его сам давно уж не видел.

Анна Петровна. Здоров он?

Трилецкий. Он всегда здоров. Жив курилка!

Входят Глагольев 1 и Войницев.

Явление II

Те же, Глагольев 1 и Войницев.

Глагольев 1 (входя). Так-то, милейший Сергей Павлович. В этом отношении мы, заходящие светила, лучше и счастливее вас, восходящих. И мужчина не был, как видите, в проигрыше, и женщина была в выигрыше.

Садятся.

Сядемте, а то я утомился... Мы любили женщин, как самые лучшие рыцари, веровали в нее, поклонялись ей, потому что видели в ней лучшего человека... А женщина лучший человек, Сергей Павлович!

Анна Петровна. Зачем же мошенничать?

Трилецкий. Кто мошенничает?

Анна Петровна. А кто эту шашку сюда поставил?

Трилецкий. Да вы же сами поставили!

Анна Петровна. Ах да... Pardon...

Трилецкий. То-то что pardon.

Глагольев 1. У нас были и друзья... Дружба в наше время не была так наивна и так ненужна. В наше время были кружки, арзамасы... За друзей у нас, между прочим, было принято в огонь лазить.

Войницев (зевает). Славное было время!

Трилецкий. А в наше ужасное время пожарные на то есть, чтоб в огонь лазить за друзьями.

Анна Петровна. Глупо, Николая!

Пауза.

Глагольев 1. В прошлую зиму в Москве на опере я видел, как один молодой человек плакал под влиянием хорошей музыки... Ведь это хорошо?

Войницев. Пожалуй, что и очень даже хорошо.

Глагольев 1. И я так думаю. Но зачем же, скажите вы мне, пожалуйста, глядя на него, улыбались близь сидящие дамочки и кавалеры? Чему они улыбались? И он сам, заметив, что добрые люди видят его слезы, завертелся на кресле, покраснел, состроил на своем лице скверную улыбочку и потом вышел из театра... В наше время не стыдились хороших слез и не смеялись над ними...

Трилецкий (Анне Петровне). Умереть этому медоточивому от меланхолии! Страсть не люблю! Уши режет!

Анна Петровна. Тссс...

Глагольев 1. Мы были счастливее вас. В наше время понимающие музыку не выходили из театра, досиживали оперу до конца... Вы зеваете, Сергей Павлович... Я оседлал вас...

Войницев. Нет... Подводите же итог, Порфирий Семеныч! Пора...

Глагольев 1. Ну-с... И так далее, и так далее... Если теперь подвести итог всему мною сказанному, то и получится, что в наше время были любящие и ненавидящие, а следовательно, и негодующие и презирающие...

Войницев. Прекрасно, а в наше время их нет, что ли?

Глагольев 1. Думаю, что нет.

Войницев встает и идет к окну.

Отсутствие этих-то людей и составляет современную чахотку...

Пауза.

Войницев. Голословно, Порфирий Семеныч!

Анна Петровна. Не могу! От него так несет этими несносными пачулями, что мне даже дурно делается. (Кашляет.) Отодвиньтесь немного назад!

Трилецкий (отодвигается). Сама проигрывает, а бедные пачули виноваты. Удивительная женщина!

Войницев. Грешно, Порфирий Семенович, бросать в лицо обвинение, основанное на одних только догадках и пристрастии к минувшей молодости!..

Глагольев 1. Может быть, я и ошибаюсь.

Войницев. Может быть... В данном случае не должно иметь места это «может быть»... Обвинение не шуточное!

Глагольев 1 (смеется). Но... вы сердиться, милый мой, начинаете... Гм... Одно уж это доказывает, что вы не рыцарь, что вы не умеете относиться с должным уважением к взглядам противника.

Войницев. Одно уж это доказывает, что я умею возмущаться.

Глагольев 1. Я не всех, разумеется, поголовно... Есть и исключения, Сергей Павлович!

Войницев. Разумеется... (Кланяется.) Покорнейше вас благодарю за уступочку! Вся прелесть ваших приемов заключается в этих уступках. Ну, а что если бы наскочил на вас человек неопытный, вас не знающий, верующий в ваше знание? Ведь вам удалось бы убедить его, что мы, то есть я, Николай Иваныч, татап и вообще, всё более или менее молодое, не умеем негодовать и презирать...

Глагольев 1. Но... вы уж... Я не говорил...

Анна Петровна. Я хочу Порфирия Семеновича слушать. Давайте бросим! Довольно.

Трилецкий. Нет, нет... Играйте и слушайте!

Анна Петровна. Довольно. (Встает.) Надоело. После доиграем.

Трилецкий. Когда проигрываю, она сидит, как приклеенная, а как только начну выигрывать, у нее является желание слушать Порфирия Семеновича! (Глагольеву.) и

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
кто вас просит говорить? Мешаете только! (Анне Петровне.) Извольте сесть и
продолжать, в противном же случае я буду считать вас проигравшей!

Анна Петровна. Считайте! (Садится против Глагольева.)

Явление III

Те же и Венгерович 1.

Венгерович 1 (входит). Жарко! Эта жара напоминает мне, жиду, Палестину. (Садится
у рояли и перебирает клавиши.) Там, говорят, очень жарко!

Трилецкий (встает). Так и запишем. (Вынимает из кармана записную книжку.) Так и
запишем-с, добрая женщина! (Записывает.) За генеральшей... за генеральшей три
рубля... Итого с прежними – десять. Эге! Когда я буду иметь честь получить с вас
эту сумму?

Глагольев 1. Эх, господа, господа! Не видали вы прошлого! Другое бы запели...
Поняли бы... (Вздыхает.) Не понять вам!

Войнищев. Литература и история имеет, кажется, более прав на нашу веру... Мы не
видели, Порфирий Семенович, прошлого, но чувствуем его. Оно у нас очень часто
вот тут чувствуется... (Бьет себя по затылку.) Вот вы так не видите и не
чувствуете настоящего.

Трилецкий. Прикажете считать за вами, votre excellence, или сейчас заплатите?

Анна Петровна. Перестаньте! Вы не даете слушать!

Трилецкий. Да зачем вы их слушаете? Они до вечера будут говорить!

Анна Петровна. Сержель, дай этому юридическому десять рублей!

Войнищев. Десять? (Вынимает бумажник.) Давайте-ка, Порфирий Семенович, переменим
разговор...

Глагольев 1. Давайте, если он вам не нравится.

Войнищев. Люблю вас слушать, но не люблю слушать то, что отзывается клеветой...
(Подает Трилецкому десять рублей.)

Трилецкий. Mercі. (Бьет по плечу Венгеровича.) Вот как нужно жить на этом свете!
Посадил беззащитную женщину за шахматы да и обчистил ее без зазрения совести на
десять целкачей. Каково? Похвально?

Венгерович 1. Похвально. Вы, доктор, настоящий иерусалимский дворянин!

Анна Петровна. Перестаньте же, Трилецкий! (Глагольеву.) Так женщина лучший
человек, Порфирий Семенович?

Глагольев 1. Лучший.

Анна Петровна. Гм... По-видимому, вы большой женолюбец, Порфирий Семенович!

Глагольев 1. Да, я люблю женщин. Я им поклоняюсь, Анна Петровна. Я вижу в них
отчасти всё то, что я люблю: и сердце, и...

Анна Петровна. Вы им поклоняетесь... Ну а стоят они ваших поклонов?

Глагольев 1. Стоят.

Анна Петровна. Вы убеждены в этом? Сильно убеждены или только заставляете себя
так думать?

Трилецкий берет скрипку и водит по ней смычком.

Глагольев 1. Сильно убежден. Достаточно знать мне одну только вас, чтобы быть
убежденным в этом...

Анна Петровна. Серьезно? В вас какая-то особенная закваска.

Войницев. Он романтик.

Глагольев 1. Может быть... Что ж? Романтизм вещь не безусловно дурная. Вы изгнали романтизм... Хорошо сделали, но боюсь, что вы изгнали вместе с ним что-то другое...

Анна Петровна. Не сводите, друг мой, на полемику. Не умею спорить. Изгнали или не изгнали, но во всяком случае, умней стали, слава богу! Ведь умней, Порфирий Семеныч? А это главное... (Смеется.) Были бы умные люди, да умнели бы, а остальное само собой приложится... Ах! Не рипите, Николай Иваныч! Положите скрипку!

Трилецкий (вешает скрипку). Хороший инструмент.

Глагольев 1. Удачно однажды выразился Платонов... Мы, сказал он, поумнели по части женщин, а поумнеть по части женщин значит втоптать самого себя и женщину в грязь...

Трилецкий (хохочет). Должно быть, именинником был... Хватил лишнее...

Анна Петровна. Это он сказал? (Смеется.) Да, он любит иногда отпускать такие изречения... Но да ведь он для красного словца... Кстати, к слову пришлось... Кто такой, что за человек, на ваш взгляд, этот Платонов? Герой или не герой?

Глагольев 1. Как вам сказать? Платонов, по-моему, есть лучший выразитель современной неопределенности... Это герой лучшего, еще, к сожалению, ненаписанного, современного романа... (Смеется.) Под неопределенностью я разумею современное состояние нашего общества: русский беллетрист чувствует эту неопределенность. Он стал в тупик, теряется, не знает, на чем остановиться, не понимает... Трудно понять ведь этих господ! (Указывает на Войницева.) Романы донельзя плохи, натянуты, мелочны... и немудрено! Всё крайне неопределенно, непонятно... Всё смешалось до крайности, перепуталось... Вот этой-то неопределенности, по моему мнению, и является выразителем наш умнейший Платонов. Он здоров?

Анна Петровна. Говорят, что здоров.

Пауза.

Славный человечек...

Глагольев 1. Да... Его грешно не уважать. Я зимой несколько раз заезжал к нему и никогда не забуду тех немногих часов, которые мне посчастливилось провести с ним.

Анна Петровна (смотрит на часы). Пора ему уже быть. Сергей, ты посылай за ним?

Войницев. Два раза.

Анна Петровна. Вы всё врете, господа. Трилецкий, бегите, пошлите за ним Якова!

Трилецкий (потягивается). Приказать на стол собирать?

Анна Петровна. Я сама прикажу.

Трилецкий (идет и сталкивается у двери с Бугровым). Пыхтит, как локомотив, бакалейный человек! (Хлопает его по животу и уходит.)

Явление IV

Анна Петровна, Глагольев 1, Венгерович 1, Войницев и Бугров.

Бугров (входя). Уф! Страсть как жарит! Перед дождем, знать.

Войницев. Вы из сада?

Бугров. Из сада-с...

Войницев. Софи там?

Бугров. Какая Софи?

Войницев. Моя жена. Софья Егоровна! [4]

Венгерович 1. Я сейчас... (Уходит в сад.)

Явление V

Анна Петровна, Глагольев 1, Войницев, Бугров, Платонов и Саша (в русском костюме).

Платонов (в дверях Саше). Пожалуйста! Милости просим, молодая женщина! (Входит за Сашей.) Вот мы и не дома, наконец! кланяйся, Саша! Здравствуйте, ваше превосходительство! (Подходит к Анне Петровне, целует у нее одну руку и потом другую.)

Анна Петровна. Жестокий, нелюбезный... Можно ли заставлять ждать себя так долго? Ведь вы знаете, как я нетерпелива? Дорогая Александра Ивановна (Целуется с Сашей.)

Платонов. Вот мы и не дома, наконец! Слава тебе, господи! Шесть месяцев не видели мы ни паркета, ни кресел, ни высоких потолков, ниже даже людей... всю зиму проспали в берлоге, как медведи, и только сегодня выползли на свет божий! Сергею Павловичу! (Целуется с Войницевым.)

Войницев. И вырос, и пополнил и... черт знает чего только... Александра Ивановна! Батюшки, как пополнила! (Жмет Саше руку.) Здоровы? Похорошела и пополнила!

Платонов (пожимает руку Глагольеву). Порфирий Семенович... Очень рад вас видеть...

Анна Петровна. Как поживаете? Как живете-можете, Александра Ивановна? Да садитесь же, господа! Рассказывайте-ка... Сядем!..

Платонов (хохочет). Сергей Павлович! Он ли это? Господи! Где же длинные волосы, блузочка и сладенький тенорок? А ну-ка, скажите-ка что-нибудь!

Войницев. Я дурандас. (Смеется.)

Платонов. Бас, совершенный бас! Ну? Сядем... Подвигайтесь-ка, Порфирий Семеныч! Я сажусь. (Садится.) Садитесь, господа! Ф-ф-ф... Жара... Что, Саша! Нюхаешь?

Садятся.

Саша. Нюхаю.

Смех.

Платонов. Человечьим мясом пахнет. Прелесть что за запах! Мне кажется, что мы уже сто лет не видались. Черт знает, как долго эта зима тянется! А вон и мое кресло! Узнаешь, Саша? На нем шесть месяцев тому назад просиживал я дни и ночи, отыскивая с генеральшей причину всех причин и проигрывая твои блестящие гривеннички... Жарко...

Анна Петровна. Я зажалась, терпение потеряла... Здоровы?

Платонов. Очень здоровы... Надо вам доложить, ваше превосходительство, что вы и пополнили, и чуточку похорошели... Сегодня и жарко, и душно... Я уж начинаю скучать за холодом.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Анна Петровна. Как они оба варварски пополнили! Экий счастливый народ! Как жилось, Михаил Васильич?

Платонов. Скверно по обыкновению.. Всю зиму спал и шесть месяцев не видел неба. Пил, ел, спал, Майн Рида жене вслух читал.. Скверно!

Саша. Жилось хорошо, только скучно, разумеется.

Платонов. Не скучно, а очень скучно, душа моя. За вами скучал страшно.. Как кстати для меня теперь мои глаза! Видеть вас, Анна Петровна, после долгого, томительнейшего безлюдья и сквернолюдья – да ведь это непростительная роскошь!

Анна Петровна. Нате вам за это папироску! (Дает ему папиросу.)

Платонов. Мерсі.

Закуривают.

Саша. Вы вчера приехали?

Анна Петровна. В десять часов.

Платонов. В одиннадцать видел у вас огни, да побоялся зайти к вам. Небось утомлены были?

Анна Петровна. И что б зайти! Мы до двух часов проболтали.

Саша шепчет Платонову на ухо.

Платонов. Ах черт возьми! (Бьет себя по лбу.) Вот память-то! Что же ты раньше молчала? Сергей Павлович!

Войницев. Что?

Платонов. А он и молчит! Женился и молчит! (Встает.) Я забыл, а они и молчат!

Саша. И я забыла, пока он тут говорил.. Поздравляю вас, Сергей Павлович! Желаю вам.. всего, всего!

Платонов. Честь имею.. (Кланяется.) Совет да любовь, милый человек! Чудо сотворил, Сергей Павлович! Я от вас такого важного и отважного поступка никак не ожидал! Как скоро и как быстро! Кто мог ожидать от вас такой ереси?

Войницев. Каков я? И скоро, и быстро! (Хохочет.) Я сам не ожидал от себя такой ереси. Вмиг, батенька, склеилось дело. Влюбился и женился!

Платонов. Без «влюбился» не проходила ни одна зима, а в эту зиму еще и женился, цензурой обзавелся, как говорит наш поп. Жена – это самая ужасная, самая придирчивая цензура! Горе, если она глупа! Местечко нашли?

Войницев. Предлагают место в прогимназии, да не знаю, как быть. Не хотелось бы мне в прогимназию! Жалованья мало, да и вообще..

Платонов. Берете?

Войницев. Пока еще решительно ничего не знаю. Вероятно, нет..

Платонов. Гм.. Гулять, значит, будем. Три года прошло с тех пор, как вы кончили университет?

Войницев. Да.

Платонов. Так.. (Вздыхает.) Бить вас некому! Нужно будет жене вашей сказать.. Прогулять три хороших года! а?

Анна Петровна. Жарко теперь толковать о высоких материях... Мне зевать хочется. Чего ради вы так долго не являлись, Александра Ивановна?

Саша. Времени не было... Миша клетку починял, а я в церковь ходила... Клетка поломалась, и нельзя было соловья так оставить.

Глагольев 1. А в церкви же что сегодня? Праздник какой?

Саша. Нет... Ходила заказывать отцу Константину обедню. Сегодня именинник Мишин отец покойник, и неловко как-то не помолиться... Панихиду отслужила...

Пауза.

Глагольев 1. Сколько прошло с тех пор, как скончался ваш отец, Михаил Васильич?

Платонов. Года три, четыре...

Саша. Три года и восемь месяцев.

Глагольев 1. Ну-те? Боже мой! Как быстро время летит! Три года и восемь месяцев! Давно ли, кажется, мы виделись с ним в последний раз? (Вздыхает.) В последний раз виделись мы в Ивановке, присяжными заседателями оба были... И тогда же произошел случай, как нельзя лучше характеризующий покойника... Судили, помню, одного бедненького и пьяненького казенного землемера за лихоимство и (смеется) оправдали... Василий Андреич, покойник, настоял... Часа три настаивал, доводы приводил, горячился... «Не обвиню его, кричит, пока вы не присягнете, что вы сами не берете взятки!» Нелогично, но... ничего с ним нельзя было поделать! Утомились мы страшно по его милости... С нами тогда был и покойный генерал Войницев, ваш супруг, Анна Петровна... Тоже человек в своем роде.

Анна Петровна. Ну этот не оправдал бы...

Глагольев 1. Да, он настаивал на обвинении... Помню обоих, красных, клокочущих, свирепых... Крестьяне держали сторону генерала, а мы, дворяне, сторону Василия Андреича... Мы пересилили, разумеется... (Смеется.) Ваш отец вызвал генерала на дуэль, генерал назвал его... извините, подлецом... Потеха была! Мы напоили после их пьяными и помирили... Нет ничего легче как мирить русских людей... Добряк был ваш отец, доброе имел сердце...

Платонов. Не доброе, а безалаберное...

Глагольев 1. Великий человек был в своем роде... Я уважал его. Мы были с ним в прекраснейших отношениях!

Платонов. Ну а вот я так не могу похвалиться этим. Я разошелся с ним, когда у меня не было еще ни волоска на подбородке, а в последние три года мы были настоящими врагами. Я его не уважал, он считал меня пустым человеком, и... оба мы были правы. Я не люблю этого человека! Не люблю за то, что он умер спокойно. Умер так, как умирают честные люди. Быть подлецом и в то же время не хотеть сознавать этого – страшная особенность русского негодяя!

Глагольев 1. De mortuis aut bene, aut nihil[5], Михаил Васильич!

Платонов. Нет... Это латинская ересь. По-моему: de omnibus aut nihil, aut veritas[6]. Но лучше veritas, чем nihil, поучительнее, по крайней мере... Полагаю, что мертвые не нуждаются в уступке...

Входит Иван Иванович.

Явление VI
Те же и Иван Иванович.

Иван Иванович (входит). Та-та-та... Зять и дочка! Светила из созвездия полковника

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Трилецкого! Здравствуйте, голубчики! Салют вам из крупповской пушки! Господи,
как жарко! Мишенька, голубчик мой...

Платонов (встает). Здравствуй, полковник! (Обнимает его.) Здоров?

Иван Иванович. Я всегда здоров... Терпит господь и не наказывает. Сашенька...
(Целует Сашу в голову). Давно я вас не лицезрел... Здорова, Сашенька?

Саша. Здорова... Ты здоров?

Иван Иванович (садится рядом с Сашей). Я всегда здоров. Во всю жизнь мою ни разу
не был болен... Давно уж я вас не видел! Каждый день все собираюсь к вам, внучка
повидать да с зятком свет белый покритиковать, да никак не соберусь... Занят,
ангелы мои! Позавчера хотел к вам поехать, новую двустволочку желал показать
тебе, Мишенька, да исправник остановил, в преферанс засадил... Славная
двустволочка! Аглицкая, сто семьдесят шагов дробью наповал... Внучек здоров?

Саша. Здоров, тебе кланяется...

Иван Иванович. Разве он умеет кланяться?

Войнищев. Сие нужно понимать духовно.

Иван Иванович. Ну да, ну да... Духовно... Скажи ему, Сашурка, чтоб скорей рос. На
охоту возьму с собой... Для него я уже и двустволочку маленькую приготовил...
Охотника из него сделаю, чтоб было кому после смерти свои охотничьи причиндалы
оставить...

Анна Петровна. Душка этот Иван Иваныч! Мы с ним на Петров день перепелов
стрелять поедем.

Иван Иванович. Го-го! Мы, Анна Петровна, на бекасов поход устроим. Мы на Бесово
болотце полярную экспедицию устроим...

Анна Петровна. Попробуем вашу двустволочку...

Иван Иванович. Попробуем. Диана божественная! (Целует ее руку.) Помните,
матушка, прошлый год? Ха-ха! Люблю таких особ, побей меня бог! Не люблю
малодушия! Вот она где самая-то и есть эмансипация женская! Ее в плечико
нюхаешь, а от нее порохом, Ганнибалами да Гамилькарами пахнет! Воевода, совсем
воевода! Дай ей эполеты, и погиб мир! Поедем! И Сашку с собой возьмем! Всех
возьмем! Покажем им, что значит кровь военная, Диана божественная, ваше
превосходительство! Александра Македонская!

Платонов. А ты уже клюкнул, полковник?

Иван Иванович. Разумеется... Sans doute...[7]

Платонов. То-то ты так и раскудахтался.

Иван Иванович. Я приехал сюда, братец ты мой, часов в восемь... Все еще спали...
Пришел сюда, да и давай ногами стучать... Смотрю, выходит она... смеется... Бутылочку
матерки распили. Диана три рюмочки выпила, а я остальное...

Анна Петровна. А нужно это рассказывать!

Вбегает Трилецкий.

Явление VII
Те же и Трилецкий.

Трилецкий. Господам родственникам!

Платонов. А-а-а... Плохой лейб-медик ее превосходительства! Argentum nitricum...
aquae destillatae...[8] Очень рад видеть, любезный! Здоров, сияет, блещет и
пахнет!

Трилецкий (целует Сашу в голову). Да и разнесли же черти твоего Михаила! Бык, настоящий бык!

Саша. Фи, как от тебя духами пахнет! Здоров?

Трилецкий. Здоровехонек. Умно сделали, что пришли. (Садится.) Как дела, Мишель?

Платонов. Какие?

Трилецкий. Твои, разумеется.

Платонов. Мои? А кто их знает, каковы они! Долго, брат, рассказывать, да и неинтересно. Где это ты так шикарно остригся? Хороша прическа! Стоит целковый?

Трилецкий. Меня не цирюльник чешет... У меня на это дамы есть, а дамам я не за прическу плачу целковые... (Ест мармелад.) Я, братец ты мой...

Платонов. Состричь хочешь? Ни, ни, ни... Не беспокойся! Избавь, пожалуйста.

Явление VIII

Те же, Петрин и Венгерович 1.

Петрин входит с газетой и садится. Венгерович 1 садится в угол.

Трилецкий (Ивану Ивановичу). Заплачь, отче!

Иван Иванович. Для чего мне плакать?

Трилецкий. Да вот, например, хоть от радости... Взгляни на меня! Это сын твой!.. (Указывает на Сашу.) Это дочь твоя! (Указывает на Платонова.) Этот юноша зять твой! Дочь-то одна чего стоит! Это перл, папаша! Один только ты мог породить такую восхитительную дочь! А зять?

Иван Иванович. Чего же мне, друг мой, плакать? Плакать не нужно.

Трилецкий. А зять? О... это зять! Другого такого не сыщешь, хоть обрыскай всю вселенную! Честен, благороден, великодушен, справедлив! А внук?! Что это за мальчишка разанафемский! Машет руками, тянется вперед этак и всё пищит: «дедь! дедь! где дедь? Подайте-ка мне сюда его, разбойника, подайте-ка мне сюда его усищи!»

Иван Иванович (вытаскивает из кармана платок). Чего же плакать? Ну и слава богу... (Плачет.) Плакать не нужно.

Трилецкий. Ты плачешь, полковник?

Иван Иванович. Нет... Зачем? Ну и слава тебе, господи!.. Что ж?..

Платонов. Перестань, Николай!

Трилецкий (встает и садится рядом с Бугровым). Жаркий нонче темперамент в воздухе, Тимофей Гордеич!

Бугров. Это действительно. Жарко, как в бане на самой верхней полочке. Темперамент в градусов тридцать, надо полагать.

Трилецкий. Что бы это значило? Отчего это так жарко, Тимофей Гордеич?

Бугров. Вам это лучше знать.

Трилецкий. Я не знаю. Я по докторской части шел.

Бугров. А по-моему-с, оттого так жарко, что мы засмеялись бы с вами, ежели б в июне месяце было холодно.

Смех.

Трилецкий. Так-с... Теперь понимаю... Что лучше для травы, Тимофей Гордеич, климат или атмосфера?

Бугров. Все хорошо, Николай Иванович, только для хлеба дождик нужней... Что толку с климата, ежели дождя нет? Без дождя он и гроша медного не стоит.

Трилецкий. Так... Это правда... Вашими устами, надо полагать, гласит сама мудрость. А какого вы мнения, господин бакалейный человек, касательно остального прочего?

Бугров (смеется). Никакого.

Трилецкий. Что и требовалось доказать. Умнейший вы человек, Тимофей Гордеич! Ну, а какого вы мнения насчет того астрономического фокуса, чтобы Анна Петровна дала нам поесть? а?

Анна Петровна. Подождите, Трилецкий! Все ждут, и вы ждите!

Трилецкий. Аппетитов она наших не знает! Не знает она, как нам с вами, а в особенности вам со мной выпить хочется! А славно мы выпьем и закусим, Тимофей Гордеич! Во-первых... Во-первых... (Шепчет Бугрову на ухо.) Плохо? Это за галстух... *Stematum simplex*... [9] Там всё есть: и распивочно и навынос... Икра, балык, семга, сардины... Далее – шести- или семиэтажный пирог... Во какой! Начинен всевозможными чудесами флоры и фауны Старого и Нового Света... Скорей бы только... Сильно голоден, Тимофей Гордеич? Откровенно...

Саша (Трилецкому). Не так тебе есть хочется, как бунт поднимать! Не любишь, когда люди покойно сидят!

Трилецкий. Не люблю, когда людей голодом морят, толстушка!

Платонов. Ты сейчас сострил, Николай Иванович, отчего же это не смеются?

Анна Петровна. Ах, как он надоел! Как он надоел! Нахален до безобразия! Это ужасно! Ну подождите же, скверный человек! Я вам дам поесть! (Уходит.)

Трилецкий. Давно бы так.

Явление IX
Те же, кроме Анны Петровны.

Платонов. Впрочем, не мешало бы... Который час? Я тоже голоден...

Войнищев. Где же моя жена, господа? Платонов ведь ее не видел еще... Надо познакомиться. (Встает.) Пойду ее искать. Ей так понравился сад, что она никак не расстанется с ним.

Платонов. Между прочим, Сергей Павлович... Я просил бы вас не представлять меня вашей супруге... Мне хотелось бы знать, узнает она меня или нет? Я когда-то был с ней знаком немножко и...

Войнищев. Знакомы? С Соней?

Платонов. Был во время оно... Когда еще был студентом, кажется. Не представляйте, пожалуйста, и молчите, не говорите ей ни слова обо мне...

Войнищев. Хорошо. Этот человек со всеми знаком! И когда он успевает знакомиться? (Уходит в сад.)

Трилецкий. А какую я важную корреспонденцию поместил в «Русском курьере», господа! Читали? Вы читали, Абрам Абрамыч?

Венгерович 1. Читал.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Трилецкий. Не правда ли, замечательная корреспонденция? Вас-то, вас, Абрам Абрамыч, каким я людоедом выставил! Такое про вас написал, что вся Европа ужаснется!

Петрин (хохочет). Так это вот про кого?! Вот кто этот В.! Ну, а кто же Б.?

Бугров (смеется). Это я-с. (Вытирает лоб.) Бог с ними!

Венгерович 1. Что ж! Это очень похвально. Если бы я умел писать, то непременно писал бы в газеты. Во-первых, деньги за это дают, а во-вторых, у нас почему-то принято пишущих считать очень умными людьми. Только не вы, доктор, написали эту корреспонденцию. Ее написал Порфирий Семеныч.

Глагольев 1. Вы откуда это знаете?

Венгерович 1, Знаю.

Глагольев 1. Странно... Я писал, это правда, но откуда вам это известно?

Венгерович 1, Всё можно узнать, лишь бы только желание было. Вы заказным посылали, ну и приемщик на нашей почте имеет хорошую память. Вот и все... И разгадывать нечего. Мое еврейское ехидство ни при чем... (Смеется.) Не бойтесь, мстить не стану.

Глагольев 1. Я и не боюсь, но... мне странно!

Входит Грекова.

Явление X
Те же и Грекова.

Трилецкий (вскакивает). Марья Ефимовна! Вот это так мило! Вот это так сюрприз!

Грекова (подает ему руку). Здравствуйте, Николай Иваныч! (Кивает всем головой.)
Здравствуйте, господа!

Трилецкий (снимает с нее тальму). Стащу с вас тальмочку... Живы, здоровы?
Здравствуйте еще раз! (Целует руку.) Здоровы?

Грекова. Как всегда... (Конфузится и садится на первое попавшееся стуло.) Анна Петровна дома?

Трилецкий. Дома. (Садится рядом.)

Глагольев 1. Здравствуйте, Марья Ефимовна!

Иван Иванович. Это Марья Ефимовна? Насилу узнал! (Подходит к Грековой и целует у нее руку.) Имею счастье видеть... Весьма приятно...

Грекова. Здравствуйте, Иван Иваныч! (Кашляет.) Ужасно жарко... Не целуйте мне, пожалуйста, рук... Я себя неловко чувствую... Не люблю...

Платонов (подходит к Грековой). Честь имею кланяться!.. (Хочет поцеловать руку.)
Как поживаете? Дайте же руку!

Грекова (отдергивает назад руку). Не нужно...

Платонов. Почему? Недостоин?

Грекова. Не знаю, достойны вы или недостойны, но... вы ведь неискренно?

Платонов. Неискренно? Почему же вы знаете, что неискренно?

Грекова. Вы не стали бы целовать моей руки, если бы я не сказала, что я не люблю этого целования... Вы вообще любите делать то, чего я не люблю.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Платонов. Сейчас уж и заключение!

Трилецкий (Платонову). Отойди!

Платонов. Сейчас... Как ваш клоповый эфир, Марья Ефимовна?

Грекова. Какой эфир?

Платонов. Я слышал, что вы добываете из клопов эфир... Хотите обогатить науку... Хорошее дело!

Грекова. Вы всё шутите...

Трилецкий. Да, он всё шутит... Итак, значит, вы приехали, Марья Ефимовна... Как ваша мама поживает?

Платонов. Какая вы розовенькая! Как вам жарко!

Грекова (встает.). Для чего вы мне это всё говорите?

Платонов. Поговорить хочу с вами... Давно с вами не беседовал. Зачем же сердиться? Когда же, наконец, вы перестанете на меня сердиться?

Грекова. Я замечаю, что вы чувствуете себя не в своей тарелке, когда видите меня... Не знаю, чем я вам мешаю, но... Я делаю вам удовольствие и по возможности избегаю вас... Если бы Николай Иваныч не дал мне честного слова, что вы здесь не будете, то я не приехала бы сюда... (Трилецкому). Стыдно вам лгать!

Платонов. Стыдно тебе лгать, Николай! (Грековой.) Вы плакать собираетесь... Поплачьте! Слезы приносят иногда облегчение...

Грекова быстро идет к двери, где встречается с Анной Петровной.

Явление XI

Те же и Анна Петровна.

Трилецкий (Платонову). Глупо... глупо! Понимаешь ты? Глупо! Еще раз и... мы враги!

Платонов. Ты-то тут при чем?

Трилецкий. Глупо! Ты не знаешь, что ты, Анна, делаешь!

Глагольев 1. Жестоко, Михаил Васильич!

Анна Петровна. Марья Ефимовна! Как я рада! (Пожимает Грековой руку.) Очень рада... Вы такая редкая у меня гостья... Вы приехали, и я вас люблю за это... Сядемте...

Садятся.

Очень рада... Спасибо Николаю Ивановичу... Он потрудился выклянчить вас из вашей деревеньки...

Трилецкий (Платонову). А если я ее люблю, положим?

Платонов. Люби... Сделай такое одолжение!

Трилецкий. Не знаешь ты, что ты говоришь!

Анна Петровна. Как вы поживаете, моя дорогая?

Грекова. Благодарю.

Анна Петровна. Вы утомлены... (Смотрит ей в лицо.) Проехать двадцать верст мудрено

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
без привычки...

Грекова. Нет... (Подносит к глазам платок и плачет.) Нет...

Анна Петровна. Что с вами, Марья Ефимовна?

Пауза.

Грекова. Нет...

Трилецкий ходит по сцене.

Глагольев 1 (Платонову). Надо вам извиниться, Михаил Васильич!

Платонов. Для чего?

Глагольев 1. Вы спрашиваете?! Вы были жестоки...

Саша (подходит к Платонову). Объяснись, а то я уйду!.. Извинись!

Анна Петровна. Я сама имею обыкновение плакать после дороги... Нервы расстраиваются!..

Глагольев 1. Наконец... Я хочу этого! Нелюбезно! Не ожидал я от вас!

Саша. Извинись, тебе говорят! Бессовестный!

Анна Петровна. Понимаю... (Смотрит на Платонова.) Успел уж... Извините меня, Марья Ефимовна. Я забыла поговорить с этим... с этим... Я виновата...

Платонов (подходит к Грековой). Марья Ефимовна!

Грекова (поднимает голову). Что вам угодно?

Платонов. Извиняюсь... Публично прошу прощения... Сгораю от стыда на пятидесяти кострах!.. Давайте же руку... Клянусь честью, что искренно... (Берет ее руку.) Помирился... Не будем хныкать... Мир? (Целует руку.)

Грекова. Мир. (Закрывает платком лицо и убегает.)

За ней уходит Трилецкий.

Явление XII

Те же, кроме Грековой и Трилецкого.

Анна Петровна. Не думала, что вы позволите себе... Вы!

Глагольев 1. Осторожность, Михаил Васильич, ради бога осторожность!

Платонов. Довольно... (Садится на диван.) Бог с ней... Я сделал глупость, что заговорил с ней, а глупость не стоит того, чтобы о ней много говорили...

Анна Петровна. Для чего Трилецкий пошел за ней? Не всем женщинам приятно, если видят их слезы.

Глагольев 1. Уважаю я в женщинах эту чуткость... Особенного ничего ведь вы... не сказали ей, кажется, но... Один намек, словечко...

Анна Петровна. Нехорошо, Михаил Васильич, нехорошо.

Платонов. Я извинился, Анна Петровна.

Входят Войницев, Софья Егоровна и Венгерович 2.

Явление XIII

Те же, Войницев, Софья Егоровна, Венгерович 2 и потом Трилецкий.

Войницев (вбегает). Идет, идет! (Поет.) Идет!

Венгерович 2 становится у дверей, скрестив на груди руки.

Анна Петровна. Наконец-то Софи надоел этот несносный зной! Милости просим!

Платонов (в стороне). Соня! Творец небесный, как она изменилась!

Софья Егоровна. Я так заболталась с м-г Венгеровичем, что совершенно забыла про зной... (Садится на диван на аршин от Платонова.) Я в восторге от нашего сада, Сергей.

Глагольев 1 (садится возле Софьи Егоровны). Сергей Павлович!

Войницев. Что прикажете?

Глагольев 1. Софья Егоровна, милейший мой друг, дала мне слово, что в четверг вы все будете у меня.

Платонов (в сторону). На меня посмотрела!

Войницев. Мы и сдержим это слово. Прикатим к вам целой компанией...

Трилецкий (входит). О женщины, женщины! Сказал Шекспир и сказал неправду. Нужно было сказать: ах вы, женщины, женщины!

Анна Петровна. Где Марья Ефимовна?

Трилецкий. Я ее в сад проводил. Пусть себе пошляется с горя!

Глагольев 1. Вы у меня еще ни разу не были, Софья Егоровна! У меня вам, надеюсь, понравится... Сад получше вашего, река глубокая, лошадки есть хорошие...

Пауза.

Анна Петровна. Молчание... Дурак родился.

Смех.

Софья Егоровна (тихо Глагольеву, кивая на Платонова). Кто это такой? Вот этот, что рядом со мной сидит!

Глагольев 1 (смеется). Это наш учитель...Фамилии не знаю...

Бугров (Трилецкому). Скажите мне на милость, Николай Иваныч, вы всякие болезни лечить можете или не всякие?

Трилецкий. Всякие.

Бугров. И сибирку?

Трилецкий. И сибирку.

Бугров. А ежели собака бешеная укусит, и это можете?

Трилецкий. А вас бешеная собака укусила? (Отодвигается от него.)

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Бугров (конфузится). Боже меня сохрани! Что это вы, Николай Иваныч! Христос с вами!

Смех.

Анна Петровна. Как к вам ехать, Порфирий Семеныч? Через Юсновку?

Глагольев 1. Нет... Круг дадите, если поедете чрез Юсновку. Езжайте прямо на Платоновку. Я обитаю почти что в самой Платоновке, в двух верстах от нее.

Софья Егоровна. Я знаю эту Платоновку. Она всё еще существует?

Глагольев 1. Как же...

Софья Егоровна. Я когда-то с ее помещиком была знакома, с Платоновым. Сергей, ты не знаешь, где теперь этот Платонов?

Платонов (в сторону). Спросила бы она у меня, где он.

Войницев. Кажется, знаю. Не помнишь ли, как его зовут? (Смеется.)

Платонов. Я тоже когда-то был с ним знаком. Его зовут, кажется, Михаилом Васильичем.

Смех.

Софья Егоровна. Да, да... Его зовут Михаилом Васильичем. Когда я была с ним знакома, он был еще студентом, почти мальчиком... Вы смеетесь, господа... А я, право, ничего не нахожу остроумного в моих словах...

Анна Петровна (хохочет и указывает на Платонова). Да узнайте же его, наконец, а то он лопнет от нетерпения!

Платонов поднимается.

Софья Егоровна (поднимается и смотрит на Платонова). Да... он. Что же вы молчите, Михаил Васильич?... Неужели... это вы?

Платонов. Не узнаете, Софья Егоровна? И немудрено! Прошло четыре с половиной года, почти пять лет, а никакие крысы не в состоянии изгрызть так хорошо человеческую физиономию, как мои последние пять лет.

Софья Егоровна (подает ему руку). Я теперь только начинаю узнавать вас. Как вы изменились!

Войницев (подводит к Софье Егоровне Сашу). А это, рекомендую тебе, его жена!.. Александра Ивановна, сестра остроумнейшего из людей – Николая Иваныча!

Софья Егоровна (подает Саше руку). Очень приятно. (Садится.) Вы уж и женаты!.. Давно ли? Впрочем, пять лет...

Анна Петровна. Молодец, Платонов! Он нигде не бывает, но всех знает. Это, Софи, рекомендую вам, наш друг!

Платонов. Этой роскошной рекомендации достаточно для того, чтобы иметь право спросить вас, Софья Егоровна, как вы вообще поживаете? Как ваше здоровье?

Софья Егоровна. Поживаю вообще очень сносно, но здоровье плоховато. Вы как поживаете? Что поделяете теперь?

Платонов. Со мной судьба моя сыграла то, чего я ни в каком случае не мог предполагать в то время, когда вы видели во мне второго Байрона, а я в себе

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
будущего министра каких-то особенных дел и Христофора Колумба. Я школьный
учитель, Софья Егоровна, только всего.

Софья Егоровна. Вы?

Платонов. Да, я...

Пауза.

Пожалуй, что немножко и странно...

Софья Егоровна. Невероятно! Почему же... Почему же не больше?

Платонов. Мало одной фразы, Софья Егоровна, чтобы ответить на ваш вопрос...

Пауза.

Софья Егоровна. Университет вы по крайней мере кончили?

Платонов. Нет. Я его бросил.

Софья Егоровна. Гм... Это все-таки не мешает ведь вам быть человеком?

Платонов. Виноват... Я не понимаю вашего вопроса...

Софья Егоровна. Я неясно выразилась. Это вам не мешает быть человеком...
тружеником, хочу сказать, на поприще... ну хоть, например, свободы эмансипации
женщин... Не мешает это вам быть служителем идеи?

Трилецкий (в сторону). Завралась!

Платонов (в сторону). Вот как! Гм... (Ей.) Как вам сказать? Пожалуй, что это и не
мешает, но... чему же мешать-то? (Смеется.) Мне ничто не может мешать... Я лежащий
камень. Лежачие камни сами созданы для того, чтоб мешать...

Входит Щербук.

явление XIV
Те же и Щербук.

Щербук (в дверях). Лошадям овса не давай: плохо везли!

Анна Петровна. Ура! Мой кавалер пришел!

Все. Павел Петрович!

Щербук (молча целует у Анны Петровны и Саши руку, молча кланяется мужчинам,
каждому отдельно и отдает общий поклон). Друзья мои! Скажите мне, недостойному
субъекту, где та особа, видеть которую душа моя стремится? Подозрение имею и
думаю, что эта особа – оне! (Указывает на Софью Егоровну.) Анна Петровна,
позвольте мне просить вас отрекомендовать меня им, чтобы они знали, что я такой
за человек!

Анна Петровна (берет его под руку и подводит к Софье Егоровне). Отставной
гвардии корнет Павел Петрович Щербук!

Щербук. А касательно чувств?

Анна Петровна. Ах да... Наш приятель, сосед, кавалер, гость и кредитор.

Щербук. Действительно! Друг первейший его превосходительства покойничка

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
генерала! Под предводительством его брал крепости, именуемые женским полонезом.
(Кланяется.) Позвольте ручку-с!

Софья Егоровна (протягивает руку и отдергивает ее назад). Очень приятно, но... не нужно.

Щербук. Обидно-с... Вашего супруга на руках носил, когда он еще под стол пешком ходил... Я от него знак имею и знак сей в могилу унесу. (Открывает рот.) В-во! Зуба нет! Замечаете?

Смех.

Я его на руках держал, а он, Сереженька-то, пистолетом, коим забавляться изволил, мне по зубам реприманду устроил. Хе, хе, хе... Шалун! Вы его, матушка, не имею чести знать вашего имени и отчества, в строгости содержите! Красотой своей вы мне одну картину напоминаете... Носик только не такой... Не дадите ручки?

Петрин подсаживается к Венгеровичу 1 и читает ему вслух газету.

Софья Егоровна (протягивает руку). Если вы уж так...

Щербук (целует руку). Мерсі вас! (Платонову.) Как здоровье, Мишенька? Молодец-то какой вырос! (Садится.) Я знал тебя еще в тот период, когда ты на свет божий с недоумением глядел... И всё растет, и всё растет... Тьфу, чтоб не сглазить! Молодчина! Красавец-то какой! Ну чего, купидон, по военной не идешь?

Платонов. Грудью слаб, Павел Петрович!

Щербук (указывает на Трилецкого). Он сказал? Верь ему, свистуну, так без головы останешься!

Трилецкий. Прошу не ругаться, Павел Петрович!

Щербук. Он мне поясницу лечил... Того не ешь, другого не ешь, на полу не спи... Ну и не вылечил. Я его и спрашиваю: «Зачем же ты деньги взял, а не вылечил?» А он и говорит: «Что-нибудь из двух, говорит, или лечить, или деньги брать». Каков молодец?

Трилецкий. Для чего же врать, Вельзевул Буцефалович? Сколько вы мне дали денег, позвольте вас спросить? Припомните-ка! Съездил я к вам шесть раз и получил только всего рубль, да еще порванный рубль... Хотел его нищему дать, да нищий не взял. «Порван, говорит, очень, номеров нет!»

Щербук. И ездил шесть раз не потому, что я болен был, а потому, что у моего арендатора дочка кельк шоз[10].

Трилецкий. Платонов, ты близко к нему сидишь... Щелкни его раз от моего имени по лысине! Сделай милость!

Щербук. Отстань! Довольно! Не раздражай спящего льва! Молод еще, еле видим! (Платонову.) И отец твой был молодец! Мы с ним, с покойничком, большие друзья были. Штукарь он был! Теперь таких и нет проказников, какими мы с ним были... Эх. Прошло время... (Петрину.) Герася! Побойся всевышнего! Мы здесь беседуем, а ты вслух читаешь! Имей деликатность!

Петрин продолжает читать.

Саша (толкает Ивана Ивановича в плечо). Папа! Папа, не спи здесь! стыдно!

Иван Иванович просыпается и чрез минуту опять засыпает.

Щербук. Нет... Не могу я говорить!.. (Встает.) Его слушайте... Он читает!..

Петрин. (встает и подходит к Платонову). Что вы сказали-с?

Платонов. Решительно ничего...

Петрин. Нет, вы что-то сказали-с... Вы сказали что-то про Петрина...

Платонов. Вам приснилось, должно быть...

Петрин. Критикуете-с?

Платонов. Ничего я не говорил! Уверяю вас, что нам это приснилось!

Петрин. Можете говорить, сколько вам угодно... Петрин... Петрин... Что Петрин? (кладет газету в карман.) Петрин, может быть, в университете обучался, кандидат прав, может быть... Вам это известно?... Ученое звание за мной до гроба останется... Так-то-с. Надворный советник... Вам это известно? И пожил побольше вашего. Шестой десяточек, слава богу, доживаю.

Платонов. Очень приятно, но... что же из этого следует?

Петрин. Поживите с мое, душенька, так узнаете! Жизнь пережить не шутка! Жизнь кусается...

Платонов (пожимает плечами). Право, не знаю, что вы этим хотите сказать, Герасим Кузьмич... Я вас не понимаю... Начали вы о себе, а с себя съехали на жизнь... Что может быть общего между вами и жизнью?

Петрин. Вот как ломает вас жизнь, потрясет хорошенечко, тогда сами на молодых с предостережением смотреть станете... Жизнь, сударь мой... Что такое жизнь? А вот что-с! Когда родится человек, то идет на одну из трех дорог жизненных, кроме которых других путей не имеется: пойдешь направо – волки тебя съедят, пойдешь налево – сам волков съешь, пойдешь прямо – сам себя съешь.

Платонов. Скажите... Гм... Вы пришли к этому умозаключению путем науки, опыта?

Петрин. Путем опыта.

Платонов. Путем опыта... (Смеется.) Говорите, почтенный Герасим Кузьмич, кому-нибудь другому, а не мне... Вообще бы я вам советовал не говорить со мной о высокий материях... И смеюсь, и, ей-богу, не верю. Не верю я вашей старческой, самоделковой мудрости! Не верю, друзья моего отца, глубоко, слишком искренно не верю вашим простым речам о мудреных вещах, всему тому, до чего вы дошли своим умом!

Петрин. Да-с... Действительно... Из молодого деревца всё сделаешь: и домик, и корабль, и всё... а старое, широкое да высокое, ни к черту не годится...

Платонов. Я не говорю вообще про стариков; я говорю про друзей много отца.

Глагольев 1. Я тоже был другом вашего отца, Михаил Васильевич!

Платонов. Мало ли у него было друзей... Бывало, весь двор был напряжен каретами да колясками.

Глагольев 1. Нет... Но, значит, и мне вы не верите? (Хохочет.)

Платонов. Гм... Как вам сказать?... И в вас, Порфирий Иванович, плохо верю.

Глагольев 1. Да? (Протягивает ему руку.) Спасибо, дорогой мой, за откровенность! Ваша откровенность еще более привязывает меня к вам.

Платонов. Вы добряк... Я даже глубоко уважаю вас, но... но...

Глагольев 1. Пожалуйста, говорите!

Платонов. Но... но нужно быть слишком доверчивым, чтобы веровать в тех фонвизинских солидных Стародумов и сахарных Милонов, которые всю свою жизнь ели щи из одной чашки со Скотиниными и Простаковыми, и в тех сатрапов, которые потому только и святы, что не делают ни зла, ни добра. Не рассердитесь,

пожалуйста!

Анна Петровна. Не люблю я подобных бесед, а в особенности, если они ведутся Платоновым... Всегда плохо оканчиваются. Михаил Васильич, рекомендую вам нашего нового знакомого! (Указывает на Венгеровича 2.) Исак Абрамович Венгерович, студент...

Платонов. А... (Встает и идет к Венгеровичу 2.) Очень приятно! Очень рад. (Протягивает руку.) Дорого я дал бы теперь, чтобы иметь право опять называться студентом...

Пауза.

Я вам руку подаю... Берите же мою или давайте мне свою...

Венгерович 2. Я не сделаю ни того, ни другого...

Платонов. Что?

Венгерович 2. Я не подам вам своей руки.

Платонов. Загадка... Почему-с?

Анна Петровна (в сторону). Черт знает что!

Венгерович 2. Потому что я имею на это основание... Я презираю таких людей, как вы!

Платонов. Брависсимо... (Осматривает его.) Я сказал бы вам, что это мне ужасно нравится, если бы это не пощекотало вашего самолюбия, которое нужно побережь для будущего...

Пауза.

Вы смотрите на меня, точно великан на пигмея. Может быть, вы и в самом деле великан.

Венгерович 2. Я честный человек и не пошляк.

Платонов. С чем вас и поздравляю... Странно было бы видеть в молодом студенте нечестного человека... О вашей честности вас никто и не спрашивает... Не дадите руки, юноша?

Венгерович 2. Я не подаю милостыни.

Трилецкий шикает.

Платонов. Не подаете? Ваше дело... Я о приличии говорю, а не о милостыне... Сильно презираете?

Венгерович 2. Насколько это возможно для человека, всей душой ненавидящего пошлость, тунеядство, фиглярство...

Платонов (вздыхает). Давно уж я не слышал таких речей... Что-то слышится родное в звонких песнях ямщика!.. И я когда-то был мастером рассыпаться... Только, к сожалению, всё это фразы... Милые фразы, но только фразы... Чутьочку бы искренности... Фальшивые звуки ужасно действуют на непривычное ухо...

Венгерович 2. Не прекратить ли нам этот разговор?

Платонов. Для чего? Нас охотно слушают, да и мы еще не успели надоест друг

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
другу... Давайте еще побеседуем в том же духе...

Вбегают Василий и за ним Осип.

Явление XV
Те же и Осип.

Осип (входит). Кгм... Честь имею и удовольствие поздравить ваше превосходительство с приездом...

Пауза.

Желаю вам всего того, что вы от бога желаете.

Смех.

Платонов. Кого вижу?! Чертов кум! Самый страшный из людей! Ужаснейший из смертных!

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста! Вас недоставало! Зачем пришел?

Осип. Поздравить.

Анна Петровна. Очень нужно! Проваливай!

Платонов. Ты ли это, во тьму ночей и в свет дня вселяющий грозный ужас? давно уж я не видел тебя, человекоубийца, шестьсот шестьдесят шесть! Ну, приятель? Распространись о чем-нибудь! Вонмем великому Осипу!

Осип (кланяется). С приездом, ваше превосходительство! Сергею Павлычу! С браком с законным! Дай бог, чтоб всё... что касательно семейства выходило лучше... всего! Дай бог!

Войнищев. Спасибо! (Софье Егоровне.) Это, Софи, рекомендую тебе, наше войнищевское пугало!

Анна Петровна. Не держите его, Платонов! Пусть уходит! Я на него сердита. (Осипу.) Скажешь на кухне, чтобы тебе дали пообедать... Экие ведь какие зверские глаза! Много за зиму нашего леса накрал?

Осин (смеется). Деревца три-четыре...

Смех.

Анна Петровна (смеется). Врешь, больше! У него и цепочка есть! Скажите! Это золотая цепочка? Позвольте узнать, который час?

Осип (смотрит на стенные часы). Двадцать две минуты второго... Позвольте мне вашу ручку поцеловать!

Анна Петровна (подносит к его губам руку). На, целуй...

Осип (целует руку). Очень вам благодарен, ваше превосходительство, за ваше сочувствие! (Кланяется.) Что вы за меня держитесь, Михаил Васильич!

Платонов. Боюсь, чтобы ты не ушел. Люблю тебя, милый! Какой молодец, черт тебя задери совсем! Каким это образом, мудрый, тебя угораздило попасть сюда?

Осип. За дураком гнался, за Василием, да и зашел кстати.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Платонов. Умный гнался за дураком, а не наоборот! Честь имею, господа, представить! Интереснейший субъект! Одно из интереснейших кровожадных животных современного зоологического музея! (Поворачивает Осипа на все стороны). Известен всем и каждому как Осип, конокрад, чужеяд, человекоубийца и вор. Родился в Войницевке, грабил и убивал в Войницевке и пропадет в той же Войницевке!

Смех.

Осип (смеется). Чудной вы человек, Михаил Васильич!

Трилецкий (рассматривает Осипа). Чем занимаешься, любезный?

Осип. Воровством.

Трилецкий. Гм... Приятное занятие... Какой же ты, однако, циник!

Осип. Что значит циник?

Трилецкий. Циник слово греческое, в переводе на твой язык значущее: свинья, желающая, чтобы весь свет знал, что она свинья.

Платонов. Он улыбается, боги! Что это за улыбка! А лицо-то, лицо! В этом лице сто пудов железа! Не скоро разобьешь его о камень! (Подводит его к зеркалу.) Посмотри-ка, чудовище! Видишь? И ты не удивляешься?

Осип. Самый обыкновенный человек! Даже хуже...

Платонов. Будто бы? А не богатырь? Не илья Муромец? (Хлопает его по плечу.) О храбрый, победоносный росс! Что мы теперь значим с тобой? Шляемся из угла в угол мелкими людишками, чужеядами, места своего не знаем... Нам бы с тобой пустыню с витязями, нам бы с тобой богатырей с стопудовыми головами, с шипом, с посвистом! Уколотил бы Соловья Разбойника? А?

Осип. А кто ж его знает!

Платонов. Уколотил бы! Ведь у тебя силища! Это не мускулы, а канаты! Кстати, отчего ты не на каторге?

Анна Петровна. Кончите, Платонов! Право, надоело.

Платонов. Ты сидел хоть раз в остроге, Осип?

Осип. Случается... Каждую зиму сижу.

Платонов. Так и следует... В лесу холодно – иди в острог. Но отчего же ты не на каторге?

Осип. Не знаю... Пустите, Михаил Васильич!

Платонов. Ты не от мира сего? Ты вне времени и пространства? Ты вне обычаев и закона?

Осип. Позвольте-с... В законе написано, что только тогда пойдешь в Сибирь, когда на тебя обстоятельно докажут или на месте преступления поймут... Всякому, положим, известно, что я, положим, вор да разбойник (смеется), да не всякий доказать это может... Гм... Не смел нонче народ стал, глуп, неумный то есть... Боится всего... Ну и доказать боится... Выслать бы мог, да законов не понимает... Всё ему страшно... Осел нонче народ стал, одним словом... Всё норовит исподтишка, артелью... Пакостный народ, плевый... Невежество... И обижать такой народ не жалко...

Платонов. Как он важно рассуждает, подлец! Своим умом дошел, отвратительное животное! И он ведь на основании теорий... (Вздыхает.) Какая гадость еще возможна в России!..

Осип. Не один я так рассуждаю, Михаил Васильич! Все нонче так рассуждают. Да вот, например, хоть Абрам Абрамыч...

Платонов. Да, но и этот тоже незаконный... Всяк знает, да не всяк докажет.

Венгерович 1. Меня, полагаю, можно оставить в покое...

Платонов. Про него и толковать нечего... Это подобие твое; разница только в том, что он умней тебя и счастлив, как аркадский пастушок. Ну и... в глаза нельзя назвать, а тебя можно. Одного поля ягоды, но... Шестьдесят кабаков, друг мой, шестьдесят кабаков, а у тебя и шестидесяти копеек нет!

Венгерович 1. Шестьдесят три кабака.

Платонов. Через год будет семьдесят три... Он благодеяния делает, обеды дает, всеми уважаем, все перед ним шапку ломают, ну а ты... ты великий человек, но... жить, брат, не умеешь! Не умеешь жить, вредный человек!

Венгерович 1. Вы начинаете фантазировать, Михаил Васильич! (Встает и садится на другой стул.)

Платонов. На этой голове и громоотводов больше... Проживет преспокойно еще столько же, сколько и жил, если не больше, и умрет... и умрет ведь спокойно!

Анна Петровна. Перестаньте, Платонов!

Войницев. Помирней, Михаил Васильич! Осип, уходи отсюда! Своим присутствием ты только раздражаешь платоновские инстинкты.

Венгерович 1. Ему хочется выгнать меня отсюда, но не удастся!

Платонов. Удастся! Не удастся, сам уйду.

Анна Петровна. Платонов, вы не перестанете? Вы не распространяйтесь, а прямо говорите: перестанете вы или нет?

Саша. Замолчи, ради бога! (Тихо.) неприлично! Ты меня срамишь!

Платонов (Осипу). Проваливай! От души желаю тебе скорейшего исчезновения!

Осип. У Марфы Петровны есть попугайчик, который всех людей да собак называет дураками, а как завидит коршуна или Абрама Абрамыча, то и кричит: «Ах ты, проклятый!» (Хохочет.) Прощайте-с! (Уходит.)

Явление XVI
Те же без Осипа.

Венгерович 1. Кто бы, да не вы, молодой человек, позволяли себе читать мне мораль и еще в такой форме. Я гражданин и, скажу правду, полезный гражданин... Я отец, а вы кто? Кто вы, молодой человек? Извините, хлыщ, промотавшийся помещик, взявший в свои руки святое дело, на которое вы не имеете ни малейшего права, как испорченный человек...

Платонов. Гражданин... Если вы гражданин, то это очень нехорошее слово! Ругательное слово!

Анна Петровна. Он не перестанет! Платонов зачем отравляет нам день своим резонерством? Зачем говорить лишнее? И имеете ли вы право?

Трилецкий. Не покойно живется с этими справедливейшими и честнейшими... Всюду вмешиваются, везде у них дело, всё до них касается...

Глагольев 1. Начали, господа, о здравии, а оканчиваете за упокой...

Анна Петровна. Не следует, Платонов, забывать, того, что если гости бранятся, то хозяева чувствуют себя очень неловко...

Войницев. Это справедливо, а посему с этой же минуты всеобщее тссс... Мир, согласие и тишина!

Венгерович 1. Не дает и минуты покоя! Что я ему сделал? Это шарлатанство!

Войнищев. Тссс...

Трилецкий. Пусть себе бранятся! Нам же веселей.

Пауза.

Платонов. Как поглядишь вокруг себя, да подумаешь серьезно, в обморок падаешь!.. И что хуже всего, так это то, что всё мало-мальски честное, сносное молчит, мертвецки молчит, только смотрит... Всё смотрит на него с боязнью, всё кланяется до земли этому ожиревшему, позолоченному выскочке, всё обязано ему от головы до пяток! Честь в трубу вылетела!

Анна Петровна. Успокойтесь, Платонов! Вы начинаете прошлогоднюю историю, а я не выношу этого!

Платонов (пьет воду). Ладно. (Садится.)

Венгерович 1. Ладно.

Пауза.

Щербук. Мученик я, друзья мои, мученик!

Анна Петровна. Что там еще?

Щербук. Горе мне, друзья мои! Лучше в гробу лежать, чем с женою ехидною жить! Опять материя была! Чуть не убила меня неделю тому назад со своим дьяволом, рыжим Дон-Жуаном. Сплю я себе на дворе под яблонькой, сны вкушаю, на прошлые картины во сне с завистью поглядываю... (Вздыхает.) Вдруг... Вдруг как шарахнет меня кто-то по голове моей! Господи! Конеч, думаю, пришел! Землетрясение, борьба стихий, потоп, дождь огненный... Открываю глаза, а передо мной рыжий... Схватил меня рыжий за бока, да как даст со всего размаху по этим местам, а потом шлеп меня о землю! Подскочила лютая... Схватила меня за мою невинную бороду (хватает себя за бороду), а тут не пообедаешь! (Бьет себя по лысине). Чуть не убили... Думал, что богу душу отдам...

Анна Петровна. Вы преувеличиваете, Павел Петрович...

Щербук. Старуха ведь, старей всех на свете, ни кожи, ни рожи у старой кочерги, а туда же... любовь! Ах ты, ведьма! А рыжему это и на руку... Ему денежки нужны мои, а любовь ее ему не нужна...

Яков входит и подает Анне Петровне визитную карточку.

Войнищев. От кого это?

Анна Петровна. Перестаньте, Павел Петрович! (Читает.) «Comte Glagolief»[11]. К чему эти церемонии? Пожалуйста, проси! (Глагольеву 1.) Ваш сын, Порфирий Семеныч!

Глагольев 1. Мой сын?! Откуда он мог взяться? Он же за границей!

Входит Глагольев 2.

Явление XVII
Те же и Глагольев 2.

Анна Петровна. Кирилл Порфирыч! Как это любезно!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Глагольев 1 (встает). Ты, Кирилл... приехал? (Садится.)

Глагольев 2. Здравствуйте, mesdames! Платонову, Венгеровичу, Трилецкому... И чудак Платонов здесь... Салют, почет и уважение! Ужасно жарко в России... Прямо из Парижа! Прямехонько из французской земли! Ф-ф... Не верите? Честное и благородное слово! Домой только чемодан завез... Ну, да и Париж же, господа! Вот город!

Войницева. Садитесь, французский человек!

Глагольев 2. Нет, нет, нет... Я не в гости приехал, я так только... Мне одного только отца нужно видеть... (Отцу.) Ты что же это, послушай?

Глагольев 1. Что такое?

Глагольев 2. Ты ссориться хочешь? Ты зачем не присылал мне денег, когда я просил, а?

Глагольев 1. Дома об этом потолкуем.

Глагольев 2. Почему ты не присылал мне денег? Ты смеешься? Тебе всё шутки? Ты шутишь? Господа, можно за границей жить без денег?

Анна Петровна. Как вам жилось в Париже? Вы сядьте, Кирилл Порфирьич!

Глагольев 2. По его милости я воротился с одной только зубочисткой! Я послал ему из Парижа тридцать пять телеграмм! Почему ты не присылал мне денег, я тебя спрашиваю? Краснеешь? Стыдно?

Трилецкий. Не кричите, пожалуйста, ваше сиятельство! Будете кричать, pošлю судебному следователю вашу визитную карточку и привлеку вас к судебной ответственности за присвоение не принадлежащего вам графского титула! Неприлично!

Глагольев 1. Не делай, Кирилл, скандала! Я полагал, что шести тысяч будет достаточно. Успокойся!

Глагольев 2. Дай мне денег, я опять поеду! Давай сейчас! Сейчас давай! Еду! Давай скорей! Я спешу!

Анна Петровна. Куда вы так спешите? Успеете! Расскажите-ка нам лучше что-нибудь из своего путешествия...

Яков (входит). Готово-с!

Анна Петровна. Да? В таком случае, господа, идемте есть!

Трилецкий. Есть? Ура-а-а! (Хватает одной рукой за руку Сашу, а другой Глагольева 2 и бежит.)

Саша. Пусти! Пусти, сорванец! Я сама пойду!

Глагольев 2. Пустите! Что за свинство? Я не люблю шуток! (Вырывается.)

Саша и Трилецкий убегают.

Анна Петровна (берет Глагольева 2 под руку). Пойдемте-ка, парижанин! Нечего кипятиться попусту! Абрам Абрамыч, Тимофей Гордеич... Прошу! (Уходит с Глагольевым 2.)

Бугров (встает и потягивается). Пока дожدهшься этого завтрака, так весь слюной изойдешь. (Уходит.)

Платонов (подает Софье Егоровне руку). Вы позволите? Какие у вас удивленные глаза! Для вас этот мир – неведомый мир! Это мир (тише) глупцов, Софья Егоровна, глупцов набитых, невылазных, безнадежных... (Уходит с Софьей Егоровной.)

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Венгерович 1 (сыну). Теперь видел?

Венгерович 2. Это оригинальнейший негодяй! (Уходит с отцом.)

Войницев (толкает Ивана Ивановича). Иван Иваныч! Иван Иваныч! Завтракать!

Иван Иванович (вскакивает). А? Кто?

Войницев. Никто... Завтракать идемте!

Иван Иванович. Очень хорошо, душенька!

Уходит с Войницевым и Щербуком.

Явление XVIII
Петрин и Глагольев 1.

Петрин. Хочешь?

Глагольев 1. Я не прочь... Я уже говорил тебе!

Петрин. Голубчик... Непременно женишься?

Глагольев 1. Не знаю, братец. Захочет ли она еще?

Петрин. Захочет! Побей меня бог, захочет!

Глагольев 1. Кто знает? Предполагать не следует... Чужая душа потемки. Ты-то чего так хлопчешь?

Петрин. О ком же мне хлопотать, душенька? Ты человек хороший, она такая славная... Хочешь, я с ней поговорю?

Глагольев 1. Я и сам поговорю. Ты молчи пока и... если можно, пожалуйста, не хлопчи! Я и сам сумею жениться. (Уходит.)

Петрин (один). Вот ежели б сумел! Святые угодники, войдите в мое положение!.. Выйди генеральша за него, я богатый человек! По векселям получу, святые угодники! Даже аппетит пропал от этой радостной мысли. Венчаются рабы божии Анна и Порфирий или, то бишь, Порфирий и Анна...

Входит Анна Петровна.

Явление XIX
Петрин и Анна Петровна.

Анна Петровна. Вы же чего не идете завтракать?

Петрин. Матушка, Анна Петровна, можно вам намек сделать?

Анна Петровна. Делайте, только поскорей, пожалуйста... Мне некогда...

Петрин. Гм... Не дадите вы мне немножко денжат, матушка?

Анна Петровна. Какой же это намек? Это далеко не намек. Сколько вам нужно? Рубль, два?

Петрин. Сделайте умаление векселям. Надоело глядеть на векселя эти... Векселя – это одна только обманчивость, мечта туманная. Они говорят: ты владеешь! А на деле-то выходит, что ты вовсе не владеешь.

Анна Петровна. Вы всё про те же шестнадцать тысяч толкуете? Как вам не стыдно? Неужели вас ничто не коробит, когда вы кланчите этот долг? Как вам не грешно? На что вам, старику холостому, сдались эти нехорошие деньги?

Петрин. Они мне сдались, потому что они мои, матушка.

Анна Петровна. Вы эти векселя выманили у моего мужа, когда он был не трезв, болен... Вы это помните?

Петрин. Что ж такое, матушка? А на то они и векселя, чтоб по ним денежки требовались и платились. Деньги счет любят.

Анна Петровна. Хорошо, хорошо... Довольно. Денег у меня нет и не будет для вашего брата! Убирайтесь, протестуйте! Эх вы, кандидат прав! Ведь вы на днях умрете, для чего же мошенничаете? Чудак вы!

Петрин. Можно вам, матушка, намек сделать?

Анна Петровна. Нельзя. (Идет к двери.) Ступайте жевать!

Петрин. Позвольте, матушка! Родненькая, на минуточку? Вам Порфиша нравится?

Анна Петровна. Вам какое дело? Какое вам дело до меня, кандидат вы этакий!

Петрин. Какое дело? (Бьет себя по груди.) А кто, позвольте вас спросить, первым другом покойного генерал-майора был? Кто ему глаза на смертном одре закрыл?

Анна Петровна. Вы, вы, вы! Молодец вы за это!

Петрин. Пойду выпью за упокой его души... (Вздыхает.) И за ваше здравие! Горды и надменны, сударыня! Гордость пороков есть... (Уходит.)

Входит Платонов.

Явление XX

Анна Петровна и Платонов.

Платонов. Черт знает что за самолюбие! Его гонишь, а он сидит, как ни в чем не бывало... Вот уж воистину хамское барышническое самолюбие! О чем мыслите, превосходительная?

Анна Петровна. Вы успокоились?

Платонов. Успокоился... Но не будем сердиться... (Целует ее руку.) Все они, наша дорогая генеральша, достойны того, чтобы всякий имел право выгнать их из вашего дома...

Анна Петровна. С каким удовольствием я сама бы, невыносимый Михаил Васильич, прогнала этих гостей!.. В том и вся наша беда, что честь, о которой вы сегодня трактовали на мой счет, удобоварима только в теории, но никак не в практике. Ни я и ни ваше красноречие не имеем права прогнать их. Ведь всё это наши благодетели, кредиторы... Погляди я на них косо – и завтра же нас не будет в этом имении... Или имение, или честь, как видите... Выбираю имение... Понимайте это, милый пустослов, как хотите, и если вам угодно, чтобы я не уехала из прекрасных здешних мест, то не напоминайте мне о чести и не трогайте моих гусей... Меня зовут там... Сегодня после обеда едем кататься... Не смей уходить! (Бьет его по плечу.) Заживем! Идемте есть! (Уходит.)

Платонов (после паузы). А все-таки я его выгоню... Я всех выгоню!.. Глупо, нетактично, но... выгоню... Дал себе слово не трогать этого свинства, но что поделаешь? Характер – стихия, а бесхарактерность и подавно...

Входит Венгерович 2.

Явление XXI

Платонов и Венгерович 2.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Венгерович 2. Послушайте, господин учитель, я советовал бы вам не трогать моего отца.

Платонов. Мерсі за совет.

Венгерович 2. Я не шучу. Мой отец знаком с очень многими и поэтому легко может лишиться вас места. Я вас предостерегаю.

Платонов. Великодушный юноша! Как вас зовут?

Венгерович 2. Исаак.

Платонов. Авраам, значит, родит Исаака. Благодарю вас, великодушный юноша! В свою очередь потрудитесь передать вашему папаше, что я желаю ему и его многим провалиться сквозь землю! Идите кушать, а то там всё поедят без вас, юноша!

Венгерович 2 (пожимает плечами и идет к двери). Странно, если не глупо... (Останавливается) Не думаете ли вы, что я сержусь на вас за то, что вы не даете покоя моему отцу? Ничуть. Я поучаюсь, а не сержусь... Я изучаю на вас современных Чацких и... я понимаю вас! Если бы вам было весело, если бы не было так бездельнически скучно, то, поверьте, вы бы не трогали бы моего отца. Вы, господин Чацкий, не правды ищете, а увеселяетесь, забавляетесь... Дворни у вас теперь нет, надо же кого-нибудь распекать! Ну и распекаете всех и вся...

Платонов (смеется). Ей-богу, славно! А у вас, знаете ли, есть такое маленькое соображение...

Венгерович 2. Замечательно то отвратительное обстоятельство, что вы никогда не ссоритесь с моим отцом с глазу на глаз, тет-а-тет; вы выбираете для своих увеселений гостиную, где бы вы были видны глупцам во всем своем величии! О, театр!

Платонов. Желал бы я поговорить с вами лет через десять, даже пять... Как-то вы сохранитесь? Останется ли нетронутым этот тон, этот блеск очей? А ведь попортитесь, юноша! По наукам у вас хорошо идут дела?... По лицу вижу, что плохо... Попортитесь! Впрочем, идите есть! Я не буду больше беседовать с вами. Мне не нравится ваша злая физиономия...

Венгерович 2 (смеется). Эстетик. (Идет к двери.) Лучше злая физиономия, чем физиономия, напрашивающаяся на пощечину.

Платонов. Да, лучше... Но... ступайте есть!

Венгерович 2. Мы не знакомы... Не забудь те, пожалуйста... (Уходит.)

Платонов (один). Мало знающий, много думающий и из-за угла много говорящий юноша, (Смотрит в дверь столовой.) А вон и Софья. По сторонам смотрит... Меня ищет своими бархатными глазами. Какая она еще хорошенькая! Сколько в ее лице красивого! Волосы всё те же! Тот же цвет, та же прическа... Сколько раз приходилось мне целовать эти волосы! Славные воспоминания навевают на меня эта головка...

Пауза.

Неужели и для меня уже настала пора довольствоваться одними только воспоминаниями?

Пауза.

Воспоминания вещь хорошая, но... неужели мне-то... уж конец? Ох, не дай бог, не дай бог! Лучше смерть... Надо жить... Жить еще... Молод я еще!

Входит Войницев.

Явление XXII

Платонов и Войницев и потом Трилецкий.

Войницев (входит и вытирает губы салфеткой). Идемте за здоровье Софи пить, нечего прятаться!.. Ну что?

Платонов. Смотрю и люблюсь на вашу супругу... Чудо барыня!

Войницев смеется.

Платонов. Большой вы счастличик!

Войницев. Да... Я сознаю... Я счастлив. Не то чтобы счастлив, а с точки зрения... нельзя сказать, чтобы совершенно... Но вообще очень счастлив!

Платонов (смотрит в дверь столовой). Я давно уже знаю ее, Сергей Павлович! Я ее знаю, как свои пять пальцев. Как она хороша, но как она была хороша! Жаль, что вы ее не знали тогда! Как она хороша!

Войницев. Да.

Платонов. Глаза-то?!

Войницев. А волосы?!

Платонов. Она была чудной девушкой! (Смеется.) А моя-то Саша, моя Авдотья, Матрена, Пелагея... Вон она сидит! Чуть видна из-за графина с водкой! Раздражена, взволнована, возмущена моим поведением! Терзается, бедная, мыслью, что все теперь осуждают и ненавидят меня за то, что я поругался с Венгеровичем!

Войницев. Извини за нескромность вопроса... Ты счастлив с ней?

Платонов. Семья, брат... Отними ты у меня ее, и я, кажется, окончательно пропал... Гнездо! Поживешь, узнаешь. Жаль только, что ты мало собачился, цены семье не знаешь. Я свою Сашку и за миллион не продам. Мы с ней сошлись как нельзя лучше... Она глупа, а я никуда не годен...

Трилецкий входит.

(Трилецкому.) Натрескался?

Трилецкий. Страсть. (Бьет себя по животу.) Твердыня! Пойдемте-ка, гуси лапчатые, выпьем... Надо бы, господа, для приезда господ... Эх, братцы... (Обнимает их обоих вместе.) Да и выпьем же! Эх! (Потягивается.) Эх! Жизнь наша человеческая! Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых... (Потягивается.) Гуси вы лапчатые! Жулики...

Платонов. У своих больных ты сегодня был?

Трилецкий. Об этом после... Или вот что, Мишель... Говорю тебе раз навсегда. Меня не трогай! Надоел ты мне пуще горькой редьки своими поучениями! Будь человеколюбив! Убедись наконец, что я стена, а ты горох! Или уж если тебе так приспичило, если чешется твой язык, то изложи мне письменно всё то, что тебе нужно. Наизусть выучу! Или, наконец, даже читай мне поучения в определенный час. Даю тебе час в сутки... От четырех до пяти пополудни, например... Хочешь? Я даже платить тебе буду по рублю за этот час. (Потягивается.) Целый день, целый день...

Платонов (Войницеву). Объясни мне, пожалуйста, что значит объявление в «Ведомостях»? Неужели в самом-таки деле пришла пора?

Войницев. Нет, не беспокойся! (Смеется.) Это маленькая коммерческая комбинация... Будут торги, и имение наше купит Глагольев. Порфирий Семеныч освободит нас от банка, и мы ему, а не банку, будем платить проценты. Это его выдумка.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Платонов. Не понимаю. Какая ему тут выгода? Дарит он, что ли? Не понимаю я этого подарка, да и едва ли он вам... нужен.

Войницева. Нет... Впрочем, я сам не совсем понимаю. Спроси у маман, она растолкует... Знаю только, что имение после продажи останется за нами и что выплачивать за него мы будем Глагольеву. Маман сейчас же выдает ему своих пять тысяч в уплату. Во всяком случае с банком не так удобно вести дела, как с ним. Ох, надоел же мне этот банк! Ты не надоел так Трилецкому, как мне надоел этот банк! Бросим коммерцию! (Берет Платонова под руку.) Пойдем, выпьем за наше «ты»! Николай Иваныч! Пойдем, брат! (Берет Трилецкого под руку.) Выпьемте за наши хорошие отношения, друзья! Пусть судьба лишает меня всего! Пусть пропадут к черту все эти коммерческие комбинации! Были бы живы да здоровы люди, которых я люблю, вы, да моя Соня, да моя мачеха! В вас моя жизнь! Пойдем!

Платонов. Иду. Я выпью за все и выпью, должно быть, все! Я давно уже не был пьян, и мне хочется напиться.

Анна Петровна (в дверь). О дружба, это ты! Хороша тройка! (Поет.) Запрягу ль я тройку борзых...

Трилецкий. Темно-карих лошадей... С коньяка начинать, ребята!

Анна Петровна (в дверь). Идите, дармоеды, есть! Простыло всё!

Платонов. Ох, о дружба, это ты! Всегда везло мне в любви, но никогда не везло в дружбе. Боюсь, господа, чтоб и вам не пришлось плакать от моей дружбы! Выпьем за благополучный исход всех дружб, в том числе и нашей! Да будет конец ее так же не бурен и постепенен, как и начало! (Уходят в столовую.)

Конец первого действия

Действие второе

Картина первая

Сад. На первом плане цветник с круговой аллеюй. В центре цветника статуя. На голове статуи плошка. Скамьи, стулья, столики. Направо фасад дома. Крыльцо. Окна открыты. Из окон несутся смех, говор, звуки рояля и скрипки (кадриль, вальсы и проч.). В глубине сада китайская беседка, увешанная фонарями. Над входом в беседку вензель с литерами «С. В». За беседкой игра в кегли; слышны катание шаров и возгласы: «Пять хороших! Четыре нехороших!» и т. п. Сад и дом освещены. По саду снуют гости и прислуга. Василий и Яков (в черных фраках, пьяные) развешивают фонари и зажигают плошки.

Явление I

Бугров и Трилецкий (в фуражке с кокардой).

Трилецкий (выходит из дома под руку с Бугровым). Давай же, Тимофей Гордеич! Ну что тебе стоит дать? Взаимы ведь прошу!

Бугров. Верьте богу, не могу-с! Не обижайте, Николай Иваныч!

Трилецкий. Можешь, Тимофей Гордеич! Ты всё можешь! Ты можешь всю вселенную купить и выкупить, только не хочешь! Ведь взаимы прошу! Пойми ты, чудак! Честное слово, не отдам!

Бугров. Видите-с, видите-с? Проговорились касательно неотдачи!

Трилецкий. Ничего не вижу! Вижу одно только твое бесчувствие. Давай, великий человек! Не дашь? Давай, тебе говорят! Прошу, умоляю наконец! Неужели ты такой бесчувственный? Где же твое сердце?

Бугров (вздыхает). Э-хе-хех, Николай Иваныч! Исцелять-то вы не исцеляете, а деньгу тащите...

Трилецкий. Ты хорошо сказал! (Вздыхает.) Ты прав.

Бугров (вынимает бумажник). И насмешка тоже по вашей части. Чуть что, сейчас:

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

ха-ха-ха! Нешто можно так? То-то, что не можно... Хоть необразованные, а все же крещеные, как и ваш брат ученый... Ежели я глупо говорю, то вы должны наставить, а не смеяться. Так-то. Мы люди мужики, не пудренные, кожа на нас дубленая, с нас мало и спрашивайте, извиняйте... (Открывает бумажник.) В последний раз, Николай Иваныч! (Считает.) Один... шесть... двенадцать...

Трилецкий (смотрит в бумажник). Батюшки! А еще говорят, что у русских денег нет! Где ты их набрал столько?

Бугров. Пятьдесят... (Подает ему деньги.) В последний раз.

Трилецкий. А это что за бумажка? и ее ты дай. Она на меня так умильно смотрит!(Берет деньги.) Дай же и эту бумажку!

Бугров (дает еще). Получите-с! Жадности в вас много, Николай Иваныч!

Трилецкий. И всё рублевика, и всё рублевика. Милостыню ты собирал, что ли? А они у тебя не фальшивые?

Бугров. Пожалуйте назад, ежели фальшивые!

Трилецкий. Отдал бы назад, ежели бы они тебе были нужны... Мерсі, Тимофей Гордеич! Желаю тебе еще больше потолстеть и медаль получить. Скажи мне, пожалуйста, Тимофей Гордеич, зачем ты такую ненормальную жизнь ведешь? Пьешь много, говоришь басом, потеешь, не спишь, когда следует... Например, отчего ты сейчас не спишь? Ты человек полнокровный, желчный, вспыльчивый, бакалейный, тебе рано ложиться нужно! У тебя и жил больше, чем у других. Можно ли так убивать себя?

Бугров. Но?

Трилецкий. Вот тебе и но! Впрочем, не пугайся... Шучу... Рано тебе еще умирать... Поживешь! Много у тебя денег, Тимофей Гордеич?

Бугров. Хватит на наш век.

Трилецкий. Хороший, умный ты человек, Тимофей Гордеич, но большой мошенник! Ты меня извини... Я по дружбе... Ведь мы друзья? Большой мошенник! Для чего ты векселя Войницева скупаешь? Для чего ему деньги даешь?

Бугров. Не вашего ума это дело, Николай Иваныч!

Трилецкий. Хочешь с Венгеровичем шахты генеральшины схватить? Генеральша, мол, жалится над пасынком, не даст ему погибнуть, отдаст тебе свои шахты? Великий ты человек, но мошенник! Плут!

Бугров. Вот что-с, Николай Иваныч... Я пойду усну где-нибудь около беседочки маленько, а вы, когда станут ужин подавать, меня и разбудите.

Трилецкий. Прелестно! Иди спи.

Бугров (идет). А ежели не будут ужина подавать, то разбудите в половину одиннадцатого! (Уходит к беседке.)

Явление II

Трилецкий и потом Войнецев.

Трилецкий (рассматривает деньги). Мужиком пахнут... Надрал, каналья! Куда же мне их девать? (Василию и Якову.) Эй, вы, вольнонаемники! Василий, позови сюда Якова, Яков, позови сюда Василия! Ползите сюда! Живо!

Яков и Василий подходят к Трилецкому.

Они во фраках! Ах, черт возьми! Ужасно вы на господ похожи! (Дает Якову рубль.) Это тебе рубль! (Василию.) Это тебе рубль! Это вам за то, что у вас носы длинные.

Яков и Василий (кланяются). Много довольны, Николай Иваныч!

Трилецкий. Что же вы, славяне, качаетесь? Пьяны? Оба как веревки? Будет же вам от генеральши, коли узнает! По мордасам отлупит! (Дает еще по рублю.) Нате еще по рублю! Это за то, что тебя Яковом зовут, а его Василием, а не наоборот. Кланяйтесь!

Яков и Василий кланяются.

Совершенно верно! А это вам еще по рублю за то, что меня Николаем Ивановичем, а не Иваном Николаевичем зовут! (Дает еще.) кланяйтесь! Так! Смотрите, не пропить! Горького лекарства пропишу! Ужасно вы на господ похожи! Ступайте фонари зажигать! Марш! Довольно с вас!

Яков и Василий отходят. Войницев проходит через сцену.

(Войницеву.) На тебе три рубля!

Войницев берет деньги, машинально кладет их в карман и уходит в глубину сада.

Поблагодари же!

Выходят из дома Иван Иванович и Саша.

Явление III
Трилецкий, Иван Иванович и Саша.

Саша (входя). Боже мой! Когда же всему этому конец будет? И за что ты так наказал меня? Этот пьян, Николай пьян, Миша тоже... Хоть бы бога вы побоялись, бессовестные, если людей не стыдитесь! Все смотрят на вас! Мне-то, мне-то каково видеть, как все на вас пальцем указывают!

Иван Иванович. Не то, не то! Постой... Ты меня запутала... Постой...

Саша. Вас в благородный дом пускать нельзя! Не успели войти, как уже и пьяны! У, безобразный! А еще тоже старый! Ты должен пример им подавать, а не то что вместе с ними пить!

Иван Иванович. Постой, постой... Ты меня запутала... О чем бишь я? Да! И не лгу, брат Саша! Послужи я еще лет пять, генералом был бы! А что думаешь, не был бы генералом? Фи!.. (Хохочет.) С моим характером да не быть генералом? С моим образованием? Не понимаешь же ты ничего после этого... Ты, значит, не понимаешь...

Саша. Пойдем! Генералы не пьют так.

Иван Иванович. От восторга все пьют! Был бы генералом! Да молчи ты, сделай милость! Вся в мать! Зу-зу-зу... Господи, ей-богу! Та, бывало, день и ночь, день и ночь... То не так, другое не так... Зу-зу-зу... О чем бишь я? Да! И вся ты в покойницу мать, моя крошечка! Вся ты... Вся... И глазки, и волосочки... И ходила та тоже так, как гусочка... (Целует ее.) Ангел мой! Вся ты в покойницу... Страсть как любил покойницу! Не уберег, старый Шут Иваныч Балалайкин!

Саша. Будет тебе... Идем! Seriously, папа... Пора уже тебе оставить выпивку и скандалы. Предоставь это тем здоровилам... Они молодые, а тебе все-таки, старику, не к лицу, право...

Иван Иванович. Слушаю, друг мой! Понимаю! Не буду... Слушаю... Ну да, ну да... Понимаю... о чем бишь я?

Трилецкий (Ивану Ивановичу). На тебе, ваше высокоблагородие, сто копеек! (Дает ему рубль.)

Иван Иванович. Так-с... Беру, сын мой! Мерсі... От чужого не возьму, но от сына своего всегда возьму... Возьму и возрадуюсь... Не люблю, деточки, чужих финансов. И, боже мой, как не люблю! Честен, дети! Честен ваш отец! В жизнь мою ни разу не грабил ни отечества, ни пенатов! А стоило только чуточку руку кое-куда запустить, и был бы богат и славен!

Трилецкий. Похвально, но не нужно, отец, хвастать!

Иван Иванович. Не хвастаю я, Николай! Поучаю, дети мои! Вразумляю... За вас ответ перед творцом дам!

Трилецкий. Куда это вы?

Иван Иванович. Домой. Провожая вот эту жужелицу... Проводи да проводи... Ввязалась... Вот и провожаю. Самой страшно. Я провожу ее, да опять сюда приду.

Трилецкий. Разумеется, приходи. (Саше.) И тебе дать? На и тебе, и тебе на! Три целковых! Тебе три целковых!

Саша. Прибавь к стати и еще два. Мише на летние панталоны куплю, а то у него только одни. А хуже нет, как иметь одни! Во время стирки приходится надевать суконные...

Трилецкий. Я ему никаких бы не дал, ни летних, ни суконных, если бы это от меня зависело: ходи, как знаешь! Но что с тобой поделаешь? На, возьми еще два! (Дает деньги.)

Иван Иванович. О чем бишь я? Да... Как теперь помню... Ну да... В генеральном штабе служил, дети мои... Я головой против неприятеля действовал, мозгами турецкую кровь проливал... Штыка не знаю, нет, не знаю... Ну да...

Саша. Что же мы стоим? Пора уже. Прощай, Коля! Идем, папа!

Иван Иванович. Постой! Замолчи ты Христа ради! Тар-тар-тар... Цысарка! Шкворец! Вот как жить надо, дети мои! Честно, благородно, беспорочно... Ну да, ну да... Владимира третьей степени получил...

Саша. Будет тебе, папа! Пойдем!

Трилецкий. Мы и без разглагольствований знаем, что ты за человек... Ступай, провожай!

Иван Иванович. Умнейший ты человек, Николай! Быть тебе Пироговым!

Трилецкий. Ступай, ступай...

Иван Иванович. О чем бишь я? Да... Видал я Пирогова... Когда еще в Киеве был... Ну да, ну да... Умнейший человек... Ничего себе... Так я иду... Идем, Сашурка! Я, дети, ослабел... На панихиду похож стал... Ох, господи, прости нас, грешных! Согрешихом, сохрешихом... Ну да, ну да... Грешен, деточки! Теперь Мамону служу, а в молодости богу не молился. Базаристой меня и человека не было... Материя! Штоф унд крафт! [12] Ах, господи... Ну да... Молитесь, деточки, чтоб я не умер! Ты уж пошла, Сашурочка? Где ты? Вот ты... Идем...

Анна Петровна смотрит в окно.

Трилецкий. А сам ни с места... Зарапортовался малый... Ну, ступайте! Мимо мельницы не ходите, собаки порвут.

Саша. На тебе, Коля, его фуражка... Отдай ему, простудится...

Трилецкий (снимает фуражку и надевает ее на отца.). Шествуй, старче! Налево

кругом... марш!

Иван Иванович. По-лу-о-брот нааале... вво! Ну да, ну да... Справедлив ты, Николай! Видит бог, что ты справедлив! И Михайло, зять, справедлив! Вольнодумен, но справедлив! Иду, иду... (Идут.) Идем, Саша... Ты идешь? Дай я тебя понесу!

Саша. Вот еще глупости!

Иван Иванович. Дай я тебя понесу! Всегда я мать носил... Несу, бывало, а сам качаюсь... Раз с пригорка загремел с ней вместе... Засмеялась только, голубка, ничуть не рассердилась... Дай я тебя понесу!

Саша. Не выдумывай... Надень картуз как следует. (Поправляет ему фуражку.) Какой ты еще молодец у нас!

Иван Иванович. Ну да, ну да...

Уходят. Входят Петрин и Щербук.

Явление IV
Трилецкий, Петрин и Щербук.

Петрин (выходит из дому под руку с Щербуком). Положи ты передо мной пятьдесят тысяч, и я украду... Честное слово, украду... Лишь бы только ничего за это не было... Украду... Положи перед тобой, и ты украдешь.

Щербук. Не украду, Герася! Нет!

Петрин. Положи рубль, и рубль украду! Честность! Фи-фи! Кому нужна твоя честность? Честный значит дурак...

Щербук. Я дурак... Пускай я дурак...

Трилецкий. Нате вам, старцы, по рублю! (Дает им по рублю.)

Петрин (берет деньги). Давайте...

Щербук (хохочет и берет деньги). Мерсі, господин доктор!

Трилецкий. Напузырились, господа почтенные?

Петрин. Малость...

Трилецкий. А это вам еще по рублю на поминовение душ ваших! Ведь грешны? Берите же! Вам бы по кукишу следовало, да так уж ради праздника... расщедрюсь, черт возьми!

Анна Петровна (в окно). Трилецкий, дайте и мне рубль! (Скрывается.)

Трилецкий. Вам не рубль, а пять рублей, генерал-майорская вдова! Сейчас! (Уходит в дом.)

Петрин (смотрит на окно). Скрылась фея?

Щербук (смотрит на окно). Скрылась.

Петрин. Не терплю! Нехорошая женщина! Гордыни много... Женщина должна быть смиренная, уважительная... (Качает головой.) Видал Глагольева? Вот тоже еще чучело! Сидит, как гриб, на одном месте, молчит да глазами лупает! Разве так ухаживают за дамами?

Щербук. Женится!

Петрин. Когда он женится? Через сто лет? Покорнейше вас благодарю! Через сто лет мне не нужно.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Щербук. Не нужно, Герася, жениться ему, старику... Женился бы, коли уж так жениться понадобилось, на какой-нибудь простушечке... И он для нее не годится... Она молодая, огненная, дама европейская, образованная.

Петрин. Вот ежели б женился! То есть так мне хочется, что и выразить словесно не умею! Ведь у них ровно ничего нету от самой смерти покойничка генерала, царство ему небесное! Есть у ней шахты, да на те Венгерович метит... Где мне с Венгеровичем тягаться? Что я теперь могу получить по вексялям с них? Протестуй я теперь, что я получу?

Щербук. Nihil [13].

Петрин. А ежели она замуж за Глагольева пойдет, то я буду знать, с чего мне получить... Векселя сейчас протестую, запрещение наложу... Небось не даст пасынку погибнуть, выплатит! Эх-ех-ох! Исполнись, мечтание мое! Шестнадцать тысяч, Павочка!

Щербук. А мне три тысячи... Приказывает моя кочерга, чтоб я получил... Как я получу? Не умею я получать... Это не мужики... Это друзья... Пусть сама едет сюда и получает... Пойдем, Герася, во флигель!

Петрин. Зачем?

Щербук. К дамскому полонезу баллады нашептывать...

Петрин. А Дуняша во флигеле?

Щербук. Там. (Идут.) У них веселей... (Поет.) Ах, как я несчастлив, перестав жить в нем!

Петрин. Тик-ток, тик-ток... (Кричит.) Да-с! (Поет.) Год новый радостно встречаем в собранье искренних друзей...

Уходят.

Явление V

Войницев и Софья Егоровна выходят из глубины сада.

Войницев. О чем ты думаешь?

Софья Егоровна. Право, не знаю.

Войницев. Ты чуждаешься моей помощи... Неужели я не в состоянии помочь тебе? Что за тайны, Софи? Тайны от мужа... Гм...

Садятся.

Софья Егоровна. Какие тайны? Я сама не знаю, что во мне происходит... Не мучь себя понапрасну, Сергей! Не обращай внимания на мою хандру...

Пауза.

Уедем отсюда, Сергей!

Войницев. Отсюда?

Софья Егоровна. Да.

Войницев. Зачем?

Софья Егоровна. Хочу... Хоть за границу. Уедем?

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Войницев. Ты этого хочешь... Но зачем же?

Софья Егоровна. Здесь хорошо, здорово, весело, но не могу... Все идет хорошо, благополучно, только... уехать нужно. Ты дал слово не расспрашивать.

Войницев. Завтра же уедем... Завтра же нас здесь не будет! (Целует руку.) Тебе здесь скучно! Да это и понятно! Я понимаю тебя! Черт знает, что за среда! Петрины, Щербуки...

Софья Егоровна. Они не виноваты... Оставим их в покое.

Пауза.

Войницев. И откуда у вас, у женщин, берется столько тоски? Ну чего тосковать? (Целует жену в щеку.) Полно! Будь весела! Живи, пока живется! Нельзя ли эту тоску, как говорит Платонов, по шапке? Ба! Очень кстати вспомнил Платонова! Отчего ты с ним редко беседуешь? Это человек не из мелко плавающих, малый развитой и слишком нескучный! Поговори-ка с ним по душе, освободней! Как рукой снимет тоску! С татап говори почаще, с Трилецким... (Смеется.) Поговори-ка, а не смотри на них свысока! Ты еще не раскусила этих людей... Я рекомендую тебе их, потому что эти люди – моего вкуса люди. Я их люблю. Ты их тоже полюбишь, когда покороче узнаешь.

Анна Петровна (в окно). Сергей! Сергей! Кто там? Позовите Сергея Павловича!

Войницев. Что прикажете?

Анна Петровна. Ты здесь? На минутку!

Войницев. Сейчас! (Софье Егоровне.) Завтра же едем, коли не передумаешь. (Идет в дом.)

Софья Егоровна (после паузы). Ведь это почти что несчастье! Я уже в состоянии по целым дням не думать о муже, забывать о его присутствии, не обращать внимания на его слова... В тягость становится... Что делать? (Думает.) Ужасно! Так недавно была свадьба и уже... А всё это тот... Платонов! Сил не хватает, нет характера, ничего нет такого, что помогало бы мне стоять против этого человека! Он преследует меня от утра до вечера, ищет меня, не дает мне покою своими понятными глазами... Это ужасно... и глупо, наконец! Ручаться за себя даже нет сил! Сделай он шаг, и, пожалуй, всё может произойти!

Явление VI
Софья Егоровна и Платонов.

Платонов выходит из дома.

Софья Егоровна. Вот он идет! Водит вокруг своими глазами и ищет! Кого он ищет? По походке вижу, кто ему нужен! Как нечестно с его стороны не давать мне покоя!

Платонов. Жарко! Не нужно бы пить... (Увидев Софью Егоровну.) Вы здесь, Софья Егоровна? В уединении? (Смеется.)

Софья Егоровна. Да.

Платонов. Смертных избегаете?

Софья Егоровна. Нет надобности мне избегать их. Они мне не противны и не мешают.

Платонов. Да? (Садится рядом.) Вы позволите?

Пауза.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Но если вы не избегаете людей, зачем вы меня, Софья Егоровна, избегаете? За что? Позвольте, дайте договорить! Очень рад, что могу-таки, наконец, поговорить с вами. Вы избегаете меня, обходите, не смотрите на меня... Что это? Комедия или всерьез?

Софья Егоровна. Я и не думала избегать вас! Откуда вы это взяли?

Платонов. Сначала вы как будто благоволили ко мне, достаивали меня своим благоволением, а то теперь и видеть меня не хотите! Я в одну комнату – вы в другую, я в сад – вы из сада, я начинаю говорить с вами, вы отнекиваетесь или говорите сухое, знойное «да» и уходите... Наши отношения превратились в какое-то недоумение... Виноват я? Противен? (Встает.) Вины я за собой никакой не чувствую. Потрудитесь сейчас же вывести меня из этого институтски-глупого положения! Выносить его долее я не намерен!

Софья Егоровна. Признаюсь, я вас... избегаю немножко... Знай я, что это вам так неприятно, я иначе повела бы дело...

Платонов. Избегаете? (Садится.) Признаетесь? Но... за что, с какой стати?

Софья Егоровна. Не кричите, то есть... но говорите так громко! Вы мне, надеюсь, не выговор делаете. Я не люблю, если кричат на меня. Я избегаю не вас собственно, а бесед с вами... Человек вы, насколько я вас знаю, хороший... Здесь все вас любят, уважают, некоторые даже поклоняются вам, считают за честь поговорить с вами...

Платонов. Ну-те, ну-те...

Софья Егоровна. Когда я приехала сюда я сама сейчас же, после первой же нашей беседы присоединилась к вашим слушателям, но мне, Михайло Васильич, не посчастливилось, решительно не повезло... Вы скоро стали для меня почти невыносимы... Не подыщу более мягкого слова, извините... Вы почти каждый день беседовали со мной о том, как вы меня любили когда-то, как я вас любила и так далее... Студент любил девочку, девочка любила студента... история слишком старая и обыкновенная, чтобы о ней столько много рассказывать и придавать ей для нас с вами теперь какое бы то ни было значение... Не в этом впрочем, дело... Дело в том, что когда вы говорили со мной о прошлом, то... то говорили так, как будто бы чего-то просили, как будто бы вы тогда, в прошлом, чего-то не добрали, что хотели бы взять теперь... Каждый день тон ваш был томительно одинаков, и каждый день мне казалось, что вы намекаете на какие-то как бы обязательства, наложенные на нас с вами нашим общим прошлым... И потом мне казалось, что вы придаете уж слишком большое значение... что, как бы выразиться яснее, преувеличиваете наши отношения добрых знакомых! Вы как-то странно смотрите, выходите из себя, кричите, хватаете за руку и преследуете... Точно шпионите! Для чего это?... Одним словом, вы не даете мне покоя... Для чего этот надзор? Что я для вас? Право, можно подумать, что вы выжидаете какого-то удобного случая, который вам для чего-то нужен...

Пауза.

Платонов. Всё? (Встает.) Мерси за откровенность! (Идет к двери.)

Софья Егоровна. Вы сердитесь? (Встает.) Постойте, Михаил Васильич! Для чего же в амбицию вламываться? Я не хотела...

Платонов (останавливается). Эх вы!

Пауза.

Выходит, значит, что я вам не надоел, а что вы боитесь, трусите... Трусите, Софья Егоровна? (Подходит к ней.)

Софья Егоровна. Перестаньте, Платонов! Лжете! Я не боялась и не думаю бояться!

Платонов. Где же ваш характер, где сила здравомыслящих мозгов, если каждый

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
встречный, мало-мальски не банальный мужчина может вам казаться опасным для
вашего Сергея Павловича! Я и без вас шлялся сюда каждый день, а беседовал с
вами, потому что считал вас умной, понимающей женщиной! Какая глубокая
испорченность! Впрочем... Виноват, я увлекся... Я не имел права говорить вам всё
это... Извините за неприличную выходку...

Софья Егоровна. Никто не дал вам права говорить такие вещи! Если вас слушают, то
из этого не следует, что вы имеете право говорить всё то, что вам вздумается!
Ступайте от меня!

Платонов (хохочет). Вас преследуют?! Вас ищут, хватают вас за руки?! Вас,
бедную, хотят отнять у вашего мужа?! В вас влюблен Платонов, оригинал Платонов?!
Какое счастье! Блаженство! Да ведь это такие конфеты для нашего маленького
самолюбца, каких не едал ни один конфектный фабрикант! Смешно... Не к лицу
развитой женщине эти сладости! (Идет в дом.)

Софья Егоровна. Вы дерзки и резки, Платонов! Вы с ума сошли! (Идет за ним и
останавливается у двери.) Ужасно! Для чего он говорил всё это? Он хотел
ошеломить меня... Нет, я этого не выношу... Я пойду, скажу ему... (Уходит в дом.)

Из-за беседки выходит Осип.

Явление VII
Осип, Яков и Василий.

Осип (входит). Пять хороших! Шесть нехороших! Черт знает, чем занимаются! Шли бы
лучше в преферанс играть... По одной десятой... Или в стучолку... (Якову.) Здоров,
Яша! Того... м-м-м... Венгерович здесь?

Яков. Здесь.

Осип. Пойди позови! Потихонечку вызови! Скажи, что дело есть большое...

Яков. Ладно. (Идет в дом.)

Осип (срывает фонарь, тушит и кладет его в карман). В прошлом году в городе я у
Дарьи Ивановны, что вещи краденые покупает да питейное заведение с девицами
держит, в стучолку играл... Три копейки обязательного были... Ремизы доходили до
двух целковых... Выиграл восемь рублей... (Срывает другой фонарь.) Весело в городе!

Василий. Не для вас фонари повешены! Чего рвать?

Осип. А я тебя и не вижу! Здорово, осел! Как поживаешь? (Подходит к нему.) Как
дела?

Пауза.

Ах ты, лошадь! Ах ты, свинопас! (Снимает с него шапку.) Смешной ты человек!
Ей-богу, смешной! У тебя хоть капелька ума есть? (Бросает шапку на дерево.)
Ударь меня по щеке за то, что я вредный человек!

Василий. Пуцай вас кто другой ударит, а я не стану бить!

Осип. А убивать станешь? Нет, коли у тебя есть ум, так ты не артелью убивай, а
сам убей! Плюнь мне в лицо за то, что я вредный человек!

Василий. Не плюну. Ну чего пристали?

Осип. Не плюнешь? Боишься меня, значит! Становись же передо мной на колени!

Пауза.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Ну? Становись! Кому говорю? Стенам или человеку живому?

Пауза.

Кому говорю?

Василий (становится на колени). Грех вам, Осип Иваныч!

Осип. Стыдно стоять? Очень мне это приятно. Господин во фраке, а на коленках пред разбойником стоит... Ну, а теперь кричи ура, что есть духу. Ну?

Входит Венгерович 1.

Явление VIII
Осип и Венгерович 1.

Венгерович 1 (выходит из дома). Кто здесь меня звал?

Осип (быстро снимает шапку). Я-с, ваше степенство!

Василий поднимается, садится на скамью и плачет.

Венгерович 1. Что тебе нужно?

Осип. Вы изволили искать и спрашивать меня у кабатчика, вот я и пришел!

Венгерович 1. Ах да... Но... не мог разве выбрать другого места?

Осип. Для хороших людей, ваше превосходительство, всякое место хорошо!

Венгерович 1. Ты мне отчасти нужен... Отойдем отсюда... Вон к той скамье!

Идут к скамье, стоящей в глубине сцены.

Стань немного поодаль так, как будто ты со мной не говоришь... Вот так! Тебя кабатчик Лев Соломоныч прислал?

Осип. Так точно.

Венгерович 1. Напрасно... Я не тебя хотел, но... что поделаешь? Ничего с тобой не поделаешь. С тобой не следовало бы делов иметь... Ты такой нехороший человек.

Осип. Очень нехороший! Хуже всех на свете.

Венгерович 1. Говори тише! Сколько я передавал тебе денег, так это ужас, а ты этого не чувствуешь, как будто мои деньги камни или другой какой-нибудь ненужный предмет... Ты позволяешь себе дерзости, воруешь... Отворачиваешься? Не нравится правда? Правда глаза колет?

Осип. Колет, да только не ваша, ваше превосходительство! Вы позвали меня сюда только за тем, чтобы наставления мне читать?

Венгерович 1. Говори тише... Ты знаешь... Платонова?

Осип. Учителя? Как не знать!

Венгерович 1. Да, учителя. Учителя, который учит только ругаться и больше ничему. За сколько ты возьмешься искалечить этого учителя?

Осип. То есть как искалечить?

Венгерович 1. Не убить, а искалечить... Убивать людей не следует... Для чего их убивать? Убийство – это вещь такая, что... Иskalечить, то есть побить так, чтобы всю жизнь помнил...

Осип. Это могу-с...

Венгерович 1. Поломай ему что-нибудь, на лице уродство сделай... Что возьмешь? Тссс... Кто-то идет... Отойдем немного далее...

Идут в глубину сцены...

Из дома выходят Платонов и Грекова.

Явление IX

Венгерович 1 и Осип (в глубине сцены), Платонов и Грекова.

Платонов (смеется). Что, что? как? (Хохочет.) как? Я не расслышал...

Грекова. Не расслышали? Что ж? Я могу повторить... Я даже еще резче выражусь... Вы не обидитесь, разумеется... Вы так привыкли к разного рода резкостям, что мои слова едва ли будут вам в диковинку...

Платонов. Говорите, говорите, красавица!

Грекова. Я не красавица. Кто считает меня красавицей, тот не имеет вкуса... Откровенно – ведь я некрасива? Как на ваш взгляд?

Платонов. После скажу. Говорите вы теперь!

Грекова. Так слушайте же... Вы или необыкновенный человек, или же... негодяй, кто-нибудь из двух.

Платонов хохочет.

Смеетесь... Впрочем, смешно... (Хохочет.)

Платонов (хохочет). Она это сказала! Ай да дурочка! Скажите, пожалуйста! (Берет ее за талию.)

Грекова (садится). Позвольте однако ж...

Платонов. И она туда же, куда и люди! философствует, химией занимается и какие изреченьица откалывает! Поди ты с ней, с презренной! (Целует ее.) Хорошенькая, оригинальная бестия...

Грекова. Позвольте же... Что же это? Я... я не говорила... (Встает и опять садится.) Зачем вы меня целуете? Я вовсе...

Платонов. Сказала и удивила! Дай, мол, скажу и поражу! Пусть увидит, какая я умная! (Целует ее.) Растерялась... растерялась... Глупо смотрит... Ах, ах...

Грекова. Вы... Вы меня любите? Да?... да?

Платонов (пищит). А ты меня любишь?

Грекова. Если... если... то... да... (Плачет.) Любишь? иначе бы ты не делал так... Любишь?

Платонов. Ни капельки, моя прелесть! Не люблю дурачков, грешный человек! Люблю одну дуру, да и то от нечего делать... О! Побледнела! Глазами засверкала! Знай, мол, наших!..

Грекова (поднимается). Издеваетесь, что ли?

Пауза.

Платонов. Чего доброго пощечину влепит...

Грекова. Я горда... Не умею пачкать рук... Я вам сказала, милостивый государь, что вы или не обыкновенный человек, или же негодяй, теперь же я вам говорю, что вы необыкновенный негодяй! Презираю вас! (Идет к дому.) Не заплачу теперь... Я рада, что наконец-таки узнала, что вы за птица...

Входит Трилецкий.

Явление X
Те же и Трилецкий (в цилиндре).

Трилецкий (входит). Журавли кричат! Откуда это они взялись? (Смотрит вверх.) Так рано...

Грекова. Николай Иванович, если вы уважаете меня... себя хоть сколько-нибудь, то не знайтесь с этим человеком! (Указывает на Платонова.)

Трилецкий (смеется). Помилуйте! Это мой почтеннейший родственник!

Грекова. И друг?

Трилецкий. И друг.

Грекова. Не завидую вам. И ему тоже, кажется... не завидую. Вы добрый человек, но... этот шуточный тон... Бывает время, когда тошнит от ваших шуток... Я не хочу вас обидеть этим, но... я оскорблена, а вы... шутите! (Плачет.) Я оскорблена... Но, впрочем, я не заплачу... Я горда. Знайтесь с этим человеком, любите его, поклоняйтесь его уму, бойтесь... Вам всем кажется, что он на Гамлета похож... Ну и любуйтесь им! Дела мне нет... Не нужно мне от вас ничего... Шутите с ним, сколько вам угодно, с этим... негодяем! (Уходит в дом.)

Трилецкий (после паузы). Съел, брат?

Платонов. Ничего я не ел... Трилецкий. Пора бы, Михаил Васильич, по чести, по совести оставить ее в покое. Стыдно, право... Такой умный и большой человек, а выделяешь черт знает что... Вот и называли негодяем...

Пауза.

Не могу же я в самом деле разорваться на две половины, чтобы одной половиной уважать тебя, а другой благоволить к девушке, назвавшей тебя негодяем...

Платонов. Не уважай меня, не понадобится это раздвоение.

Трилецкий. Не могу же я не уважать тебя! Ты сам не знаешь, что ты говоришь.

Платонов. Остается, значит, только одно: не благоволить к ней. Не понимаю я тебя, Николай! Что хорошего, умный человек, ты нашел в этой дурочке?

Трилецкий. Гм... Генеральша часто упрекает меня в недостатке джентльменства и указывает мне на тебя, как на образец джентльменства... А по-моему, этот упрек можно всецело отнести и к тебе, образцу... Все вы, а в особенности ты, кричите на каждом переулке, что я влюблен в нее, смеетесь, дразните, подозреваю, следите...

Платонов. Выражайся ясней...

Трилецкий. Я, кажется, ясно выражаюсь... в то же время у вас хватает совести величать ее при мне дурочкой, дрянью... Не джентльмен ты! Джентльмены знают, что у

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
влюбленных есть известное самолюбие... Не дура она, братец! Она не дура! Она жертва ненужная, вот что! Бывают минутки, друг мой, когда хочется кого-нибудь ненавидеть, в кого-нибудь вьестся, на ком-нибудь выместить свою какую-нибудь пакость... Отчего же на ней не попробовать? Она годится! Слаба, безответна, смотрит на тебя так до глупости доверчиво... Понимаю я все это очень хорошо... (Встает.) Пойдем выпьем!

Осип (Венгеровичу). Ежели не отдадите тогда остальных, то на сто украду. Об этом не сомневайтесь!

Венгерович 1 (Осипу). Говори тише! Когда будешь его бить, то не забудь сказать: «благодарный кабатчик!» Тсс... Ступай! (Идет к дому.)

Осип уходит.

Трилецкий. Черт возьми, Абрам Абрамыч! (Венгеровичу.) Ты, Абрам Абрамыч, не болен?

Венгерович 1. Ничего... Слава богу, здоров.

Трилецкий. Какая жалость! А мне так деньги нужны! Верить ли? До зарезу, что называется...

Венгерович 1. Следовательно, выходит, доктор, из ваших слов, что вам больные нужны до зарезу? (Смеется.)

Трилецкий. Удачно сострил! Хотя тяжело, да зато удачно! Ха-ха-ха и паки ха-ха-ха! Смейся, Платонов! Дай, голубчик, если можешь!

Венгерович 1. Вы мне и так уже много должны, доктор!

Трилецкий. Для чего говорить это? Кто этого не знает? А сколько я тебе должен?

Венгерович 1. Около... Ну да... Двести сорок пять рублей, кажется.

Трилецкий. Дай, великий человек! Одолжи, и я одолжу тебя когда-нибудь! Будь столь добр, великодушен и храбр! Самый храбрый из евреев тот, кто дает займы без расписки! Будь самым храбрым евреем!

Венгерович 1. Гм... евреем... Все евреи да евреи... Уверю вас, господа, что во всю жизнь мою я не видел ни одного русского, который давал бы деньги без расписки, и укоряю нас, что нигде не практикуется в таких больших размерах давание денег без расписки, как среди нечестного еврейства!.. Пусть отнимет у меня бог мою жизнь, если я лгу! (Вздыхает.) Многому, очень многому можно с успехом и с пользой поучиться вам, молодые люди, у нас, евреев, а в особенности у стариков евреев... Очень многому... (Вынимает из кармана бумажник.) Вам занимаешь деньги с охотой, с удовольствием, а вы... смеяться, пошутить любите... Нехорошо, господа! Я старик... У меня есть дети... Считаю подлецом, но обходишь по-человечески... На то вы и в университете учились...

Трилецкий. Ты хорошо говоришь, Абрам Абрамыч!

Венгерович 1. Нехорошо, господа, дурно... Можно подумать, что между вами, развитыми людьми, и моими приказчиками нет никакой разницы... И тыкать вам никто не позволил... Сколько вам? Очень дурно, молодые люди... Сколько вам?

Трилецкий. Сколько дашь...

Пауза.

Венгерович 1. Я вам дам... Я вам могу дать... пятьдесят рублей... (Дает деньги.)

Трилецкий. Роскошно! (Берет деньги.) Велик!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Венгерович 1. На вас, доктор, моя шляпа!

Трилецкий. Твоя? Гм... (Снимает шляпу.) На, возьми... Отчего ты не отдашь его почистить? Ведь дешево возьмут! Как по-еврейски цилиндр?

Венгерович 1. Как угодно. (Надевает шляпу.)

Трилецкий. А тебе идет цилиндр, к лицу. Барон, совсем барон! Отчего ты не купишь себе баронства?

Венгерович 1. Ничего я не знаю! Оставьте меня, пожалуйста!

Трилецкий. Ты велик! Отчего это тебя понять не хотят?

Венгерович 1. Отчего не хотят оставить в покое, скажите лучше! (Уходит в дом.)

Явление XI

Платонов и Трилецкий.

Платонов. Для чего ты взял у него эти деньги?

Трилецкий. Да так... (Садится.)

Платонов. Как это: да так?

Трилецкий. Взял да и шабаш! А тебе его жалко, что ли?

Платонов. Не в том дело, братец!

Трилецкий. В чем же?

Платонов. Не знаешь?

Трилецкий. Не знаю.

Платонов. Врешь, знаешь!

Пауза.

Великою любовью воспылал бы я к тебе, душа моя, если бы ты хоть недельку, хоть денек пожил по каким-нибудь правилам, хоть бы самым мизерным! Для таких субъектов, как ты, правила необходимы, как хлеб насущный...

Пауза.

Трилецкий. Ничего не знаю... Не нам, брат, с тобой переделывать плоть нашу! Не нам сломать ее... Знал я это, когда еще с тобой в гимназии по-латыни единицы получал... Не будем же болтать попусту... Да прильнут гортани к языкам!

Пауза.

Смотрел я третьего дня, братец ты мой, у одной своей дамочки портреты современных деятелей и читал их биографии. И что же ты думаешь, любезный? Ведь нет нас с тобой среди них, нет! Не нашел, как ни бился! *Lasciate, Михаил Васильич, ogni speranza!*[14] – говорят итальянцы. Не нашел я ни тебя, ни себя среди современных деятелей и – вообрази! Я спокоен! Вот Софья Егоровна так не того... не спокойна...

Платонов. При чем же тут Софья Егоровна?

Трилецкий. Обижается, что ее между «Современными деятелями» нет... Воображает, что

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

стоит ей только мизинцем шевельнуть – и земной шар рот разинет, человечество от радости шапку потеряет... Воображает... Гм... Ни в одном умном романе ты не найдешь столько белиберды, сколько в ней... А в сущности гроша медного не стоит. Лед! Камень! Статуя! Так и хочется подойти к ней и соскоблить с ее носа капельку гипса... А чуть что... сейчас истерика, глас и воздыхания... Силенок ни на грош... Умная кукла... На меня с презрением смотрит, шалопаем считает... А чем ее Сереженька лучше нас с тобой? Чем? Тем только и хорош, что водки не пьет, возвышенно мыслит и без зазрения совести величает себя человеком будущего. Впрочем, не судите, не судимы будете... (Встает.) Пойдем выпьем!

Платонов. Не пойду. Мне там душно.

Трилецкий. Пойду сам. (Потягивается.) Кстати, что означают на вензеле эти Слово и Веди? Софью ли Войницеву или Сергея Войницева? Кого хотел уважить этими литерами наш филолог, себя или свою супругу?

Платонов. Мне сдается, что эти литеры означают: «Слава Венгеровичу!» На его деньги кутим.

Трилецкий. Да... Что это с генеральшей сегодня делается? Хохочет, стонет, лезет целоваться... Точно влюблена...

Платонов. В кого ей тут влюбиться? В самое себя разве? Ты не верь в ее смех. Нельзя верить в смех той умной женщины, которая никогда не плачет: она хохочет тогда, когда ей плакать хочется. А нашей генеральше не плакать, а застрелиться хочется... Это и по глазам ее видно...

Трилецкий. Женщины не стреляются, а травятся... Но не будем философствовать... Когда я философствую, я жестоко вру... Славная бабенка наша генеральша! Я вообще ужасно скверно мыслю, когда смотрю на женщину, но это единственная женщина, от которой отскакивают все мои лютые помыслы, как горох от стены. Единственная... Когда я гляжу на ее реальное лицо, я начинаю верить в платоническую любовь. Идешь?

Платонов. Нет.

Трилецкий. Пойду сам... С попом выпью... (Идет и сталкивается у двери с Глагольевым 2.) Ах! Ваше сиятельство, самодельный граф! Натяните вам три рубля! (Сует ему в руку три рубля и уходит.)

явление XII

Платонов и Глагольев 2.

Глагольев 2. Странная личность! Ни с того ни с сего: натяните вам три рубля! (Кричит.) Я сам могу вам дать три рубля! Гм... Какой идиот! (Платонову.) Он ужасно поражает меня своей глупостью. (Смеется.) Глуп до безобразия!

Платонов. Что же вы, танцор, не танцуете?

Глагольев 2. Танцевать? Здесь? С кем, позвольте спросить? (Садится рядом.)

Платонов. Уж будто бы и не с кем?

Глагольев 2. Одни только типы! Все типы, на кого ни посмотришь! Какие-то рожи, орлиные носы, жеманство... А дамы? (Хохочет.) Черт знает что! При такой публике я всегда предпочитаю танцам буфет.

Пауза.

Какой в России, однако же, воздух несвежий! Какой-то промозглый, душный... Терпеть не могу России!.. Невежество, вонь... Бррр... То ли дело... Вы были хоть раз в Париже?

Платонов. Не был.

Глагольев 2. Жаль. Впрочем, успеете еще побывать. Когда будете ехать туда, то скажите мне. Я вам открою все тайны Парижа. Я дам вам триста рекомендательных

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
писем, и триста шикажнейших французских кокоток в вашем распоряжении...

Платонов. Благодарю вас, я сыт. Скажите мне, правду ли говорят, что ваш отец хочет купить Платоновку?

Глагольев 2. Право, не знаю. Я далеко держу себя от коммерции... А вы заметили, как mon père[15] ухаживает за ваше генеральшей? (Хохочет.) Вот еще тоже тип! Этот старый барсук хочет жениться! Глуп, как тетерев! А ваша генеральша charmante[16]! Совсем недурна!

Пауза.

Она такая душка, такая душка... А формы? Фи, фи! (Бьет Платонова по плечу.) Счастливчик! Она затягивается? Сильно затягивается?

Платонов. Не знаю... Я не присутствую при ее туалете...

Глагольев 2. А мне говорили... Разве вы не...

Платонов. Вы, граф, идиот!

Глагольев 2. Но я пошутил... Зачем сердиться? Какой вы, право, чудак! (Тихо.) А правду ли говорят, что она... Немножко щекотливый вопрос, но между нами, я полагаю... Правду ли говорят, что она иногда любит деньги до положения риз?

Платонов. Об этом спросите у нее самой. Я не знаю.

Глагольев 2. Спросить у нее самой? (Хохочет.) Что за идея? Платонов! Что вы говорите?

Платонов (садится на другую скамью). Какой же вы мастер надоедать!

Глагольев 2 (хохочет). А что если на самом-таки деле спросить? Впрочем, почему же и не спросить?

Платонов. Разумеется... (В сторону.) Спроси только... Она отобьет тебе твои глупые щеки! (Ему.) Спросите!

Глагольев 2 (вскакивает). Клянусь, что это великая идея!.. Миллион чертей! Я спрошу, Платонов, и даю вам честное слово, что она моя! У меня предчувствие есть! Сейчас же спрошу! Держу пари, что она моя! (Бежит к дому и у двери сталкивается с Анной Петровной и Трилецким.) mille pardons[17], madame! (Расшаркивается и уходит.)

Платонов садится на старое место.

Явление XIII

Платонов, Анна Петровна и Трилецкий.

Трилецкий (на крыльце). Вон он сидит, наш великий мудрец и философ! Сидит настоюще и с нетерпением ожидает добычи: кому бы нотацию прочесть на сон грядущий?

Анна Петровна. Не клюет, Михаил Васильич!

Трилецкий. Плохо! Не клюется что-то сегодня! Бедный моралист! Жалею тебя, Платонов! Однако же я пьян и... однако же меня там дьякон ждет! Прощайте! (Уходит.)

Анна Петровна (идет к Платонову). Что вы тут сидите?

Платонов. В комнатах душно, и это хорошее небо лучше вашего побеленного бабами потолка!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Анна Петровна (садится). Прелесть, что за погода! Чистый воздух, прохлада, звездное небо и луна! Жалею, что барыням нельзя спать на дворе под небом. Когда я была девочкой, я всегда летом ночевала в саду.

Пауза.

А у вас галстук новый?

Платонов. Новый.

Пауза.

Анна Петровна. Я сегодня в каком-то особенном настроении... Мне сегодня всё нравится... Гуляю! Ну да говорите же что-нибудь, Платонов! Чего вы молчите? Я для того и явилась сюда, чтобы вы говорили... Экой вы!

Платонов. Что вам говорить?

Анна Петровна. Скажите мне что-нибудь новенькое, хорошенькое, кисленькое... Вы сегодня такой умненький, такой хорошенький... Право, мне кажется, что я сегодня влюблена в вас более, чем когда-либо... Душка вы такой сегодня! И бунтуете мало!

Платонов. И вы сегодня такая красавица... Впрочем, вы всегда красавица!

Анна Петровна. Мы с вами друзья, Платонов?

Платонов. По всей вероятности... Пожалуй, что друзья... Что же другое можно назвать дружбой?

Анна Петровна. Во всяком случае друзья? а?

Платонов. Полагаю, что большие... Я к вам сильно привык и привязан... Много нужно времени, чтобы отучить меня от вас...

Анна Петровна. Большие друзья?

Платонов. Для чего эти вопросы? Бросьте их, матушка! Друзья... друзья... Точно дева старая...

Анна Петровна. Хорошо... Мы друзья, а знаете ли, что от дружбы между мужчиной и женщиной до любви единый только шаг, милостивый государь? (Смеется.)

Платонов. Вот как! (Смеется.) К чему вы говорите? Ну да мы с вами не дошагаемся до чертиков, как бы широко ни шагали...

Анна Петровна. Любовь – чертики... Сравнил! Не слышит тебя твоя жена! Pardon, я на вас тыкнула... Ей-богу, Мишель, нечаянно! А почему же нам и не дошагаться? Разве мы не люди, что ли? Любовь вещь хорошая... Чего же краснеть-то?

Платонов (смотрит на нее пристально). Вы я вижу, или шутите мило, или же хотите... договорить до чего-то... Пойдемте-ка вальс танцевать!

Анна Петровна. Не умеете вы танцевать!

Пауза.

Надо с вами поговорить как следует... Пора... (Оглядывается.) Потрудитесь, mon cher[18], слушать и не философствовать!

Платонов. Пойдемте плясать, Анна Петровна!

Анна Петровна. Сядемте подальше... Идите сюда! (Садятся на другую скамью.) Вот

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
только не знаю, с чего начать... Вы такой неповоротливый и лживый человечина...

Платонов. Не начать ли мне, Анна Петровна?

Анна Петровна. Ведь вы околесную понесете, Платонов, когда начнете! Скажите, пожалуйста! Он сконфузился! Поверю – держи карман! (Бьет Платонова по плечу.) Шутник Миша! Ну говорите же, говорите... Покороче только...

Платонов. Я буду короток... Вот что я вам хотел сказать: для чего?

Пауза.

Честное слово, не стоит, Анна Петровна!

Анна Петровна. Почему же? Да вы послушайте... Вы меня не понимаете... Будь вы свободны, я, недолго думая, сделалась бы вашей женой, отдала бы вечное владение мое превосходительство, но теперь... Ну? Молчание знак согласия? Так, что ли?

Пауза.

Послушайте, Платонов, в данном случае неприлично молчать!

Платонов (вскакивает). Забудем этот разговор, Анна Петровна! Давайте, бога ради, сделаем так, как будто бы его вовсе и не было! Не было его!

Анна Петровна (пожимает плечами). Станный человек! Почему же?

Платонов. Потому что я уважаю вас! Я так уважаю в себе это уважение к вам, что расстаться с ним для меня будет тяжелее, чем провалиться сквозь землю! Друг мой, я свободный человек, я не прочь приятно провести время, я не враг связей с женщинами, не враг даже благородных интрижек, но... с вами заводить мелкую интрижку, вас делать предметом своих праздных помыслов, вас, умную, прекрасную, свободную женщину? Нет! Это уже слишком! Лучше прогоните меня от себя за тридевять земель! Пожить глупо месяц, другой, а там... краснея разойтись?!

Анна Петровна. Речь идет о любви!

Платонов. А разве я не люблю вас? Я люблю вас добрую, умную, милосердную... Я люблю вас отчаянно, бешено! Жизнь свою я отдам за вас, если вы захотите! Люблю как женщину – человека! Неужели же всякая любовь должна подтасовываться под известный род любви? Моя любовь для меня в тысячу раз дороже той, которая взбрела вам на ум!..

Анна Петровна (встает). Ступай, милый, проспись! Проспишься, тогда и поговорим...

Платонов. Забудем этот разговор... (Целует руку.) Будем друзьями, но не будем шалить друг другом: мы стоим по отношению друг к другу лучшей участи!.. И к тому же я все-таки... хоть немножко, да женат! Оставим этот разговор! Да будет всё по-старому!

Анна Петровна. Ступай, милый, ступай! Женат... Ведь меня любишь? Зачем же тут про жену толковать? Марш! После поговорим, часика через два... Теперь ты находишься в припадке лжи...

Платонов. Лгать я вам не умею... (Тихо ей на ухо.) Если бы я умел тебе лгать, то давно уже я был бы твоим любовником...

Анна Петровна (резко). Убирайтесь!

Платонов. Врете, не сердитесь... Это вы так только... (Уходит в дом.)

Анна Петровна. Чудак человек! (Садится.) Сам не понимает, что говорит... Всякую любовь подтасовывать под известный род любви... Чепуха какая! Точно любовь писателя к писательнице...

Пауза.

Невыносимый человек! Этак мы до страшного суда с тобой, друг милый, проболтаем! Не взяла честью, силой возьму... Сегодня же! Пора уже обоим выйти из этого глупого выжидательного положения... Надоело... Возьму силой... Это кто идет? Глагольев... меня ищет...

Входит Глагольев 1.

Явление XIV
Анна Петровна и Глагольев 1.

Глагольев 1. Скучно! Говорят эти люди о том, что я годы тому назад слышал; думают то, о чем я в детстве думал... Всё старо, ничего нового... Поговорю с ней и уеду.

Анна Петровна. О чем это вы бормочете, Порфирий Семеныч? Можно узнать?

Глагольев 1. Вы здесь? (Идет к ней.) Я браню себя за то, что я здесь лишний...

Анна Петровна. Не потому ли, что на нас не похожи? Полноте! Мирятся люди с тараканами, помиритесь и вы с нашими людьми! Подсаживайтесь-ка, потолкуем!

Глагольев 1 (садится рядом). Я вас искал Анна Петровна! Мне нужно с вами поговорить кое о чем...

Анна Петровна. И давайте говорить...

Глагольев 1. Мне хотелось бы с вами поговорить... Мне хочется узнать ответ моему... письму...

Анна Петровна. Гм... На что я вам сдалась, Порфирий Семеныч?

Глагольев 1. Я, знаете ли, отрешаюсь... от прав мужа... Не до прав мне! Мне нужен друг, умная хозяйка... У меня есть рай, но нет в нем... ангелов.

Анна Петровна (в сторону). Что ни слово – то сахару кусок! (Ему.) Часто я задаю себе вопрос, что я буду в раю делать, я – человек, а не ангел, если попаду в него?

Глагольев 1. Можете ли вы знать, что вы будете делать в раю, если не знаете, что будете делать завтра? Хороший человек везде найдет себе работу, и на земле, и на небе...

Анна Петровна. Всё это прекрасно, но будет ли мое житье у вас стоить того, что я за него буду получать? Немножко странно, Порфирий Семеныч! Извините меня, Порфирий Семеныч, но мне ваше предложение кажется очень странным... Для чего вам жениться? Для чего вам сдался друг в юбке? Не мое дело, извините... но уж на то пошло, договорю. Будь я в ваших летах, имей я столько денег, ума и правды, сколько вы имеете, я ничего не искала бы на этом свете, кроме общего блага... то есть, как бы так выразиться, я ничего не искала бы, кроме удовлетворения любви к ближним...

Глагольев 1. Не умею я биться за благополучие людей... Для этого нужны воля железная и уменье, а их-то и не дал мне бог! Я родился для того только, чтобы любить великие дела и наделать массу грошовых, ничего не стоящих... Только любить! Пойдемте ко мне!

Анна Петровна. Нет. Не говорите больше ни слова об этом... Не придавайте моему отказу жизненного значения... Суета, мой друг! Если бы мы владели всем тем, что мы любим, то у нас не хватило бы места... для наших владений... Значит, не совсем неумно и нелюбезно поступают, когда отказывают... (Хохочет.) Вот вам и философия на закуску! Что это за шум? Слышите? Бьюсь об заклад, что это Платонов бунтует...

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Что за характер!

Входят Грекова и Трилецкий.

Явление XV
Анна Петровна, Глагольев 1, Грекова и Трилецкий.

Грекова (входя). Это выше всяких оскорблений! (Плачет.) Выше! Молчать могут, видя это, одни только испорченные люди!

Трилецкий. Верю, верю, но при чем же я тут? Я-то тут при чем? Не идти же мне на него с дубиной, согласитесь сами!

Грекова. Должны были идти с дубиной, если не имеете других средств! Отойдите от меня! Я, я, женщина, не молчала бы, если бы при мне оскорбляли вас так низко, так бесстыдно и незаслуженно!

Трилецкий. Но ведь я же того... Рассуждайте умно!.. Чем виноват я?..

Грекова. Вы трус, вот кто вы! Ступайте от меня прочь к вашему отвратительному буфету! Прощайте! Не трудитесь ездить ко мне больше! Не нужны мы друг другу... Прощайте!

Трилецкий. Прощайте, сделайте милость, прощайте! Надоело все это, опротивело без конца! Слезы, слезы... А, боже мой! У меня у самого в голове вертеж... coenurus cerebraлис! Э-э-э... (Машет рукой и уходит.)

Грекова. Coenurus cerebraлис... (Идет.) Оскорбил... За что? Что я сделала?

Анна Петровна (подходит к ней). Марья Ефимовна... Не держу вас... Я сама бы ушла отсюда на вашем месте... (Целует ее.) Не плачьте, моя дорогая... Большая часть женщин создана для того, чтобы сносить всякие гадости от мужчин...

Грекова. Только не я... Я его... уволю! Он не будет здесь учителем! Он не имеет права быть учителем! Завтра же поеду к директору народных училищ...

Анна Петровна. Полноте... На днях я побываю у вас, и мы вместе осудим Платонова, а пока успокойтесь... Перестаньте плакать... Вы будете удовлетворены... На Трилецкого ж вы не сердитесь, моя дорогая... Он не заступился за вас потому, что он слишком добр и мягок, а такие люди не в состоянии заступаться... Что он вам сделал?

Грекова. Он при всех поцеловал... назвал душой и... и... пхнул на стол... Не думайте, что это пройдет ему безнаказанно! Или он сумасшедший, или же... Я покажу ему! (Уходит.)

Анна Петровна (ей вслед). Прощайте! Скоро увидимся! (Якову.) Яков! Подать экипаж Марье Ефимовне! Ах, Платонов, Платонов... Добуянится он когда-нибудь до беды...

Глагольев 1. Прекрасная девушка! Не влюбил ее наш добрейший Михаил Васильич... Обижает...

Анна Петровна. Ни за что! Сегодня обижает, а завтра извиняется... Барская струнка!

Входит Глагольев 2.

Явление XVI
Те же и Глагольев 2.

Глагольев 2 (в сторону). С ней! Опять с ней! Это, наконец, уж черт знает что такое? (Смотрит в упор на отца.)

Глагольев 1 (после паузы). Что тебе?

Глагольев 2. Ты здесь сидишь, а тебя там ищут! Иди, тебя там зовут!

Глагольев 1. Кто меня там зовет?

Глагольев 2. Люди!

Глагольев 1. Знаю, что люди... (Встает.) Как хотите, а я не отстану от вас, Анна Петровна! Ведь другое заговорите, когда поймете меня! Увидимся... (Уходит в дом.)

Явление XVII

Анна Петровна и Глагольев 2.

Глагольев 2 (садится рядом). Старый барсук! Осел! Его никто не зовет! Это я надул его!

Анна Петровна. Когда вы поумнеете, вы сильно ругнете себя за отца!

Глагольев 2. Шутите... Вот зачем я сюда пришел... Два слова... Да или нет?

Анна Петровна. То есть?

Глагольев 2 (смеется). Будто бы не понимаете? Да или нет?

Анна Петровна. Решительно не понимаю!

Глагольев 2. Сейчас поймете... При помощи злата всё понимается... Если «да», то не угодно ли вам будет, генералиссимус души моей, залезть ко мне в карман и вытащить оттуда мой бумажник с папашиними деньгами?... (Подставляет боковой карман.)

Анна Петровна. Откровенно... Да ведь за такие речи умным людям пощечины дают!

Глагольев 2. От приятной дамы приятно и пощечину получить... Сперва пощечину даст, а потом немного погодя и «да» скажет...

Анна Петровна (встает). Берите вашу шапку и убирайтесь отсюда сию же секунду!

Глагольев 2 (встает). Куда?

Анна Петровна. Куда угодно! Убираться и не смей показываться сюда!

Глагольев 2. Фи... Для чего же сердиться? Я не уйду, Анна Петровна!

Анна Петровна. Ну так я прикажу вас вывести! (Уходит в дом.)

Глагольев 2. Какая вы сердитая! Я ведь ничего не сказал такого, особенного... Что же я сказал? Сердиться не нужно... (Уходит за ней.)

Явление XVIII

Платонов и Софья Егоровна выходят из дома.

Платонов. В школе я и доселе пребываю в качестве занимающего не свое место, а место учителя... Вот что было после того, как мы расстались!.. (Садятся.) Не говорю про людей, что я сделал лично для себя? Что я в себе посеял, что взлелеял, что возрастил?... А теперь! Эх! Страшное безобразие... Возмутительно! Зло кишит вокруг меня, пачкает землю, глотает моих братьев во Христе и по родине, я же сижу, сложив руки, как после тяжелой работы; сижу, гляжу, молчу... Мне двадцать семь лет, тридцати лет я буду таким же – не предвижу перемены! – там дальше жирное халатничество, отупение, полное равнодушие ко всему тому, что не плоть, а там смерть!! Пропала жизнь! Волосы становятся дыбом на моей голове, когда я думаю об этой смерти!

Пауза.

Как подняться, Софья Егоровна?

Пауза.

Вы молчите, не знаете... Да и знать ли вам? Софья Егоровна, не жалко мне себя! Черт с ним, с этим мной! Но что с вами поделалось? Где ваша чистая душа, ваша искренность, правдивость, ваша смелость? Где ваше здоровье? Куда вы дели его? Софья Егоровна! Проводить целые годы в безделье, мозолить чужие руки, любоваться чужими страданиями и в то же время уметь прямо глядеть в глаза – это разврат!

Софья Егоровна встает.

(Сажает ее.) Это последнее слово, стойте! Что сделало вас жеманной, ленивицей, фразеркой? Кто научил вас лгать? А какой вы были прежде! Позвольте! Я сейчас отпущу вас! Дайте договорить! как вы были хороши, Софья Егоровна, как велики! Голубушка, Софья Егоровна, может быть, вам еще можно подняться, не поздно! Подумайте! Соберите все ваши силы и поднимайтесь ради самого бога! (Хватает ее за руку.) Дорогая моя, скажите мне откровенно, ради того нашего общего прошлого, что заставило вас выйти замуж за этого человека? Чем прельстило вас это замужество?

Софья Егоровна. Он прекрасный человек...

Платонов. Не говорите того, во что вы не верите!

Софья Егоровна (встает). Он мой муж, и я просила бы вас...

Платонов. Будь он чем ему угодно, а я скажу правду! Сядьте! (Сажает ее). Отчего вы не выбрали себе труженика, страдальца? Отчего не взяли себе в мужа кого-нибудь другого, а не этого пигмея, погрязшего в долгах и безделье?..

Софья Егоровна. Оставьте! Не кричите! Идут...

Проходят гости.

Платонов. Черт с ними! Пусть все слышат! (Тихо.) Извините меня за резкость... Но ведь я любил вас! Я любил вас больше всего на свете, а потому вы и теперь мне дороги... Я так любил эти волосы, эти руки, это лицо... Для чего вы пудритесь, Софья Егоровна? Бросьте! Эх! Попадись вы другому человеку, вы скоро бы поднялись, а здесь вы еще больше погрязнете! Бедная... Будь у меня, несчастного, силы, вырвал бы я с корнем и себя и вас из этого болота...

Пауза.

Жизнь! Отчего мы живем не так, как могли бы?!

Софья Егоровна (встает и закрывает руками лицо). Оставьте меня!

В доме шум.

Отойдите! (Идет к дому.)

Платонов (идет за ней). Отнимите от лица руки! Вот так! Вы не уедете? Ведь нет? Будемте друзьями, Софи! Ведь не уедете? Мы будем еще беседовать? Да?

В доме усиленный шум и беганье по лестнице.

Софья Егоровна. Да.

Платонов. Будемте друзьями, моя дорогая... Зачем нам быть врагами? Позвольте... Еще пару слов...

Выбегает из дома Войницев и за ним гости.

Явление XIX

Те же, Войницев с гостями, потом Анна Петровна и Трилецкий.

Войницев (вбегая). Ах... Вот они, самые главные! Идем фейерверки зажигать! (Кричит.) Яков, к реке марш! (Софье Егоровне.) Не передумала, Софи?

Платонов. Не уедет, здесь останется...

Войницев. Да? В таком случае ура! Руку, Михаил Васильич! (Пожимает Платонову руку.) Я всегда верил в твое красноречие! Идем огни зажигать! (Идет с гостями в глубину сада.)

Платонов (после паузы). Да, такие-то дела, Софья Егоровна... Гм...

Голос Войницева. Матап, где вы? Платонов!

Пауза.

Платонов. Пойду-ка, черт возьми, и я... (Кричит.) Сергей Павлович, подожди, не зажигай без меня! Пошли, братец, Якова ко мне за шаром! (Убегает в сад.)

Анна Петровна (выбегает из дома). Подождите! Сергей, подожди, еще не все сошлись! Стреляйте пока из пушки! (Софье.) Идите, Софи! Чего приуныли?

Голос Платонова. Сюда, барынька! Затянем старую песню, не начиная новой!

Анна Петровна. Иду, моншер! (Убегает.)

Голос Платонова. Кто со мной в лодку? Софья Егоровна, не хотите ли со мной на реку?

Софья Егоровна. Идти или не идти? (Думает.)

Трилецкий (входит). Эй! Где вы? (Поет.) Иду, иду! (Смотрит в упор на Софью Егоровну.)

Софья Егоровна. Что вам нужно?

Трилецкий. Ничего-с...

Софья Егоровна. Ну так и отойдите! Я не расположена сегодня ни беседовать, ни слушать...

Трилецкий. Знаю, знаю...

Пауза.

Мне ужасно почему-то хочется провести пальцем по вашему лбу: из чего он у вас сделан? Ужасно хочется!.. Не для того, чтобы оскорбить вас, а так... для контенансу...

Софья Егоровна. Шут! (Отворачивается.) Не комик, а шут, паяц!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Трилецкий. Да... Шут... За шутовство я и харчи получают от генеральши... Ну да-с... И деньги карманные... А когда надоем, меня с позором выгонят из этих мест. Ведь верно говорю-с? Впрочем, это не я один говорю... Это говорили и вы, когда изволили гостить у Глагольева, этого масона нашего времени...

Софья Егоровна. Хорошо, хорошо... Очень рада, что вам передали... Теперь вы знаете, значит, что я умею отличать шутов от остроумных людей! Будь вы актером, вы были бы фаворитом райка, но партер шикал бы вам... Я вам шикаю.

Трилецкий. Острота удачна до сверхъестественности... Похвально... Честь имею кланяться! (Кланяется). До приятного свидания! Побеседовал бы еще с нами, но... робею, поражен! (Идет в глубину сада.)

Софья Егоровна (стучит ногой). Негодный! Не знает он, какого я о нем мнения! Пустой человечиска!

Голос Платонова. Кто на реку со мной?

Софья Егоровна. Ээ... Чему быть, тому не миновать! (Кричит.) Иду! (Убегает.)

Явление XX

Глагольев 1 и Глагольев 2 выходят из дома.

Глагольев 1. Лжешь! Лжешь, скверный мальчишка!

Глагольев 2. Что за глупости? С какой стати я буду врать? Спроси ее самое, если не веришь! Как только ты ушел, я вот на этой самой скамье шепнул ей два-три слова, обнял, чмокнул... Попросила сначала три тысячи, ну а я поторговался и сошелся на тысяче! Дай же мне тысячу рублей!

Глагольев 1. Кирилл, дело идет о чести женщины! Не пачкай этой чести, она свята! Замолчи!

Глагольев 2. Клянусь честью! Не веришь? Клянусь всем святым! Дай же тысячу рублей! Я сейчас же поднесу ей эту тысячу...

Глагольев 1. Ужасно... Лжешь ты! Она пошутила с тобой, с глупцом!

Глагольев 2. Но... Обнял ее, тебе говорят! Что же тут удивительного? Все женщины теперь таковы! Не верь их невинности! Знаю я их! А ты еще тоже жениться хотел! (Хохочет.)

Глагольев 1. Ради бога, Кирилл! Ты знаешь, что такое значит клевета?

Глагольев 2. Дай тысячу рублей! Я при тебе вручу ей эту тысячу! На этой самой скамье я обнял ее, поцеловал и поторговался... Клянусь! Чего же тебе еще нужно? Для того я и прогнал тебя, чтобы с нею поторговаться! Он не верит, что я умею побеждать женщин! Предложи ей две тысячи, и она твоя! Знаю я женщин, брат!

Глагольев 1 (Вынимает из кармана бумажник и бросает его на землю.) Возьми!

Глагольев 2 поднимает бумажник и считает деньги.

Голос Войницева. Я начинаю! Матап, стреляйте! Трилецкий, полезай на беседку! Кто это на коробку наступил? Вы!

Голос Трилецкого. Лезу, черт меня подери! (Хохочет.) Кто это? Бугрова раздавили! Я Бугрову на голову наступил! Где спички?

Глагольев 2. (в сторону). Я отмщен! (Кричит.) Ура-а-а! (Убегает.)

Трилецкий. Кто это там орет? Дайте ему по шеям!

Голос Войницева. Начинать?

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Глагольев 1 (хватает себя за голову). Боже мой! Разврат! Гной! Я молился ей!
Прости ее, господи! (Садится на скамью и закрывает лицо руками.)

Голос Войницева. Кто веревочку взял? Матап, как вам не стыдно? Где моя веревочка, что тут лежала?

Голос Анны Петровны. Вот она, ротозей!

Глагольев 1. (валится со скамьи).

Голос Анны Петровны. Вы! Кто вы? Не топчитесь здесь! (Кричит.) Дай сюда! Дай сюда!

Вбегает Софья Егоровна.

Явление XXI
Софья Егоровна (одна).

Софья Егоровна (бледная, с помятой прической). Не могу! Это уж слишком, выше сил моих! (Хватает себя за грудь.) Гибель моя или... Счастье! Душно здесь!.. Он или погубит, или... вестник новой жизни! Приветствую, благословляю... тебя, новая жизнь! Решено!

Голос Войницева (кричит). Берегись!

Фейерверк.

Картина вторая
Лес. Просека. У начала просеки, с левой стороны – школа. По просеке, теряющейся вдаль, тянется полотно железной дороги, которое возле школы поворачивает направо. Ряд телеграфных столбов. Ночь.

Явление I
Саша (сидит у открытого окна) и Осип (с ружьем через спину, стоит перед окном).

Осип. Как это случилось? Очень просто... Иду я по узлеску, недалече отсюда, смотрю, а она стоит в балочке: подсучила платье и лопухом из ручья воду черпает. Зачерпнет да и выпьет, зачерпнет да и выпьет, а потом голову помочит... Я спустился вниз, подошел близко да и гляжу на нее... Она и внимания не обращает: дурак, мол, ты, мужик, мол, зачем же мне на тебя внимание обращать в таком случае? «Сударыня, говорю, ваше превосходительство, попить холодной водицы, знать, захотели?» – «А тебе, говорит, какое дело? Ступай отсюда туда, откуда пришел!» Сказала и не смотрит... Я обробел... Меня и стыд взял, и обидно стало, что я из мужицкого знания... «Чего смотришь на меня, дуралей? Не видал, говорит, никогда людей, что ли?» И посмотрела на меня пронизательно... «Аль, говорит, понравилась?» – «Страсть, говорю, понравились! Уж такая вы, ваше превосходительство, благородная, чувствительная особа, такая красавица... Красивей вас, говорю, отродясь не видал... Наша деревенская красавица Манька, сотского дочка, говорю, супротив вас лошадь, верблюды... Нежности в вас сколько! Поцеловал бы кажись, говорю, да и помер бы на этом самом месте!» Она засмеялась... «Что ж, говорит. Целуй, коли хочешь!» Меня после этих самых слов в жар бросило. Подошел я к ней, взял ее тихонько за плечико и поцеловал со всего размаху вот тут, в это самое место, в щечку и в шейку зараз...

Саша (хохочет). Она же что?

Осип. «Ну теперь, говорит, проваливай! Умывайся, говорит, почаще да ногти себе не запускай!» Я и отошел.

Саша. Какая она смелая! (Подает Осипу тарелку шей.) На, кушай! Присядь где-нибудь!

Осип. Не велик барин, и постою... Очень вам благодарен за ваше дружелюбие,

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Александра Ивановна! Я вам когда-нибудь за ваши ласки одолжение сделаю...

Саша. Сними шапку... В шапке грешно есть. Ты с молитвой кушай!

Осип (снимает шапку). Давно уже я этих святостей не соблюдал... (Ест.) И с той поры я как будто очумел... Верите ли? Не ем, не сплю... Все она у меня перед глазами... Закрою, бывало, глаза, а она перед глазами... Такую нежность на себя напустил, что хоть вешайся! Чуть было не утопился от тоски, генерала хотел подстрелить... А когда овдовела, начал я всякие поручения исполнять... Куропаток ей стрелял, перепелов ловил, беседочку ей разноцветными красками выкрасил... Волка ей однажды живого привел... Всякое удовольствие ей доставлял... Бывало, что ни прикажет, все исполняю... Приказала бы самого себя слопать, себя бы слопал... Нежные чувства... Ничего с ними не поделаешь...

Саша. Да... Я когда полюбила Михаила Васильича и не знала еще, что он меня любит, тоже ужасно тосковала... Несколько раз у бога, грешница, смерти даже просила...

Осип. Вот видите-с... Чувства такие... (Выпивает из тарелки.) Не пожалуете ли еще щец? (Подает тарелку.)

Саша (уходит и через полминуты появляется у окна с кастрюлькой). Щей нет, а вот не хочешь ли картошки? Жареная на гусином жиру...

Осип. Мерси... (Берет кастрюльку и ест.) Страсть, как наелся! И вот этак ходил я, ходил, как очумелый... Я все про то же, Александра Ивановна... Ходил, ходил... Приношу ей в прошлом годе после Святой зайчика... «Вот извольте, говорю, ваше превосходительство... Косого зверинца вам принес!» Она взяла его па руки, погладила да и спрашивает меня: «Правду ли говорят, Осип, что ты разбойник?» – «Истинная, говорю, правда. Не станут люди понапрасну говорить...» Взял и рассказал ей все... – «Надо, говорит, тебя исправить. Ступай, говорит, пешком в Киев. Из Киева ступай в Москву, из Москвы в Троицкую Лавру, из Троицкой Лавры в Новый Иерусалим, а оттуда домой. Сходи и через год ты другой человек будешь». Напустил я на себя убожество, надел сумочку и пошел в Киев... Не тут-то было! Исправился, да не совсем... Славная картошка! Связался под Харьковом с почтенной компанией, пропил денежки, подрался и воротился назад. И пачпорт даже потерял...

Пауза.

Теперь ничего от меня не берет... Сердится...

Саша. Почему ты в церковь не ходишь, Осип?

Осип. Я пошел бы, да того... Народ смеяться станет... Ишь, скажет, каяться пришел! Да и ходить около церкви днем страшно. Народу много – убьют.

Саша. Ну, а за что ты бедных людей обижаешь?

Осип. А за что их не обижать? Не вашего ума это дело, Александра Ивановна! Не вам рассуждать о грубостях. Не вам понять. А Михаил Васильич никого не обижает?

Саша. Никого! Он если и обидит кого-нибудь, то нехотя, нечаянно. Он добрый человек!

Осип. Я, признаться, его более всех уважаю... Генералчонок Сергей Павлыч глупый человек, неумный; братец ваш тоже неумный, хоть и в докторях, ну а в Михаиле Васильиче много умственных способностей! У него есть чин?

Саша. А как же? Он коллежский регистратор!

Осип. Ну?

Пауза.

Молодчина! Так у него и чин есть... Гм... Молодчина! Доброты у него только мало... Все
Страница 58

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
у него дураки, все у него холуи... Нешто можно так? Ежели б я был хорошим человеком, то я так бы не делал... Я этих самых холуев, дураков и жуликов ласкал бы... Самый несчастный народ они, заметьте! Их-то и нужно жалеть... Мало в нем доброты, мало... Гордости нет, запанибрата со всяким, а доброты ни-ни... Не вам понять... Покорнейше благодарю! Век бы целый такую картошку ел... (Подает кастрюльку.) Благодарю...

Саша. Не за что.

Осип (вздыхает). Славная вы женщина, Александра Ивановна! За что вы меня каждый раз кормите? У вас, Александра Ивановна, есть хоть капелька женской злобы? Благочестивая! (Смеется.) В первый раз такую вижу... Святая Александра, моли бога о нас грешных! (Кланяется.) Радуйся, святая Александра!

Саша. Михаил Васильич идет.

Осип. Обманываете... Он в настоящий момент с молодой барыней про нежные чувства рассуждает... Красивый он у вас человек! Коли б захотел, так за ним весь женский пол пошел... Краснобай такой... (Смеется.) Все к генеральше ластится... Ну та и нос натрет, не посмотрит, что он красивый... Он хотел бы, может быть, да она...

Саша. Ты уж начинаешь лишнее болтать... Я не люблю этого... Иди с богом!

Осип. Сейчас пойду... Вам давно уже пора спать... Небось мужа поджидаете?

Саша. Да...

Осип. Хорошая жена! Платонов, должно быть, такую жену себе десять годов искал, со свечками да с понятами... Нашел-таки где-то... (Кланяется.) Прощайте, Александра Ивановна! Спокойной ночи!

Саша (зевает). Ступай с богом!

Осип. Пойду... (Идет.) Пойду к себе домой... Мой дом там, где пол земля, потолок небо, а стены и крыша неизвестно в каком месте... Кого бог проклял, тот и живет в этом доме... Велик он, да негде голову положить... Только и хорош тем, что за него в волость поземельных платить не надо... (Останавливается.) Спокойной ночи, Александра Ивановна! В гости пожалуйте! В лес! Спросите Осипа, каждая птица и ящерица знает! Посмотрите-ка, как пенек светится! Как будто мертвец из гроба встал... А вон другой! Моя мать мне говорила, что под тем пеньком, который светится, грешник зарыт, я светится пень для того, чтоб молились... И надо мной будет пень светиться... Я тоже грешник... А вон и третий! Много же на этом свете грешников! (Уходит и минуты через две свистит.)

Явление II

Саша.

Саша (выходит из школы со свечой и книгой). Как долго Миши нет... (Садится.) Как бы он себе здоровья не испортил... Эти гулянья ничего не дают, кроме нездоровья... Да и мне уже спать хочется... Где я остановилась? (Читает.) «Пора, наконец, снова возвестить о тех великих, вечных идеалах человечества, о тех бессмертных принципах свободы, которые были руководящими звездами наших отцов и которым мы изменили, к несчастью». Что это значит? (Думает.) Не понимаю... Отчего это не пишут так, чтоб всем понятно было? Далее... Ммм... Пропущу предисловие... (Читает.) «Захер Мазох»... Какая смешная фамилия!.. Мазох... Должно быть, не русский... Далее... Миша заставил читать, так надо читать... (Зевает и читает.) «Веселым зимним вечером»... Ну, это можно пропустить. Описание... (Перелистывает и читает.) «Трудно было решить, кто играл и на каком инструменте... Сильные величавые звуки органа под железной мужской рукой вдруг сменялись нежной флейтой как бы под прелестными женскими устами и наконец замирали...» Тсс... Кто-то идет... (Пауза.) Это Мишины шаги... (Тушит свечу.) Наконец-то... (Встает и кричит.) Ау! Раз, два, раз, два!левой, правой, левой, правой!левой!левой!

Входит Платонов.

Явление III

Саша и Платонов.

Платонов (входя). Назло тебе: правой! правой! Впрочем, милая моя, ни правой, ни левой! У пьяного нет ни права, ни лева; у него есть вперед, назад, вкось и вниз...

Саша. Пожалуйста сюда, пьяненький, садитесь сюда! Вот я вам покажу, как шагать вкось да вниз! Садитесь! (Бросается Платонову на шею.)

Платонов. Сядем... (Садится.) Ты чего же это не спишь, инфузория?

Саша. Не хочется... (Садится рядом.) Поздно же тебя отпустили!

Платонов. Да, поздно... Пассажирский уж прошел?

Саша. Нет еще. Товарка с час тому назад прошла.

Платонов. Значит, нет еще двух часов. Ты давно оттуда?

Саша. Я в десять часов была уже дома... Пришла, а Колька ревет на чем свет стоит... Я ушла не простившись, пусть извинят... Танцы после меня были?

Платонов. И танцы были, и ужин был, и скандалы были... Между прочим... знаешь? При тебе это случилось? С Глагольевым стариком удар случился!

Саша. Что ты?!

Платонов. Да... Твой братец кровь пускал и вечную память пел...

Саша. Отчего же это? Что с ним? Он кажется здоровый такой на вид...

Платонов. Легенький удар... Легенький к его счастью и к несчастью его осленка, которого он по глупости величает сыном... Домой отвезли... Ни один вечер без скандала не обходится! Такова наша судьба, знать!

Саша. Воображаю, как перепугались Анна Петровна и Софья Егоровна! А какая славная Софья Егоровна! Я таких хорошеньких дамочек редко вижу... Что-то в ней такое особенное...

Пауза.

Платонов. Ох! Глупо, мерзко...

Саша. Что?

Платонов. Что я наделал?! (Закрывает руками лицо.) стыдно!

Саша. Что ты наделал?

Платонов. Что наделал? Ничего хорошего! Когда я делал то, чего впоследствии не стыдился?

Саша (в сторону). Пьян, бедненький! (Ему.) Пойдем спать!

Платонов. Гадок был, как никогда! Уважай себя после этого! Нет более несчастья, как быть лишенным собственного уважения! Боже мой! Нет ничего во мне такого, за что можно было бы ухватиться, нет ничего такого, за что можно было бы уважать и любить!

Пауза.

Ты вот любишь... Не понимаю! Нашла, значит, во мне что-то такое, что можно любить? Любишь?

Саша. Что за вопрос! Может ли быть, чтоб я тебя не любила?

Платонов. Знаю, но назови мне то хорошее, за что ты меня так любишь! Укажи мне то хорошее, что ты любишь во мне!

Саша. Гм... За что я тебя люблю? Какой же ты сегодня чудак, Миша! Как же мне не любить тебя, если ты мне муж?

Платонов. Только и любишь за то, что я тебе муж?

Саша. Я тебя не понимаю.

Платонов. Не понимаешь? (Смеется.) Ах ты, моя дурочка набитая! Зачем ты не муха? Между мухами с своим умом ты была бы самой умной мухой! (Целует ее в лоб.) Что было бы с тобой, если бы ты понимала меня, если бы у тебя не было твоего хорошего неведения? Была бы ты так женски счастлива, если бы умела постигать своей нетронутой головкой, что у меня нет ничего того, что можно любить? Не понимай, мое сокровище, не ведай, если хочешь любить меня! (Целует ее руку.) Самочка моя! И я счастлив по милости твоего неведения! У меня, как у людей, семья есть... Есть семья...

Саша (смеется). Чудак!

Платонов. Сокровище ты мое! Маленькая, глупенькая бабеночка! Не женой тебя иметь, а на столе под стеклом тебя держать нужно! И как это мы ухитрились с тобой Николку породить на свет божий? Не Николок рождать, а солдатиков из теста лепить тебе впору, половина ты моя!

Саша. Глупости ты говоришь, Миша!

Платонов. Сохрани тебя бог понимать! Не понимай! Да будет земля на китах, а киты на вилах! Где мы брали бы себе постоянных жен, если бы вас не было, Саши? (Хочет ее поцеловать.)

Саша (не дается). Пошел вон! (Сердито.) Зачем же ты женился на мне, если я так глупа? Ну и брал бы себе умную! Я не неволила!

Платонов (хохочет). А вы и сердиться умеете? Ах, черт возьми! Да это целое открытие из области... Из какой области? Целое открытие, душа моя! Так ты умеешь и сердиться? Ты не шутишь?

Саша (встает). Иди-ка, брат, спать! Если бы не пил, не делал бы открытий! Пьяница! А еще тоже учитель! Ты не учитель, а свинтус! Ступай спать! (Бьет его по спине и уходит в школу.)

Явление IV
Платонов (один).

Платонов. В самом деле я пьян? Не может быть, я пил мало... В голове, впрочем, не совсем нормально...

Пауза.

А когда с Софьей говорил, был я... пьян? (Думает.) Нет, не был! Не был, к несчастью, святые угодники! Не был! Проклятая трезвость моя! (Вскакивает.) В чем провинился предо мной ее несчастный муж? За что я опачкал его перед ней такую грязью? Не прощай мне этого, моя совесть! Я разболтался пред ней, как мальчишка, рисовался, театральничал, хвастался... (Дразнит себя.) «Зачем вы не вышли за труженика, за страдальца?» А для чего бы она сдалась труженику, страдальцу? Зачем же ты, безумец, говорил то, чему не верил? Ах!.. Она поверила... Она выслушала бредни глупца и опустила глазки! Раскисла, несчастная, разнежилась... Как это всё глупо, как это всё мерзко, нелепо! Опротивело все... (Смеется.) Самодур! Осмеяли купцов самодуров, осмеяли насквозь... Был и смех сквозь слезы и слезы сквозь смех... Кто же меня осмеет? Когда? Смешно! Взяток не берет, не ворует, жены не бьет, мыслит порядочно, а... негодяй! Смешной негодяй!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Необыкновенный негодяй!..

Пауза.

Надо ехать... Буду у инспектора просить другого места... Сегодня же напишу в город...

Входит Венгерович 2.

Явление V
Платонов и Венгерович 2.

Венгерович 2 (входя). Гм... Школа, в которой вечно спит тот недоделанный мудрец... Спит он теперь по обыкновению или же бранится по обыкновению? (Увидев Платонова.) Вот он, пустой и звонкий... Не спит и не бранится... Не в нормальном положении... (Ему.) Не спите еще?

Платонов. Как видите! Чего же вы остановились? Позвольте вам пожелать спокойной ночи!

Венгерович 2. Сейчас уйду. Вы предаетесь уединению? (Оглядывается.) Чувствуете себя царем природы? В этакую прелестную ночь...

Платонов. Вы домой идете?

Венгерович 2. Да... Отец уехал, и я принужден идти пешком. Наслаждаетесь? А ведь как приятно – не правда ли? – выпить шампанского и под куражем обозреть самого себя! Можно сесть возле вас?

Платонов. Можете.

Венгерович 2. Благодарю. (Садится.) Я люблю за всё благодарить. Как сладко сидеть здесь, вот на этих ступенях, и чувствовать себя полным хозяином! Где ваша подруга, Платонов? Ведь к этому шуму, к этому шепоту природы, пению и трещанию кузнечиков недостает только любовного лепета, чтобы всё это обратилось в рай! К этому кокетливому, робкому ветерку недостает только горячего дыхания милой, чтобы ваши щеки пылали от счастья! К шепоту матери-природы недостает слов любви... Женщину!! Вы смотрите на меня с изумлением... Ха-ха! Я заговорил не своим языком? Да, это не мой язык... Отрезвившись, я не раз покраснею за этот язык... Впрочем, почему же мне и не поболтать поэтически? Гм... Кто мне воспретит?

Платонов. Никто.

Венгерович 2. Или, может быть, этот язык богов не соответствует моему положению, моей фигуре? У меня лицо не поэтическое?

Платонов. Не поэтическое...

Венгерович 2. Не поэтическое... Гм... Очень рад. У всех евреев физиономии не поэтические. Подшутила природа, не дала нам, евреям, поэтических физиономий! У нас судят обыкновенно по физиономии и на основании того, что мы имеем известные физиономии, отрицают в нас всякое поэтическое чувство... Говорят, что у евреев нет поэтов.

Платонов. Кто говорит?

Венгерович 2. Все говорят... А какая ведь это подлая клевета!

Платонов. Полно придирайтесь! Кто это говорит?

Венгерович 2. Все говорят, а между тем сколько у нас настоящих поэтов, не Пушкиных, не Лермонтовых, а настоящих! Ауэрбах, Гейне, Гете...

Платонов. Гете немец.

Венгерович 2. Еврей!

Платонов. Немец!

Венгерович 2. Еврей! Знаю, что говорю!

Платонов. И я знаю, что говорю, но пусть будет по-вашему! Полуученого еврея трудно переспорить.

Венгерович 2. Очень трудно...

Пауза.

Да хоть бы и не было поэтов! Велика важность! Есть поэты – хорошо, нет их – еще лучше! Поэт, как человек чувства, в большинстве случаев дармоед, эгоист... Гете, как поэт, дал ли хоть одному немецкому пролетарию кусок хлеба?

Платонов. Старо! Полно, юноша! Он не взял куска хлеба у немецкого пролетария! Это важно... Потом, лучше быть поэтом, чем ничем! В миллиард раз лучше. Впрочем, давайте замолчим... Оставьте вы в покое кусок хлеба, о котором вы не имеете ни малейшего понятия, и поэтов, которых не понимает ваша высушенная душа, и меня, которому вы не даете покоя!

Венгерович 2. Не стану, не стану шевелить вашего великого сердца, шипучий человек!.. Не стану стягивать с вас теплого одеяла... Спите себе!

Пауза.

Посмотрите-ка на небо! Да... Здесь хорошо, покойно, здесь одни только деревья... Нет этих сытых, довольных физиономий... Да... Деревья шепчут не для меня... И луна не смотрит на меня так приветливо, как на этого Платонова... Она старается смотреть холодно... Ты, мол, не наш... Ступай отсюда, из этого рая, в свою жидовскую лавочку... Впрочем, чепуха... Я заболтался... довольно!..

Платонов. Довольно... Идите, юноша, домой! Чем более будете сидеть, тем больше наболтаете... А за болтовню эту вы краснеть будете, как вы сказали! Идите!

Венгерович 2. Хочу болтать! (Смеется.) Я теперь поэт!

Платонов. Не поэт тот, кто стыдится своей молодости! Вы переживаете молодость, будьте же молодым! Смешно, глупо, может быть, но зато человечно!

Венгерович 2. Так... Какие глупости! Вы большой чудак, Платонов! Все вы чудаки здесь... Вам бы жить во времена Ноя... И генеральша чудачка, и Войницев чудак... Между прочим, генеральша недурна в телесном отношении... Какие у нее неглупые глаза! Какие у нее хорошие пальцы!.. Недурна отчасти... Грудь, шеи...

Пауза.

Почему? Хуже я вас, что ли? Хоть бы раз в жизни! Если мысли так сильно привлекательно действуют на мой... спинной мозг, то какое блаженство растопило бы меня в пух и прах, если бы она показалась сейчас между этими деревьями и поманила бы меня своими прозрачными пальцами!.. Не смотрите на меня так... Я глуп теперь, мальчуган... Впрочем, кто же смеет запретить мне хоть раз в жизни быть глупым? Я с научной целью хотел бы сейчас быть глупым, счастливым по-вашему... Я и счастлив... Кому какое дело? Гм...

Платонов. Но... (Рассматривает его цепь.)

Венгерович 2. Впрочем, личное счастье эгоизм!

Платонов. О да! Личное счастье эгоизм, а личное несчастье добродетель! Сколько

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
же, однако, в вас белиберды! Какая цепь! Какие чудные брелоки! Как сияет!

Венгерович 2. Вас занимает эта цепь?! (Смеется.) Вас манит к себе эта мишура, этот блеск... (Качает головой.) В эти минуты, когда вы поучаете меня чуть ли не стихами, вы можете восхищаться золотом! Возьмите эту цепь! Бросьте! (Срывает с себя цепь и бросает ее в сторону.)

Платонов. Важно звякнула! По одному этому звуку уж можно заключить, как она тяжела!

Венгерович 2. Золото тяжело не на один только вес! Счастливы вы, что можете сидеть на этих грязных ступенях! Здесь вы не испытываете всей тяжести этого грязного золота! О, эти мне золотые цепи, золотые оковы!

Платонов. Не всегда прочные оковы! Пропили их наши отцы!

Венгерович 2. Сколько несчастных, сколько голодных, сколько пьяных под луной! Когда же, наконец, миллионы много сеющих и ничего не ядущих перестанут голодать? Когда, я вас спрашиваю? Платонов, отчего же вы не отвечаете?

Платонов. Оставьте меня! Сделайте такое одолжение! Не люблю без умолку и без толку звонящих колоколов! Извините, но оставьте меня! Спать хочу!

Венгерович 2. Я колокол? Гм... Скорей же вы колокол...

Платонов. Я колокол и вы колокол, с тою только разницею, что я в себя сам звоню, а в вас звонят другие... Спокойной ночи! (Встает.)

Венгерович 2. Спокойной ночи!

В школе бьет два часа.

Уже два часа... В это время нужно уже спать, а я не сплю... Бессонница, шампанское, волнение... Ненормальная жизнь, благодаря которой разрушается организм... (Встает.) У меня, кажется, грудь уже начинает болеть... Спокойной ночи! Руки я вам не подаю и горжусь этим. Вы не имеете права на пожатие моей руки...

Платонов. Какие глупости! Мне всё одно.

Венгерович 2. Надеюсь, что нашу беседу и мою... болтовню никто, кроме нас, не слышал и не услышит... (Идет в глубину сцены и идет обратно.)

Платонов. Что вам угодно?

Венгерович 2. Тут где-то была моя цепь...

Платонов. Вот она, ваша цепь! (Швыряет цепь ногой.) Не забыл-таки! Послушайте, будьте так любезны, пожертвуйте эту цепь в пользу одного моего знакомого, принадлежащего к разряду много сеющих и ничего не ядущих! Эта цепь будет кормить его и его семью целые годы!.. Позвольте передать ее ему?

Венгерович 2. Нет... С удовольствием отдал бы, но, честное слово, не могу! Это подарок, сувенир...

Платонов. Да, да... Убирайтесь!

Венгерович 2 (поднимает цепь). Отстаньте, пожалуйста! (Идет и в глубине сцены, утомленный, садится на полотно железной дороги и закрывает руками лицо.)

Платонов. Пошлость! Быть молодым и в то же время не быть светлой личностью! Какая глубокая испорченность! (Садится.) Как противны нам люди, в которых мы видим хоть намек на свое нечистое прошлое! Я когда-то был немного похож на этого... Ох!

Слышен конский топот.

Явление VI

Платонов и Анна Петровна (входит в амазонке, с хлыстом в руке).

Платонов. Генеральша!

Анна Петровна. Как мне его увидеть? Постучать разве? (Увидев Платонова.) Вы здесь? Как это кстати! Я знала, что вы еще не спите... Да и можно ли спать теперь? Для спанья бог зиму дал... Доброй ночи, человечина! (Протягивает руку.) Ну? Что же вы? Руку!

Платонов протягивает руку.

Анна Петровна. Вы не пьяны?

Платонов. А черт меня знает! Или трезв, или же пьян, как самый горький пьяница... Вы что же это? Прогуливаться с жиру изволите, почтеннейшая сомнамбула?

Анна Петровна (садится рядом). Н-да-с...

Пауза.

Да-с, милейший Михаил Васильич! (Поет.) Сколько счастья, сколько муки... (Хохочет.) Какие большие, удивленные глаза! Полноте, не бойтесь, дружище!

Платонов. Я и не боюсь... за себя по крайней мере...

Пауза.

Вы, я вижу, ерундой вздумали заниматься...

Анна Петровна. На старости лет...

Платонов. Старухам простительно... Те сдуру... А вы какая старуха? Вы молоды, как лето в июне. Ваша жизнь впереди.

Анна Петровна. Мне нужна жизнь теперь, а не впереди... А я молода, Платонов, ужас как молода! Чувствую... Так ветром и ходит по мне эта молодость! Чертовски молода... Холодно!

Пауза.

Платонов (вскакивает). Не хочу ни понимать, ни угадывать, ни предполагать... Ничего не хочу! Идите! Назовите меня невеждой и оставьте меня! Прошу вас! Гм... Для чего смотреть так? Да вы... вы подумайте!

Анна Петровна. Я уже думала...

Платонов. Вы подумайте, гордая, умная, прекрасная женщина! Куда и зачем вы пришли?! Ах...

Анна Петровна. Не пришла, а приехала, мой милый!

Платонов. С таким умом, с такой красотой, молодостью... ко мне?! Глазам, ушам не верится... Пришла победить, взять крепость! Не крепость я! Не побеждать вы пришли... я слабость, страшная слабость! Поимите вы!

Анна Петровна (встает и подходит к нему). Самоуничижение паче гордости... Как же быть, Мишель? Надо же чем-нибудь кончить? Согласись сам, что...

Платонов. Не буду я кончать, потому что я ничего не начинал!

Анна Петровна. Э... философия гадкая! И тебе не стыдно лгать? В такую ночь, при таком небе... и лгать? Лги осенью, если хочешь, в грязь, в слякоть, но не теперь, не здесь... Тебя слышат, на тебя смотрят... Взгляни, чудак, вверх!

Пауза.

Вон и звезды мерцают, что ты лжешь... Полно, милый мой! Будь же хорошим, как всё это хорошо! Не нарушай своей маленькой особой этой тишины... Отгони от себя своих бесов! (Обнимает его одной рукой.) Нет другого, которого я любила бы так, как я тебя люблю! Нет женщины, которую ты любил бы так, как меня любишь... Возьмем себе одну только любовь, а остальное, что тебя так мучит, пусть решат другие... (Целует его.) Возьмем себе одну только любовь...

Платонов. Одиссей стоил того, чтоб ему пели сирены, но не царь Одиссей я, сирена! (Обнимает ее.) Если бы я мог дать тебе счастье! Как ты хороша! Но не дам я тебе счастье! Я сделаю из тебя то, что делал я из всех женщин, бросавшихся мне на шею... Я сделаю тебя несчастной!

Анна Петровна. Как много ты о себе думаешь! Неужели ты так ужасен, Дон-Жуан? (Хохочет.) Какой же ты хорошенький при лунном свете! Прелесть!

Платонов. Знаю я себя! Те только романы и оканчиваются благополучно, в которых меня нет...

Анна Петровна. Сядем... Сюда вот... (Садятся на полотно.) Еще что скажешь, философ?

Платонов. Если я был честным человеком, я ушел бы от тебя... Я сегодня предчувствовал это, предвидел... Почему же я, негодяй, не ушел?

Анна Петровна. Отгони от себя бесов, Мишель! Не отравляйся... Ведь к тебе женщина пришла, а не зверь... Лицо постное, на глазах слезы... Фи! Если тебе это не нравится, то я уйду... Хочешь? Я уйду, и все останется по-старому... Идет? (Хохочет.) Дуралей! Бери, хватай, хапай!.. Что тебе еще? Выкури всю, как папиросу, выжми, на кусочки раздроби... Будь человеком! (Тормошит его.) Смешной!

Платонов. Но разве ты моя? Разве ты про меня писана? (Целует ее руки.) Иди к другому, моя дорогая... Ступай к тому, который стоит тебя...

Анна Петровна. Ах... Полно тебе молоть чепуху! Дело ведь очень просто: к тебе пришла женщина, которая тебя любит и которую ты любишь... Погода прелестная... Что может быть проще? К чему же тут эта философия, политика? Порисоваться разве хочешь?

Платонов. Гм... (Встает.) А если ты пришла пошалить мной, поразвратничать, покуралесить?... Тогда что? Ведь я не гожусь во временнообязанные... Я не позволю играть собой! Ты не отделаешься от меня грошами, как отделалась от десятка!.. Слишком дорог я для интрижки... (Хватает себя за голову.) Уважать, любить тебя и в то же время... мелочь, пошлость, мещанская, плебейская игра!

Анна Петровна (подходит к нему). Ты меня любишь, уважаешь, для чего же ты, беспокойная душа, торгуешься со мной, говоришь мне эти мерзости? Для чего эти «если»? Я люблю... Я сказала тебе, и сам ты знаешь, что я тебя люблю... Что же тебе еще? Покоя мне... (Кладет голову ему на грудь.) Покоя... Пойми же наконец, Платонов! Я отдохнуть хочу... Забыться, и больше мне ничего не нужно... Ты не знаешь... Ты не знаешь, как тяжела для меня жизнь, а я... жить хочу!

Платонов. Не сумею я дать тебе покой!

Анна Петровна. Сумей только не философствовать!.. живи! Все живет, все движется... Кругом жизнь... Давай же и мы жить! Завтра решать вопросы, а сегодня, в эту ночь, жить, жить... Жить, Мишель!

Пауза.

Да что я в самом деле распелась перед тобой? (Хохочет.) Скажите, пожалуйста! Я ною, а он и ломается!

Платонов (хватает ее за руку). Послушай... В последний раз... Как честный человек говорю... Уйди!.. В последний раз! Уйди!

Анна Петровна. Будто бы? (Хохочет.) А ты не шутишь?.. Глупишь, брат! Теперь уж я тебя не оставлю! (Бросается ему на шею.) Слышишь? В последний раз говорю: не выпущу! Во что бы то ни стало, что бы там ни было! Хоть меня погуби, хоть сам пропади, а возьму! Жить! Тра-та-та-та... ра-ра-ра... Чего рвешься, чудак? Мой! Мели теперь свою философию!

Платонов. Еще раз... Как честный человек...

Анна Петровна. Честью не взяла, силой возьму... Люби, коли любишь, а не строй из себя дурачка! Тра-та-та-та... Звон победы раздавайся... Ко мне, ко мне! (Накидывает ему на голову черный платок.) Ко мне!

Платонов. К тебе? (Смеется.) Пустая ты женщина! Добра ты себе не желаешь... Плакать ведь будешь! Мужем твоим я не буду, потому что не про меня ты писана, а играть собой не позволю... Посмотрим, кто кем играть будет... Увидим... Заплачешь... Идем, что ли?

Анна Петровна (хохочет). Allons! (Берет его под руку.) Постой... Кто-то идет. Станем пока за дерево... (Прячутся за дерево.) В сюртуке кто-то, не мужик... Отчего ты в газеты передовых статей не пишешь. Ты славно бы писал... Не шутя.

Входит Трилецкий.

Явление VII
Те же и Трилецкий.

Трилецкий (идет к школе и стучит в окно). Саша! Сестренка! Сашурка!

Саша (отворяет окно). Кто здесь? Это ты, Коля? Чего тебе?

Трилецкий. Ты еще не спишь? Пусти меня, душечка, переночевать!

Саша. Сделай милость...

Трилецкий. Положишь меня в классной... Да пожалуйста, чтоб Мишель не узнал, что я у вас ночую: спать не даст своей философией! У меня голова ужасно кружится... Всё в глазах двоится... Стою перед одним окном, а мне кажется, что их два: в какое лезть? Комиссия! Хорошо, что я не женат! Будь я женат, мне показалось бы, что я двоеженец... Всё двоится! У тебя на двух шеях две головы! Кстати, между прочим... Там около срубленного дуба, что над речкой – знаешь? – я сморкался, козявочка, и выронил из платка сорок рублей... Поднимешь их, душечка, завтра пораньше... Поищи и возьми себе...

Саша. Их чуть свет плотники поднимут... Какой ты разгильдяй, Коля! Ах, да! Чуть было не позабыла. Приходила жена лавочника и просила тебя убедительно, чтобы ты пришел к ним, как можно скорей... Ее муж внезапно заболел... В голову какой-то удар сделался... Иди скорей!

Трилецкий. Бог с ним совсем! Мне не до того... У меня у самого стреляет и в голове, и в брuxe... (Лезет в окно.) Посторонись...

Саша. Влезай скорей! Ногой меня зацепил... (Запирает окно.)

Платонов. Еще кого-то черти несут!

Анна Петровна. Стой.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Платонов. Не держи... Уйду, если захочу! Кто это?

Анна Петровна. Петрин и Щербук.

Входят Петрин и Щербук, без сюртуков, покачиваясь. На первом черный цилиндр, на втором – серый.

Явление VIII
Венгерович 2 (в глубине сцены.), Платонов, Анна Петровна, Петрин и Щербук.

Петрин. Виват, Петрин, кандидат прав! Ура! Где дорога? Куда зашли? Что это? (Хохочет.) Тут, Павочка, народное просвещение! Тут дураков учат бога забывать да людей надувать! Вот куда мы зашли... Гм... Так-с... Тут, брат, тот... как его, черт? – Платошка живет, цивилизованный человек... Пава, а где теперь Платошка? Выскажи мнение, не стыдись! С генеральшей дуэт поет? Ох, господи, твоя воля... (Кричит.) Глагольев дурак! Она ему нос натерла, а с ним удар сделался!

Щербук. Домой хочу, Герася... Спать хочется, страсть как! Шут с ними со всеми!

Петрин. А где наши сюртуки, Пава? К начальнику станции ночевать идем, а сюртуков нет... (Хохочет.) Девки сняли? Ах ты, кавалер, кавалер!.. Девки сюртуки поснимали... (Вздыхает.) Эх, Пава, Павочка... Ты шампань пил? Небось, вот ты пьян теперь? А чье ты пил? Мое ты пил... И пил ты сейчас мое, и ел ты сейчас мое... На генеральше платье мое, на Сережке чулки мои... всё мое! Я им всё передавал! У самого каблучонки на сапожонках кривые... Всё им отдал, всё на них просадил, а что получил? Ты спроси, что я получил? Кукиш и позор... Да... Лакей за столом обносит да локтем норовит толкнуть, сама же как с свинством обращается...

Платонов. Надоело мне!

Анна Петровна. Постой... Сейчас уйдут! Какой же скот этот Петрин! Как лжет! А та старая тряпка и верит...

Петрин. Жиду почета больше... Жид у изголовья, а мы у подножия ног... А почему? А потому, что жид больше денег дает... А на лбу роковые слова: продается с публичного торга!

Щербук. Это Некрасова... Говорят, помер Некрасов...

Петрин. Ладно же! Больше ни копейки! Слышишь? Ни копейки! Пусть старичок в могиле сердится... Пусть там себе с... гробокопателями! Шабаш! Протестую вексель! Завтра же! Я ее в грязь головой поставлю, неблагодарную!

Щербук. Она граф, барон! У нее генеральское лицо! А я... калмык и больше ничего... Меня пуцай Дуняша обожает... Какая дорога неровная! Шоссе бы надо со столбами телеграфическими... с колоколами... Дзинь, дзинь, дзинь...

Уходят.

Явление IX
Те же без Петрина и Щербука.

Анна Петровна (выходит из-за деревьев). Ушли?

Платонов. Ушли...

Анна Петровна (берет его за плечи). Шествуем?

Платонов. Пойдем! Иду, но если бы ты знала, как мне не хочется идти!.. Пойду не я к тебе, а черт, который бьет меня теперь по затылку: иди, иди! Пойми же! Если моя совесть не принимает твоей любви, то только потому, что она глубоко убеждена в том, что ты делаешь непоправимую ошибку...

Саша (в окно). Миша, Миша! Где ты?

Платонов. Черт возьми!

Саша (в окно). Ах... Я вижу тебя... С кем это ты? (Хохочет.) Анна Петровна! Насилу я вас узнала! Вы такая черная! В чем это вы? Здравствуйте!

Анна Петровна. Здравствуйте, Александра Ивановна!

Саша. Вы в амазонке? Катаетесь, значит? Отличное дело! Ночь такая хорошая! Поедем и мы с тобой, Миша!

Анна Петровна. Я уже накаталась, Александра Ивановна... Домой сейчас еду...

Саша. В таком случае, разумеется... Иди, Миша, в комнату!.. Я не знаю, право, что делать! С Колей дурно...

Платонов. С каким Колей?

Саша. С братом Николаем... Выпил, должно быть, много... Войди, пожалуйста! Заходите и вы, Анна Петровна! Я сбегая в погреб и сливок принесу... По стакану выпьем... Холодные сливки!

Анна Петровна. Благодарю вас... Я сейчас домой еду... (Платонову.) Ступай... Я подожду...

Саша. А то бы я сбегала в погреб... Иди, Миша! (Скрывается.)

Платонов. Совершенно забыл о ее существовании... Верит-то, верит как?! Ступай... Я уложу сына спать и приду...

Анна Петровна. Скорей же...

Платонов. Чуть-чуть скандала не было! Прощай пока... (Идет в школу.)

Явление X

Анна Петровна, Венгерович 2 и потом Осип.

Анна Петровна. Сюрприз... И я совершенно забыла о ее существовании...

Пауза.

Жестоко... Впрочем, ему не в первый раз надувать эту бедную девочку!.. Э-э-э... грешить так грешить! Один только бог будет знать! Не впервой... Канальство! Жди теперь, пока он уложит ее спать!.. Час протянется, если не больше...

Венгерович 2 (идет к ней). Анна Петровна (Падает перед ней на колени.) Анна Петровна... (Хватает ее за руки.) Анна!

Анна Петровна. Кто это? Кто вы? (Нагинается к нему.) Кто это? Вы, Исак Абрамыч? Вы ли это? Что с вами?

Венгерович 2. Анна! (Целует руку.)

Анна Петровна. Уйдите! Нехорошо так! Вы мужчина!

Венгерович 2. Анна!

Анна Петровна. Полно вам цепляться! Уйдите прочь! (Пхает его в плечо.)

Венгерович 2 (растягивается на земле). Ох! Глупо... глупо!

Осип (входит). Комедьянты! Это, бывает, не вы, ваше превосходительство? (Кланяется.) Как это вы попали в наши святые места?

Анна Петровна. Это ты, Осип? Здравствуй! Подсматриваешь? Шпионишь? (Берет его за

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
подбородок.) Всё видел?

Осип. Всё.

Анна Петровна. А чего ты бледен так? а? (Смеется.) Ты влюблен в меня, Осип?

Осип. Это как вам угодно...

Анна Петровна. Влюблен?

Осип. Я нас не понимаю... (Плачет.) Я вас за святую почитал... Ежели б приказали в огонь лезть, в огонь бы полез...

Анна Петровна. Отчего ты в Киев не поедешь?

Осип. Что мне Киев? Я вас за святую почитал... Для меня святей вас и людей не было...

Анна Петровна. Полно, дуралей... Носи опять ко мне зайчиков... Опять буду брать... Ну, прощай... Приходи завтра ко мне, и я тебе дам денег: по железной дороге в Киев поедешь... Идет? Прощай... Платонова у меня не смей трогать! Слышишь?

Осип. Вы мне с этой поры уж не указ...

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста! Не прикажете ли мне в монастырь идти? Его дело!.. Ну, ну... Плачет... Маленький ты, что ли? Довольно... Когда он будет идти ко мне, то выстрелишь!..

Осип. В него?

Анна Петровна. Нет, в воздух... Прощай, Осип! Погромче выстрели! Выстрелишь?

Осип. Выстрелю.

Анна Петровна. Ну и умничек...

Осип. Только он к вам не пойдет... Он с женой теперь.

Анна Петровна, Толкуй... Прощай, душегуб! (Убегает.)

Явление XI
Осип и Венгерович 2.

Осип (бьет шапкой оземь и плачет). Кончено! Всё кончено, и чтоб оно провалилось сквозь землю!

Венгерович 2 (лежа). Что он говорит?

Осип. Видел всю эту материю, слышал! Глаза лопались, в ушах кто-то здоровенным молотом колотил! Всё слышал! Ну как его не убить, ежели хочется в клочки его разорвать, слопать... (Садится на насыпь задом к школе.) Надо убить...

Венгерович 2. Что он говорит? Кого убить?

Явление XII
Те же, Платонов и Трилецкий.

Платонов (выталкивает из школы Трилецкого). Вон! Изволь сию же минуту отправляться к лавочнику! Марш!

Трилецкий (потягивается). Лучше бы ты потянул меня завтра большой палкой, чем сегодня будить!

Платонов. Ты негодяй, Николай, негодяй! Понимаешь?

Трилецкий. Что ж делать? Таким, значит, бог создал?

Платонов. А что если лавочник уже умер?

Трилецкий. Если умер, то царство ему небесное, а если же еще продолжает борьбу за существование, то напрасно ты говоришь страшные слова... Не пойду я к лавочнику! Мне спать хочется!

Платонов. Пойдешь, скот! Пойдешь! (Толкает его). Я не дам тебе спать! Да что ты в самом деле? Что ты строишь из себя? Отчего ты ничего не делаешь? Ради чего ты здесь проедаешься, проводишь свои лучшие дни и бездельничаешь?

Трилецкий. Пристал... Какой же ты, братец, право... клещ!

Платонов. Что ты за существо, скажи ты мне, пожалуйста? Это ужасно! Для чего ты живешь? Отчего ты не занимаешься наукой? Отчего не продолжаешь своего научного образования? Наукой отчего не занимаешься, животное?

Трилецкий. Об этом интересном предмете поговорим, когда мне не будет спать хотеться, а теперь пусти меня спать... (Чешется.) Черт знает что! Ни с того, ни с сего: вставай, негодяй! Гм... Честные правила... Черт бы их съел, эти честные правила!

Платонов. Какому богу ты служишь, странное существо? Что ты за человек? Нет, не будет из нас толку! Нет, не будет!

Трилецкий. Послушай, Михаил Васильич, кто дал тебе право запускать свои холодные лапищи в чужие сердца? Твоя бесцеремонность выше всяких удивлений, братец!

Платонов. Не выйдет из нас ничего, кроме лишаев земли! Пропаций мы народ! Гроша мы не стоим! (Плачет.) Нет человека, на котором могли бы отдохнуть глаза! Как всё пошло, грязно, истаскано... Поди прочь, николай! Уйди!

Трилецкий (пожимает плечами). Плачешь?

Пауза.

Я пойду к лавочнику! Слышишь? Я пойду!

Платонов. Как хочешь!

Трилецкий. Пойду! Иду вот...

Платонов (стучит ногами). Пошел прочь!

Трилецкий. Хорошо... Ложись-ка спать, Мишель! Не стоит волноваться! Прощай! (Идет и останавливается.) На прощанье одно слово... Посоветуй всем проповедникам, в том числе и самому себе, чтобы слово проповедническое клеилось с делами проповедника... Если твои глаза не умеют отдохнуть на тебе самом, то не могли требовать от меня отдыха для твоих глаз, которые, à propos[19], очень хороши у тебя при лунном свете! Они блестят у тебя, как зеленые стеклышки... И еще вот что... С тобой бы говорить не следовало... Тебя бы избить страшно, изломать на куски, разорвать бы с тобой навсегда за ту девочку... Сказать бы тебе то, чего ты отродясь не слышал! Но... не умею! Я плохой дуэлист! И это твое счастье!..

Пауза.

Прощай! (Уходит.)

Явление XIII

Платонов, Венгерович 2 и Осип.

Платонов (хватает себя за голову). Не один я таков, все таковы! Все! Где же люди, боже мой? Я-то каков! Не ходи к ней! Она не твоя! Это чужое добро!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Испортить ее жизнь, исковеркаешь навсегда! Уйти отсюда! Нет! Буду у ней, буду здесь жить, буду пьянствовать, языничать... Развратные, глупые, пьяные... Вечно пьяные! Глупая мать родила от пьяного отца! Отец... мать! Отец... О, чтоб у вас там кости так переверочились, как вы спяна и сдуру переверочили мою бедную жизнь!

Пауза.

Нет... что я сказал? Бог простит... Царство небесное... (Наталкивается на лежащего Венгеровича.) Это кто?

Венгерович 2 (поднимается на колени). Дикая, безобразная, позорная ночь!

Платонов. Аааа... Пойди и запиши эту дикую ночь в свой дурацкий дневник чернилами из отцовской совести! Прочь отсюда!

Венгерович 2. Да... Запишу! (Уходит.)

Платонов. Что он здесь делал? Подслушивал? (Осипу.) Ты кто? Ты зачем здесь, вольный стрелок? Тоже подслушивал? Прочь отсюда! Или постой... Догони Венгеровича иними с него цепь!

Осип (встает). Какую цепь?

Платонов. У него на груди висит большая золотая цепь! Догони его иними! Живей! (Стучит ногами.) Скорей, а то не догонишь! Он бежит теперь к деревне, как сумасшедший!

Осип. А вы к генеральше?

Платонов. Беги скорей, негодяй! Не бей его, а тольконими цепь! Пошел! Чего стоишь? Беги!

Осип убегает.

(После паузы.) Идти... Идти или не идти? (Вздыхает.) Идти... Пойду затяну длинную, в сущности скучную, безобразную песню... Я же думал, что я хожу в прочной броне! А что же оказывается? Женщина сказала слово, и во мне поднялась буря... У людей мировые вопросы, а у меня женщина! Вся жизнь женщина! У Цезаря – Рубикон, у меня – женщина... Пустой бабник! Не жалко было бы, если бы не боролся, а то ведь борюсь! Слаб, бесконечно слаб!

Саша (в окно). Миша, ты здесь?

Платонов. Здесь, мое бедное золото!

Саша. Иди в комнату!

Платонов. Нет, Саша! Я хочу побыть на воздухе. У меня голова трещит. Спи, мой ангел!

Саша. Спокойной ночи! (Закрывает окно.)

Платонов. Тяжело надувать того, кто верит безгранично! Я и вспотел и покраснел... Иду! (Идет.)

Навстречу ему идут Катя и Яков.

Явление XIV

Платонов, Катя и Яков.

Катя (Якову). Постой здесь... Я сейчас... Только книгу возьму... Не уйди же, смотри! (Идет навстречу Платонову.)

Платонов (увидев Катю). Ты? Что тебе?

Катя (испугавшись). Ах... это вы? Мне вас нужно.

Платонов. Это ты, Катя? Все, начиная с барыни и кончая горничной, все – ночные птицы! Что тебе?

Катя (тихо). Вам барыня письмо прислала.

Платонов. Что?

Катя. Вам барыня письмо прислала!

Платонов. Что врешь? Какая барыня?

Катя (тише). Софья Егоровна...

Платонов. Что? Ты с ума сошла? Окати себя холодной водой! Пошла вон отсюда!

Катя (подает письмо). Вот оно!

Платонов (вырывает письмо). Письмо... Письмо... Какое письмо? Нельзя было завтра принести? (Распечатывает.) Как же я его буду читать?

Катя. Просили как можно скорей...

Платонов (зажигает спичку). Черт вас носит! (Читает.) «Я делаю первый шаг. Иди, сделаем его вместе. Я воскресаю. Иди и бери. Твоя». Черт знает... Телеграмма какая-то! «Жду до четырех часов в беседке около четырех столбов. Пьяный муж уехал с молодым Глагольевым на охоту. Вся твоя С.». Этого еще не доставало! Боже мой! Этого еще не доставало! (Кате.) Что смотришь?

Катя. Как же мне не посмотреть, если у меня глаза есть?

Платонов. Выколи себе свои глаза! Это ко мне письмо?

Катя. К вам-с...

Платонов. Врешь! Прочь отсюда!

Катя. Слушаю-с.

Уходит с Яковым.

Явление XV
Платонов (один).

Платонов (после паузы). Вот они, последствия... Доигрался малый! Исковеркал женщину, живое существо, так, без толку, без всякой на то надобности... Прроклый язык! Довел до чего... Что теперь делать? А ну-ка, мудрая ты голова, подумай! Брани себя теперь, рви волосы... (Думает.) Ехать! Сейчас же ехать и не смей показываться сюда до самого страшного суда! Марш отсюда на все четыре стороны, в ежовые рукавицы нужды, труда! Лучше худшая жизнь, чем эта с этой историей!

Пауза.

Еду... Но... неужели Софья на самом-таки деле любит меня? Да? (Смеется.) За что? Как всё темно и странно на этом свете!

Пауза.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Странно... Неужели эта прекрасная, мраморная женщина с чудными волосами в состоянии полюбить ничего чудака? Неужели любит? Невероятно! (Зажигает спичку и пробегает письмо.) Да... Меня? Софья? (Хохочет.) Любит? (Хватает себя за грудь.) Счастье! Да ведь это счастье! Это мое счастье! Это новая жизнь, с новыми лицами, с новыми декорациями! Иду! Марш в беседку около четырех столбов! Жди, моя Софья! Была ты и будешь моей! (Идет и останавливается.) Не пойду! (Идет обратно.) Разбивать семью? (Кричит.) Саша, иду в комнату! Отвори! (Хватает себя за голову.) Не пойду, не пойду... не пойду!

Пауза.

Пойду! (Идет.) Иди, разбивай, топчи, оскверняй... (Сталкивается с Войницевым и Глагольевым 2.)

Явление XVI

Платонов, Войницев и Глагольев 2.

Войницев и Глагольев 2 вбегают с ружьями через спину.

Войницев. Вот он! Вот он! (Обнимает Платонова.) Ну? На охоту едем!

Платонов. Нет... Пстой!

Войницев. Что рвешься, друг? (Хохочет.) Пьян, я пьян! Первый раз в жизни пьян! Боже мой, как я счастлив! Друг мой! (Обнимает Платонова.) Едем? Она послала меня... Приказала настрелять для нее дичи...

Глагольев 2. Скорей едемте! Уже светает...

Войницев. Ты слышал, что мы выдумали? Не гениально разве? Мы думаем Гамлета сыграть! Честное слово! Такой театр удерем, что даже чертей затошнит! (Хохочет.) Как ты бледен... И ты пьян?

Платонов. Пусти... Пьян.

Войницев. Пстой... Моя идея! Завтра же начинаем декорации писать! Я – Гамлет, Софи – Офелия, ты – Клавдий, Трилецкий – Горацио... Как я счастлив! Доволен! Шекспир, Софи, ты и татап! Больше мне ничего не нужно! Впрочем, еще Глинка. Ничего больше! Я Гамлет...

И этому злодею,

стыд женщины, супруги, матери забыв,

могла отдаться ты!..

(Хохочет.) Чем не Гамлет?

Платонов (вырывается и бежит). Подлец! (Убегает.)

Войницев. Тюлюлю! Пьян! Важно! (Хохочет.). Каков наш друг?

Глагольев 2. Наспиртован... Едем!

Войницев. Едем... И вы были бы моим другом, если бы... Офелия! О нимфа, помани мои грехи в твоих святых молитвах!

Уходят. Слышен шум идущего поезда.

Явление XXII

Осип и потом Саша.

Осип (вбегает с цепью). Где он? (Оглядывается.) Где он? Ушел? Нет его?
(Свистит.) Михаил Васильич! Михаил Васильич! Ау!

Пауза.

Нет? (Подбегает к окну и стучит.) Михаил Васильич! Михаил Васильич! (Разбивает стекло.)

Саша (в окно). Кто здесь?

Осип. Позовите Михаила Васильича! Скорей!

Саша. Что случилось? Его нет в комнате!

Осип (кричит). Нет? Пошел к генеральше, значит! Генеральша здесь была и к себе его звала! Всё пропало, Александра Ивановна! К генеральше пошел он, проклятый!

Саша. Лжешь!

Осип. Накажи меня господь, к генеральше! Всё слышал и видел! Они тут обнимались, целовались...

Саша. Лжешь!

Осип. Чтоб ни отцу моему, ни матери не увидеть царства небесного, коли вру! К генеральше! От жены ушел! Догоните его, Александра Ивановна! Нет, нет... Всё пропало! И вы несчастная теперь! (Снимает с плеч ружье.) Она приказала мне в последний раз, а я исполняю в последний раз! (Стреляет в воздух.) Пусть встречает! (Бросает ружье на землю.) Зарежу его, Александра Ивановна! (Перепрыгивает через насыпь и садится на пень.) Не беспокойтесь, Александра Ивановна... не беспокойтесь... я его зарежу... Не сомневайтесь...

Показываются огни.

Саша (выходит в ночной кофточке, с распущенными волосами). Ушел... Обманул... (Рыдает.) Пропала я... Убей меня, господи, после этого...

Свисток.

Под машину лягу... Не хочу я жить... (Ложится на рельсы.) Обманул... Убей меня, божья мать!

Пауза.

Прости, господи... Прости, господи... (Вскрикивает.) Коля! (Поднимается на колени.) Сын! Спасите! Спасите! Вот она, машина, идет!.. Спасите!

Осип подскакивает к Саше.

(Падает на рельсы.) Ах...

Осип (берет ее и несет в школу). Зарежу... Не беспокойтесь!

Идет поезд.

Конец второго действия

Действие третье

Комната в школе. Направо и налево двери. Шкаф с посудой, комод, старый фортепиан, стулья, диван, обитый клеенкой, гитара и т. п. Полный беспорядок

Явление I

Софья Егоровна и Платонов.

Платонов спит на диване, у окна. Лицо закрыто соломенной шляпой.

Софья Егоровна (будит Платонова). Платонов! Михаил Васильич! (Толкает его.) Проснись! Мишель! (Снимает с его лица шляпу.) Можно ли класть на лицо такую грязную шляпу? Фи, какой неряха, нечистот! Запонки растерял, спит с открытой грудью, неумытый, в грязной сорочке... Мишель! Тебе говорят! Вставай!

Платонов. А?

Софья Егоровна. Проснитесь!

Платонов. После... Хорошо...

Софья Егоровна. Будет тебе! Изволь подняться!

Платонов. Кто это? (Поднимается.) Это ты, Софья?

Софья Егоровна (подносит к его глазам часы.) Взгляните!

Платонов. Хорошо... (Ложится.)

Софья Егоровна. Платонов!

Платонов. Ну, чего тебе? (Поднимается.) ну?

Софья Егоровна. Взгляните на часы!

Платонов. Что такое? Опять ты, Софья, с причудами!

Софья Егоровна. Да, я опять с причудами, Михаил Васильич! Извольте взглянуть на часы! Который теперь час?

Платонов. Половина восьмого.

Софья Егоровна. Половина восьмого... А условие забыли?

Платонов. Какое условие? Выражайся ясней, Софья! Я не расположен сегодня ни шутить, ни решать ерундистые загадки!

Софья Егоровна. Какое условие? А ты забыл? Что с тобой? У тебя глаза красные, ты весь измят... Ты болен?

Пауза.

Условие: быть сегодня обоим в шесть часов в избе... Забыл? Шесть часов прошло...

Платонов. Дальше что?

Софья Егоровна (садится рядом). И тебе не стыдно? Отчего ты не приходил? Ты дал честное слово...

Платонов. Я и сдержал бы это слово, если бы не уснул... Ведь ты видишь, что я спал? Что же пристаешь?

Софья Егоровна (качает головой). Какой же ты недобросовестный человек! Что злобно смотришь? Недобросовестный по отношению ко мне, по крайней мере... Подумай-ка... Являлся ли ты хоть раз вовремя на наши свидания? Сколько раз не сдерживал ты данного мне честного слова!

Платонов. Очень рад это слышать!

Софья Егоровна. Неумно, Платонов, стыдно! Зачем ты перестаешь быть благородным, умным, самим собой, когда я с тобой? Для чего эти плебейские выходки, не достойные человека, которому я обязана спасением своей духовной жизни? При мне держишь ты себя каким-то уродом... Ни ласкового взгляда, ни нежного слова, ни одного слова любви! Прихожу к тебе – от тебя пахнет вином, одет ты безобразно, не причесан, отвечаешь дерзко и невпопад...

Платонов (вскакивает и шагает по сцене). Пришла!

Софья Егоровна. Ты пьян?

Платонов. Вам какое дело?

Софья Егоровна. Как это мило! (Плачет.)

Платонов. Женщины!!

Софья Егоровна. Не говори мне про женщин! Тысячу раз на день ты говоришь мне о них! Надоело! (встает.) Что ты делаешь со мной? Ты уморить меня хочешь? Я больна через тебя! У меня день и ночь грудь болит по твоей милости! Ты этого не видишь? Знать ты этого не хочешь? Ты ненавидишь меня! Если бы ты любил меня, то не смел бы так обращаться со мной! Я не какая-нибудь простая девчонка для тебя, неотесанная, грубая душа! Я не позволю какому-нибудь... (Садится.) Ради бога! (Плачет.)

Платонов. Довольно!

Софья Егоровна. За что ты убиваешь меня? Не прошло и трех недель после той ночи, а я уже стала походить на щепку! Где же обещанное тобой счастье? Чем кончатся эти твои выходки? Подумай, умный, благородный, честный человек! Подумай, Платонов, пока еще не поздно! Думай вот сейчас... Сядь вот на это стуло, выкинь всё из головы и подумай только об одном: что ты делаешь со мной?

Платонов. Я не умею думать.

Пауза.

А вот ты подумай! (Подходит к ней.) Ты подумай! Я лишил тебя семьи, благополучия, будущности... За что? К чему? Я ограбил тебя, как самый злейший враг твой! Что я могу тебе дать? Чем я могу заплатить тебе за твои жертвы? Этот незаконный узел твое несчастье, твое *minim*, твоя гибель! (Садится.)

Софья Егоровна. Я сошлась с ним, а он смеет называть эту связь незаконным узлом!

Платонов. Э-э... Не время теперь придираться к каждому слову! У тебя свой взгляд на эту связь, у меня свой... Я погубил тебя, вот и всё! Да и не тебя одну... Подожди, что еще запоет твой муж, когда узнает!

Софья Егоровна. Ты боишься, чтобы он не наделал тебе неприятностей?

Платонов. Этого я не боюсь... Я боюсь, чтобы мы его не убили...

Софья Егоровна. Зачем же ты, малодушный трус, шел тогда ко мне, если ты знал, что мы убьем его?

Платонов. Пожалуйста, не так... патетично! Меня не проймешь грудными нотами... А зачем ты... Впрочем... (машет рукой) говорить с тобой значит проливать твои слезы...

Софья Егоровна. Да, да... Никогда я не плакала, пока не сошлась с тобой! Бойся, дрожи! Он уже знает!

Платонов. Что?

Софья Егоровна. Он уже знает.

Платонов (поднимается). Он?!

Софья Егоровна. Он... Я сегодня утром объяснилась с ним...

Платонов. Шутки...

Софья Егоровна. Побледнел?! Тебя бы ненавидеть нужно, а не любить! Я с ума сошла... Я не знаю, за что... за что я люблю тебя? Он уж знает! (Треплет его за рукав.) Дрожи же, дрожи! Он всё знает! Клянусь тебе честью, что он всё знает! Дрожи!

Платонов. Быть не может! Не может быть этого!

Пауза.

Софья Егоровна. Он всё знает... Нужно же было когда-нибудь сделать это?

Платонов. Отчего же ты дрожишь? Как ты объяснилась с ним? Что ты ему сказала?

Софья Егоровна. Я объявила ему, что я уже... что не могу...

Платонов. Он же что?

Софья Егоровна. Был похож на тебя... Испугался! А как невыносимо твое лицо в настоящую минуту!

Платонов. Что он сказал?

Софья Егоровна. Он сперва думал, что я шучу, но когда убедился в противном, то побледнел, зашатался, заплакал, начал ползать на коленях... У него было такое же противное лицо, как у тебя теперь!

Платонов. Что ты наделала, мерзкая?! (Хватает себя за голову.) Ты убила его! И ты можешь, и ты смеешь говорить это так хладнокровно? Ты убила его! Ты... назвала меня?

Софья Егоровна. Да... Как же иначе?

Платонов. Он же что?

Софья Егоровна (вскакивает). Постыдись же, наконец, Платонов! Ты не знаешь, что ты говоришь! По-твоему, значит, не нужно было говорить?

Платонов. Не нужно! (Ложится на диван лицом вниз.)

Софья Егоровна. Честный человек, что ты говоришь?

Платонов. Честнее было бы не говорить, чем убивать! Мы убили его! Он заплакал, ползал на коленях... Ах! (Вскакивает.) Несчастный человек! Если бы не ты, он до самой смерти не узнал бы о нашей связи!

Софья Егоровна. Я обязана была объяснить с ним! Я честная женщина!

Платонов. Знаешь, что ты наделала этим объяснением? Ты рассталась с мужем навсегда!

Софья Егоровна. Да, навсегда... Как же иначе? Платонов, ты начинаешь говорить как... подлец!

Платонов. Навсегда... Что же будет с тобой, когда мы разойдемся? А мы скоро разойдемся! Ты первая перестанешь заблуждаться! Ты первая откроешь глаза и оставишь меня! (Машет рукой.) Впрочем... делай, Софья, что хочешь! Ты честней и умней меня, возьми же всю эту некстати заваренную кашу в свое распоряжение! Делай и говори ты! Воскрешай меня, если можешь, поднимай меня на ноги! Скорее только, ради бога, а то я сойду с ума!

Софья Егоровна. Мы завтра уезжаем отсюда.

Платонов. Да, да, едем... Скорей только!

Софья Егоровна. Надо увезти тебя отсюда... Я написала о тебе матери. Мы к ней поедem...

Платонов. К кому хочешь!.. Делай, что знаешь!

Софья Егоровна. Мишель! Ведь новая же жизнь... Пойми ты это!.. Слушайся, Мишель, меня! Пусть всё будет по-моему! У меня свежей голова, чем у тебя! Верь мне, мой дорогой! Я подниму тебя на ноги! Я повезу тебя туда, где больше света, где нет этой грязи, этой пыли, лени, этой грязной сорочки... Я сделаю из тебя человека... Счастье я тебе дам! Пойми же...

Пауза.

Я сделаю из тебя работника! Мы будем людьми, Мишель! Мы будем есть свой хлеб, мы будем проливать пот, натирать мозоли... (Кладет голову ему на грудь.) Я буду работать...

Платонов. Где ты будешь работать? Не такие есть женщины, как ты, посильнее, да и те валятся, как снопы, от безделья! Не умеешь ты работать, да и что ты будешь работать? Наше положение, Соня, таково теперь, что полезнее было бы рассуждать здраво, а не утешать себя иллюзиями... Впрочем, как знаешь!

Софья Егоровна. Увидишь! Есть женщины не такие, как я, но я сильнее их... Веруй же, Мишель! Я освещу путь твой! Ты воскресил меня, и вся жизнь моя будет благодарностью... Едем завтра? Да? Я сейчас пойду в дорогу собираться... Собирайся и ты... В десять часов приходи в избу и приноси свои вещи... Придешь?

Платонов. Приду.

Софья Егоровна. Дай мне честное слово, что ты придешь!

Платонов. А-а-а... Сказал же!

Софья Егоровна. Дай честное слово!

Платонов. Честное слово... Божусь... Уедем!

Софья Егоровна (смеется). Верю, верю! Даже раньше приходи... Я раньше десяти часов буду готова... А ночью и покатым! Заживем, Мишель! Счастья своего ты не понимаешь, глупый человек! Ведь это наше счастье, наша жизнь!.. Завтра же ты будешь другим человеком, свежим, новым! Задышим новым воздухом, потечет в наших жилах новая кровь... (Хочет.) Прочь, ветхий человек! На тебе руку! Жми ее! (Подает руку.)

Платонов целует руку.

Софья Егоровна. Приходи же, мой тюлень! Я буду ждать... Не хандри... Прощай пока! я живо соберусь!.. (Целует его.)

Платонов. Прощай... В одиннадцать или в десять?

Софья Егоровна. В десять... Даже раньше приходи! Прощай! Оденься на дорогу поприличней... (Смеется.) Денешки у меня есть... Дорогой и поужинаем... Прощай! пойду

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
собираться... Будь же весел! В десять часов жду! (Убегает.)

Явление II
Платонов (один).

Платонов (после паузы). Не новая песня... Сто раз слышал...

Пауза.

Напишу ему и Саше по письму... Пусть поплачут, простят и забудут!.. Прощай, Войницева! Прощай всё! И Саша, и генеральша... (Открывает шкаф.) Завтра я уже новый человек... Страсть какой новый! Во что белье взять? У меня нет чемодана... (Наливает вино.) Прощай, школа! (Пьет.) Прощайте, мои ребяташки! Исчезает ваш плохой, но добрый Михаил Васильич! Это я пил сейчас? Для чего? Больше не стану пить... Это в последний раз... Сяду писать Саше... (Ложится на диван.) Софья искренно верит... Блажены верующие!.. Смейся, генеральша! А ведь генеральша смеяться будет! Хотать будет!.. Да! От нее, кажется, письмо было... Где оно? (Достает с окна письмо.) Сотое письмо, если не двухсотое после дикой ночи... (Читает.) «Вы, Платонов, не отвечающий на мои письма, неделикатный, жестокий, глупый невежда! Если и это письмо оставите без внимания, не явитесь, то, так и быть уж, сама явлюсь к вам, черт с вами! Жду целый день. Глупо, Платонов! Можно подумать, что вам стыдно той ночи. Забудем ее, если уж на то пошло! Сергей и Софья ведут себя прескверно – конец месяцу, вымазанному диким медом. А все потому, что нет красноречивого болванчика с ними. Вы болванчик. До свиданья!»

Пауза.

А почерк-то какой! Аккуратный, смелый... Запятые, точки, ять, е – всё на своем месте... Женщина, правильно пишущая, редкое явление...

Входит Марко.

Надо будет ей письмо написать, а то придет, пожалуй... (Увидев Марко.)

Явление...

Явление III
Платонов и Марко.

Платонов. Милости просим! Кого надобно? (Поднимается.)

Марко. К вашему благородию... (Вынимает из сумки повестку.) Повесточку к вашей милости...

Платонов. А... Очень приятно. Какую повесточку? Ты от кого?

Марко. От Ивана Андреича, мирового судьи-с...

Платонов. Гм... От мирового? На что я ему сдался? дай сюда! (Берет повестку.) Не понимаю... На крестины зовет, что ли? Плодовит как саранча, старый грешник! (Читает.) «В качестве обвиняемого по делу об оскорблении действием дочери статского советника Марьи Ефимовны Грековой». (Хохочет.) Ах, черт возьми! Bravo! Черт возьми! Bravo, клоповый эфир! Когда будет разбираться это дело? Послезавтра? Приду, приду... Скажи, старче, что приду... Умница, ей-богу, умница! Молодец девка! Вот давно бы так и следовало!

Марко. Извольте расписаться-с!

Платонов. Расписаться? Изволь... Ужасно ты, братец, на подстреленную утку похож!

Марко. Никак нет-с...

Платонов (садится за стол). На кого же ты похож?

Марко. На образ и подобие божие-с...

Платонов. Так... Николаевский?

Марко. Точно так... После Севастопольской кампании-с отставку получил... Сверх службы четыре года в госпитале пролежал... Унтер-офицер... Я по артиллерии-с...

Платонов. Так... Хороши были пушки?

Марко. Обнаковенные... Круглого диаметра...

Платонов. Карандашом можно?

Марко. Можно-с... Получил сию повестку такой-то. Имя, отчество и фамилия.

Платонов (встает). Получи. Пять раз расписался. Ну что твой мировой? Играет?

Марко. Так точно.

Платонов. От пяти часов вечера до пяти часов вечера?

Марко. Точно так.

Платонов. Цепи своей еще не проиграл?

Марко. Никак нет-с.

Платонов. Скажи ему... Впрочем, ничего не говори ему... Карточных долгов, разумеется, не платит... Играет, глупец, должается, а у самого детей целая куча... Ведь этакая она умница, ей-богу! Не ожидал, совсем не ожидал! Свидетелями же кто? Кому еще есть повестки?

Марко (перебирает повестки и читает). «Господину доктору Николаю Иванычу Трилецкому-с»...

Платонов. Трилецкому? (Хохочет.) Можно будет комедь удрать! А еще кому?

Марко (читает). «Господину Кириллу Порфирьичу Глагольеву-с, господину Альфонсу Иванычу Шрифтеру, его благородию господину отставному гвардии корнету Максиму Егорычу Алеутову-с, сыну действительного статского советника господину гимназисту Ивану Талье, господину кандидату Санкт-Петербургского неперситета»...

Платонов. Там так и написано «неперситета»?

Марко. Никак нет-с...

Платонов. Зачем же ты так читаешь?

Марко. По невежеству-с... (Читает.) «...уни... уни... неперситета Сергею Павлычу... Павловичу Войницеву, жене кандидата Санкт-Петербургского уни...неперситета Софье Егоровне госпоже Войницевой, господину студенту Харьковского неперситета Исаку Абрамычу Венгеровичу». Все-с!

Платонов. Гм... Это послезавтра, а завтра ехать нужно... Жалко. Вот был бы, воображаю, процесс... Гм... Экая досада! Доставил бы ей удовольствие... (Ходит по сцене.) Досада...

Марко. На чаек бы с вашего благородия...

Платонов. А?

Марко. На чаек бы... Шесть верст шел-с...

Платонов. На чаек? Не нужно... Впрочем, что я говорю? Хорошо, мой милый! На чаек я

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
тебе не дам, а я тебе лучше чайку дам... И мне выгоднее, да и для тебя трезвее...
(Вынимает из шкафа чайницу.) Подойди сюда... Чай хороший, крепкий... Хоть не
сорокаградусный, но крепкий... Во что же тебе дать?

Марко (подставляет карман). Сыпьте-с...

Платонов. Прямо в карман? А не провоняет?

Марко. Сыпьте-с, сыпьте-с... Не сомневайтесь...

Платонов (сыплет чай). Довольно?

Марко. Благодарим покорно...

Платонов. Какой же ты старый... Люблю я вас, старых солдатиков!.. Душа вы народ!..
Но и между вами встречаются иногда такие ужасные...

Марко. Всякие бывают-с... Один господь без греха... Счастливо оставаться!

Платонов. Постой... Сейчас... (Садится и пишет на повестке.) «Тогда целовал, потому
что... потому что был раздражен и не знал, чего хотел, теперь же поцеловал бы, как
святыню. Гадок был с вами, сознаю. Со всеми я гадок. На суде, к сожалению, не
увидимся. Завтра уезжаю навсегда. Будьте счастливы и будьте хоть вы справедливы
ко мне! Не прощайте!» (Марку.) Знаешь, где Грекова живет?

Марко. Знаю-с. Двадцать верст отсюда, если пройти року бродом-с.

Платонов. Ну да... В Жилкове... Отнеси ты ей это письмо, и ты получишь три целковых.
Барышне прямо отдашь... Ответа не нужно... Будет давать, не бери... Сегодня же
отнесешь... Сейчас... Отнесешь, а потом уж разнесешь повестки. (Ходит по сцене.)

Марко. Понимаю.

Платонов. Еще что? Да! Будешь говорить всем, что я у Грековой прощения просил и
что она меня не простила.

Марко. Понимаю. Счастливо оставаться!

Платонов. Прощай, друг! Будь здоров!

Марко уходит.

Явление IV
Платонов (один).

Платонов. С Грековой, значит, квиты... На всю губернию осрамит... Так и следует...
Первый раз в жизни меня наказывает женщина... (Ложится на диван.) Им пакостишь, а
они тебе на шею вешаются... Софья, например... (Закрывает платком лицо.) Был
свободен, как ветер, а теперь лежи вот здесь, мечтай... Любовь... Ато, атоас,
амат...[20] Связался... И ее погубил, и себя уважил... (Вздыхает.) Бедные Войницева! А
Саша? Бедная девочка! Как-то она заживет без меня? Зачахнет, умрет... Ушла,
почуяла правду, ушла с ребенком, не сказав ни одного слова... Ушла после той же
ночи... Проститься бы с ней...

Анна Петровна (в окно). Можно войти? Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Платонов. Анна Петровна! (Вскакивает.) Генеральша! Что ей сказать! Ну зачем ей
приходить сюда, спрашивается? (Поправляется.)

Анна Петровна (в окно). Можно войти? Я вхожу! Слышите?

Платонов. Пришла! Каким образом не впустить ее? (Причесывается.) как бы ее
спровадить? Выпью, пока еще не вошла... (Быстро отворяет шкаф.) И за каким чертом...
Не понимаю! (Быстро выпивает.) Хорошо, если она еще ничего не знает, ну а если
знает? Покраснею...

Явление V

Платонов и Анна Петровна.

Анна Петровна входит. Платонов медленно запирает шкаф.

Анна Петровна. Мое почтение! Наше вам!

Платонов. Не запирается...

Пауза.

Анна Петровна. Вы! Здравствуйте!

Платонов. Ах... Это вы, Анна Петровна? Pardon, я и не заметил... Не запирается да и только... Странно... (Роняет ключ и поднимает.)

Анна Петровна. Подходите же ко мне! Оставьте шкаф в покое! Оставьте!

Платонов (подходит к ней). Здравствуйте...

Анна Петровна. Что же это вы на меня не смотрите?

Платонов. Стыдно. (Целует руку.)

Анна Петровна. Чего стыдно?

Платонов. Всего...

Анна Петровна. Гм... Соблазнил кого-нибудь?

Платонов. Да, в этом роде...

Анна Петровна. Ай да Платонов! Кого же?

Платонов. Не скажу...

Анна Петровна. Сядем...

Садятся на диван.

Узнаем, молодой человек, узнаем... Чего же меня-то стыдиться? Ведь я вашу грешную душу давно уже знаю...

Платонов. Не спрашивайте, Анна Петровна! Не расположен я сегодня присутствовать на собственном допросе. Говорите, если хотите, но не спрашивайте!

Анна Петровна. Ладно. Письма получал?

Платонов. Да.

Анна Петровна. Отчего же не являлся?

Платонов. Не могу.

Анна Петровна. Отчего же не можете?

Платонов. Не могу.

Анна Петровна. Дуетесь?

Платонов. Нет. За что мне дуться? Не спрашивайте, ради бога!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Анна Петровна. Извольте мне отвечать, Михаил Васильич! Сядьте хорошенько! Отчего вы не являлись к нам в эти последние три недели?

Платонов. Болен был.

Анна Петровна. Лжете!

Платонов. Лгу. Не спрашивайте, Анна Петровна!

Анна Петровна. Как от вас вину несет! Платонов, что это всё значит? Что с вами? На что вы стали похожи? Глаза красные, лицо скверное... Вы грязны, в комнатах грязь... Посмотрите вокруг себя, что это за безобразие? Что с вами? Вы пьете?

Платонов. Ужасно пью!

Анна Петровна. Гм... Прошлогодняя история... В прошлом году соблазнил и до самой осени ходил мокрой курицей, так и теперь... Дон-Жуан и жалкий трус в одном теле. Не смей пить!

Платонов. Не буду...

Анна Петровна. Честное слово? Впрочем, для чего отягощать вас честным словом? (Встает.) Где ваше вино?

Платонов указывает на шкаф.

Стыдно, Миша, быть таким малодушным! Где ваш характер? (Отпирает шкаф.) А в шкафу-то какой беспорядок! Задаст же вам Александра Ивановна, когда воротится! Хотите, чтобы жена воротилась?

Платонов. Хочу только одного: не задавайте вопросов и не смотрите мне прямо в лицо!

Анна Петровна. В какой бутылке вино?

Платонов. Во всех.

Анна Петровна. Во всех пяти? Ах вы пьяница, пьяница! Да у вас в шкафу целое питейное заведение! Нужно, чтобы Александра Ивановна воротилась... Вы ей объясните как-нибудь... Я соперница не из ужасных... Подельчива... Не в моих планах разводить вас... (Отпивает из бутылки.) А вино вкусное... Идите-ка, выпьем немножко! Хотите? Выпьем да и больше пить не будем!

Платонов идет к шкафу.

Держите стакан! (Льет вино.) Дуйте! Больше не налью.

Платонов пьет.

А теперь и я выпью... (Наливает.) За здоровье плохих! (Пьет.) Плохой вы! Хорошее вино! У вас есть вкус... (Подает ему бутылки.) Держите-ка! Несите сюда! (Идут к окну.) Прощайтесь с вашим вкусным вином! (Смотрит в окно.) Выливать жалко... Еще разве выпить, а? Выпьем?

Платонов. Как хотите...

Анна Петровна (наливает). Пейте... Скорей!

Платонов (пьет). За ваше здоровье! Дай бог вам счастья!

Анна Петровна (наливает и пьет). Скучал за мной? Сядем... Поставьте бутылки пока...

Садятся.

Скучал?

Платонов. Каждую минуту.

Анна Петровна. Отчего же не являлся?

Платонов. Не спрашивайте! Ничего я вам не скажу не потому, что я не откровенен с вами, а потому, что жалею ваши уши! Я пропадаю, совсем пропадаю, моя дорогая! Угрызения совести, тоска, хандра... мука, одним словом! Вы пришли, и мне стало легче.

Анна Петровна. Вы похудели, подурнели... Не терплю я этих романических героев! Что вы строите из себя, Платонов? Разыгрываете героя какого романа? Хандра, тоска, борьба страстей, любовь с предисловиями... Фи! Держите себя по-человечески! Живите, глупый человек, как люди живут! Что вы за архангел такой, что вам не живется, не дышится и не сидится так, как обыкновенным смертным?

Платонов. Это говорить легко... Что же делать?

Анна Петровна. Человек живет, мужчина то есть, живет и не знает, что ему делать! Странно! Что ему делать?! Извольте, я отвечу вам на ваш вопрос, как умею, хотя он и не стоит ответа, как вопрос праздный!

Платонов. Ничего вы не ответите...

Анна Петровна. Во-первых, живите по-человечески, то есть, не пейте, не лежите, умывайтесь почаще и ходите ко мне, а во-вторых, будьте довольны тем, что имеете... Глупите, сэр! Мало вам вашего учительства? (Встает.) Пойдемте сейчас ко мне!

Платонов. Как? (Встает.) К вам идти? Нет, нет...

Анна Петровна. Идемте! Людей увидите, поговорите, послушаете, побранитесь...

Платонов. Нет, нет... И не приказывайте!

Анна Петровна. Почему же?

Платонов. Не могу, вот и всё!

Анна Петровна. Можете! Надевайте вашу шляпу! Идемте!

Платонов. Не могу, Анна Петровна! Ни за что! Шага из дома не сделаю!

Анна Петровна. Можете! (Надевает на него шляпу.) Глупишь, брат Платонов, шутишь! (Берет его под руку.) Ну? Раз, два!.. Идите, Платонов! Вперед!

Пауза.

Да ну же, Мишель! Идите!

Платонов. Не могу!

Анна Петровна. Упрямится, точно молодой бык! Начинайте шагать! Ну? раз, два... Мишель, голубчик, родненький, хорошенький...

Платонов (вырывается). Не пойду я, Анна Петровна!

Анна Петровна. Пойдем вокруг школы пройдемся!

Платонов. Зачем приставать? Ведь сказал же, что не пойду! Хочу сидеть дома, а потому и позвольте мне делать так, как я хочу!

Пауза.

Не пойду!

Анна Петровна. Гм... Вот что, Платонов... Я вам займу немного денег, а вы уважайте отсюда куда-нибудь на месяц, на два...

Платонов. Куда?

Анна Петровна. В Москву, в Петербург... Идет? Поезжайте, Мишель! Вам более чем необходимо проветриться! Прокатайтесь, людей посмотрите, в театры сходите, освежитесь, проветритесь... Я вам дам денег, писем... Хочешь и я с тобой поеду? Хочешь? Покатаемся, нагуляемся... Приедем сюда обратно обновленными, сияющими...

Платонов. Прелестная идея, но, к несчастью, неисполнимая... Завтра я еду отсюда, Анна Петровна, но не с вами!

Анна Петровна. Как хотите... Куда едете?

Платонов. Еду...

Пауза.

Навсегда уезжаю отсюда...

Анна Петровна. Пустяки... (Отпивает из бутылки.) Вздор!

Платонов. Не пустяки, моя дорогая! Еду! Навсегда!!

Анна Петровна. Для чего же, странный вы человек?

Платонов. Не спрашивайте! Ей-богу, навсегда! Уезжаю и... Прощайте, вот что! Не спрашивайте! Ничего вы не узнаете от меня теперь...

Анна Петровна. Вздор!

Платонов. Сегодня только и видимся... Навсегда скроюсь... (Берет ее за рукав и потом за плечо.) Забудьте дурака, осла, подлеца и мерзавца Платонова! Он провалится сквозь землю, стучается... Встретимся, быть может, через десятки лет, когда оба будем в состоянии хохотать и старчески плакать над этими днями, а теперь... черт с ним! (Целует руку.)

Анна Петровна. На-ка выпей! (Наливает ему вина.) Пьяному не грешно молоть чепуху...

Платонов (выпивает). Не буду я пьян... Буду помнить, моя мать, моя хорошая фея!.. Никогда не забуду! Смейся, развитая, светлоголовая женщина! Завтра я бегу отсюда, бегу от самого себя, сам не знаю куда, бегу к новой жизни! Знаю я, что такое эта новая жизнь!

Анна Петровна. Всё это прекрасно, но что с вами поделалось?

Платонов. Что? Я... После всё узнаете! Друг мой, когда вы ужаснетесь моему поступку, не проклинайте меня! Помните, что я уже почти что наказан... Расстаться с вами навсегда больше чем наказание... Чего улыбаетесь? Верьте! Честное слово, верьте! Так горько на душе, так скверно и подло, что рад был бы задушить себя!

Анна Петровна (сквозь слезы). Не думаю, чтобы вы были способны на ужасное что-нибудь... Вы мне напишете по крайней мере?

Платонов. Не посмею я написать к вам, да и вы сами не захотите читать моих писем! Безусловно навсегда... прощайте!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Анна Петровна. Гм... Пропадете вы без меня, Платонов! (Трет себе лоб.) Я чуточку опьянела... Поедем вместе!

Платонов. Нет... Завтра всё узнаете и... (Отворачивается к окну.)

Анна Петровна. Вам нужны деньги?

Платонов. Нет...

Анна Петровна. А... помочь не могу?

Платонов. Не знаю. Пришлите сегодня мне вашу карточку... (Оборачивается.) Уходите, Анна Петровна, или я черт знает чего наделаю! Я разрыдаюсь, отколочу себя и... Уходите! Нельзя мне оставаться! Вам говорят русским языком! Чего же вы ждете? Я должен ехать, поймите вы это! Зачем же так смотреть? Для чего делать такое лицо?

Анна Петровна. Прощайте... (Подает руку.) Мы еще увидимся...

Платонов. Нет... (Целует руку.) Не нужно... Уходите, моя родная... (Целует руку.) Прощайте... Оставьте... (Закрывает себе лицо ее рукой.)

Анна Петровна. Раскис, сердечный, растаял... Ну? Пустите руку... Прощайте! Выпьем на прощании, что ли? (Плачет.) Пейте!.. Счастливого пути, а после пути счастья!

Платонов пьет.

Остался бы, Платонов! А? (Наливает и пьет.) Важно пожилы бы... Что за преступление такое? Возможно ли оно в Войницевке?

Пауза.

Налить еще с горя?

Платонов. Да.

Анна Петровна (наливает). Пей, душа моя... Эх, черт возьми!

Платонов (пьет). Будьте счастливы! Живите тут себе... И без меня можно...

Анна Петровна. Пить так пить... (Наливает.) И пить умирать, и не пить умирать, так лучше же пить умирать... (Пьет.) Пьяница я, Платонов... А? Налить еще? Не нужно, впрочем... Язык свяжет, а чем тогда говорить будем? (Садится.) Нет ничего хуже, как быть развитой женщиной... Развитая женщина и без дела... Ну что я значу, для чего живу?

Пауза.

Поневоле безнравственная... Я безнравственная женщина, Платонов... (Хохочет.) А? И тебя люблю, может быть, потому, что безнравственная... (Трет себе лоб.) Я и пропаду... Такие всегда пропадают... Меня бы куда-нибудь профессором, директором... Будь я дипломатом, я бы весь свет перебаламутила... Развитая женщина и... без дела. Не нужна, значит... Лошади, коровы и собаки нужны, а ты не нужна, лишняя... А? Что же ты молчишь?

Платонов. Обоим нам плохо...

Анна Петровна. Хоть бы дети были... Ты любишь детей? (Встает.) Остаешься, голубчик! Остаешься? Хорошо пожилы бы!.. Весело, дружно... Ты уедешь, а я же как? Ведь мне же отдохнуть хочется... Мишель! Мне отдохнуть надо! Я хочу быть... женой, матерью...

Пауза.

Не молчи! Говори! Останешься? Ведь... ведь любишь, чудак? Любишь?

Платонов (смотрит в окно). Убью себя, если останусь.

Анна Петровна. Ведь любишь?

Платонов. Кто вас не любит?

Анна Петровна. Ты меня любишь, я тебя тоже, что же тебе еще нужно? С ума ты сходишь, должно быть... Что тебе еще нужно? Отчего тогда ночью не приходил?

Пауза.

Остаешься?

Платонов. Уходите ради бога! Вы мучаете меня!

Анна Петровна (подает руку). Ну... в таком случае... Желаю всего лучшего...

Платонов. Уйдите же, или я всё расскажу, а если расскажу, то убью себя!

Анна Петровна. Я руку подаю... Не видите? Я вечером забегу на минуту...

Платонов. Не нужно! Сам приду проститься! Сам к вам приду... Ни за что не приду! Не увидишь ты меня больше, и я тебя не увижу! Сама не захочешь увидеть! Отвернешься навсегда! Новая жизнь... (Обнимает ее и целует.) В последний раз... (Выталкивает ее в дверь.) Прощай! Ступай и будь счастлива! (Запирает дверь на задвижку.)

Анна Петровна (за дверью). Клянусь богом, что увидимся!

Платонов. Нет! Прощай! (Затыкает пальцами уши.) Ничего не слышу! Молчи и уходи! Я заткнул уши!

Анна Петровна. Ухожу! Я пришлю к тебе Сергея и даю слово, что ты не уедешь, а если уедешь, то со мной! Прощай!

Пауза.

Явление VI
Платонов (один).

Платонов. Ушла? (Идет к двери и слушает.) Ушла... А может быть и не ушла? (Отворяет дверь.) Она ведь бес... (Смотрит за дверь.) Ушла... (Ложится на диван.) Прощай, милая женщина!.. (Вздыхает.) И не увижу больше никогда... Ушла... Могла бы еще побыть минут пять...

Пауза.

Это было бы недурно! Попрошу-ка Софью отложить отъезд недели на две, а сам с генеральшей поеду! Право... Две недели – только! Софья согласится... Может пока у матери пожить... Попрошу-ка... а?... Пока я буду ездить с генеральшей, Софья поотдохнет... сил наберется то есть... Ну да ведь не навеки же уеду!

Стук в двери.

Еду! Решено! Отлично...

Стук.

Кто стучит? Генеральша? Кто там?

Стук.

Это вы? (Встает.) Не впусти! (Идет к двери.) Она ли это?

Стук.

Хихикает, кажется... (Смеется.) Она... Надо впустить... (Отворяет дверь.) Ах!

Входит Осип.

Явление VII
Платонов и Осип.

Платонов. Что такое? Ты, черт? Зачем пожаловал?

Осип. Здравствуйте, Михаил Васильич!

Платонов. Что скажешь? Чему и кому обязан посещением такой важной персоны? Говори скорей и убирайся к черту!

Осип. Я сяду... (Садится.)

Платонов. Сделайте такое одолжение!

Пауза.

Ты ли это, Осип? Что с тобой? На лице у тебя написаны все десять египетских казней! Что с тобой поделалось? Ты бледен, худ, тощ... Ты болен?

Осип. У вас тоже казни на лице написаны... Что с вами поделалось? Меня черт берет, ну а вы?

Платонов. Я? Я с чертом не знаком... Я сам себя беру... (Трогает Осипа за плечо.) Одни кости!

Осип. Жирок ваш где? Больны, Михаил Васильич? От хорошего поведения?

Платонов (садится рядом). Зачем пришел?

Осип. Проститься...

Платонов. Разве уезжаешь?

Осип. Не я уезжаю, а вы уезжаете.

Платонов. Вот как! А ты почему знаешь?

Осип. Как не знать!

Платонов. Не уезжаю, брат, я. Напрасно ты пришел.

Осип. Уезжаете-с...

Платонов. И всё ты знаешь, и до всего тебе дело... Ты, Осип, колдун. Еду,

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
любезный. Ты прав.

Осип. Вот видите ли, значит, знаю. Знаю даже, куда и поедете!

Платонов. Да? Экий ты какой... А я не знаю. Мудрец, совсем мудрец! Ну-ка скажи, куда?

Осип. А вам хочется знать?

Платонов. Помилуй! Интересно! Куда же?

Осип. На тот свет.

Платонов. Далеко!

Пауза.

Загадка. Не ты ли отправителем будешь?

Осип. Так точно. Подорожную вам принес.

Платонов. Очень приятно!.. Гм... Убить, значит, пришел?

Осип. Так точно...

Платонов (дразнит). Так точно... Какое нахальство, черт побери! Он пришел отправить меня на тот свет... Гм... Убивать меня станешь от себя или же по чьему-нибудь поручению?

Осип (показывает четвертную). Вот... Венгерович дал, чтобы я вашу милость покалечил! (Рвет деньги.)

Платонов. Ага... Старый Венгерович?

Осип. Он самый...

Платонов. Для чего же это ты порвал деньги? Великодушие свое показать хочешь, что ли?

Осип. Не умею я великодушие показывать, а для того деньги эти порвал, чтобы вы не подумали на том свете, что я вас из-за денег убил.

Платонов встает и ходит по сцене.

Бойтесь, Михаил Васильич? Страшно? (Смеется.) Бежите, кричите! Около дверей не стою, дверей не держу: выход есть. Подите народ сзывайте, скажите, что Осип убить пришел! Я убить пришел... Не верите?

Пауза.

Платонов (подходит к Осипу и смотрит на него). Удивительно!

Пауза.

Что улыбаешься? Дурак! (Бьет его по руке.) Не улыбаться! С тобой говорят! Молчать! Я тебя повешу! Я из тебя мочалу сделаю, разбойник! (Быстро отходит от него.) Впрочем... Не сердь меня... Мне нельзя сердиться... Мне больно.

Осип. Ударьте меня по щеке за то, что я вредный человек!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Платонов. Сколько угодно! (Подходит к Осипу и дает ему пощечину.) Что? Шатаешься? Подожди, не так еще зашатаешься, когда сотни палок будут дробить твою пустую голову! Помнишь, как умер рябой Филька?

Осип. Собаке собачья и смерть.

Платонов. В-в-в... как ты отвратителен, тварь! Я исковеркать тебя готов, негодяй! За что ты вредишь им, подлая душа, как болезнь, как шальной огонь? Что они сделали тебе? В-в-в... Мерзавец!! (Бьет его по щеке.) Гадость! Я тебя... я тебя... (Быстро отходит от Осипа.) Ступай!

Осип. Плюньте мне в глаза за то, что я вредный человек!

Платонов. Слюны жалко!

Осип (поднимается). А вы смеете так говорить?

Платонов. Ступай отсюда, пока я тебя с грязью не смешал!

Осип. Не смеете! Вы тоже вредный человек!

Платонов. Ты еще разговаривать со мной станешь? (Подходит к нему.) Ты убить, кажется, пришел? На! Убивай! Вот он я! Убивай же!

Осип. Уважал я вас, господин Платонов, за важного человека почитал! Ну а теперь... Жалко убивать, да надо... Уж вредны очень... Зачем к вам сегодня молодая барыня приходила?

Платонов (треплет его за грудь). Убивай! Убивай же!

Осип. А генеральша зачем после нее приходила? Вы генеральшу обманываете, значит? А жена ваша где? Какая из них троих самая настоящая? а? И вы не вредный человек после этого? (Быстро валит его через ногу и падает вместе с ним на пол.)

Платонов. Прочь пошел! я убью, а ты не убьешь! я сильнее тебя!

Борются.

Тише!

Осип. Вы на живот повернитесь! Руки-то не крутите! Рука нисколько не виновата, за что ее крутить? Ну вот еще! На том свете будете, генералу Войницеву от меня поклон низайший!

Платонов. Пусти!

Осип (вынимает из-за пояса нож). Тише! Всё одно убью! А у вас сила! Важный человек! Не хочется помирать? Не трогай того, что не для тебя положено!

Платонов (кричит). Руку! Постой, постой... Руку!

Осип. Не хочется помирать? Сейчас вы в царстве небесном будете...

Платонов. В спину только не бей, железное животное, в грудь бей! Руку! Пусти, Осип! Жена, сын... Это нож блестит? О злоба проклятая!

Вбегает Саша.

Явление VIII
Те же и Саша.

Саша (вбегает). Что такое? (Вскрикивает.) Миша! (Бежит к борющимся и падает на них.) Что вы делаете?

Осип. Кто это? Александра Ивановна? (Вскакивает.) Живой останется! (Саше.) Натяните вам ножик! (Дает нож.) При вас не зарежу... Живой останется!! После зарежу! Не уйдет! (Выскакивает в окно.)

Платонов (после паузы). Экий черт... Здорово, Саша! Это ты, кажется? (Стонет.)

Саша. Он не повредил тебя? Можешь встать? Скорей!

Платонов. Не знаю... Эта тварь из чугуна вылита... Дай мне руку! (Поднимается.) Не пугайся, моя родная... Я целехонек. Он меня помял только...

Саша. Какой же он подлый человек! Говорила ведь я тебе, чтоб ты его не трогал!

Платонов. Где диван? Ну что смотришь? Жив твой изменник! Не видишь разве? (Ложится на диван.) Спасибо, что пришла, а то быть бы тебе вдовушкой, а мне покойником!

Саша. Ложись на подушку! (Кладет ему под голову подушку.) Вот так! (Садится ему на ноги.) Ничего не болит?

Пауза.

Зачем ты закрыл глаза?

Платонов. Нет, нет... Это я так... Пришла, Саша? Пришло, мое сокровище? (Целует руку.)

Саша. Коля наш заболел!

Платонов. Что с ним?

Саша. Кашель такой, жар, сыпь... Две ночи уж не спит и кричит... Не пьет, не ест... (Плачет.) Сильно он захворал, Миша! Боюсь я за него!.. Так боюсь! И сон снился нехороший...

Платонов. Что же твой братец смотрит? Ведь он лекарь!

Саша. Что он? Разве он может сочувствовать? Он четыре дня тому назад заехал на минутку, покрутился и уехал. Я ему рассказываю про Колину болезнь, а он щипается да зевает... Дурой назвал...

Платонов. Вот еще тоже балбес! Он и себя когда-нибудь прозевает! И от себя уедет, когда заболит!

Саша. Что делать?

Платонов. Уповать... Ты у отца теперь живешь?

Саша. Да.

Платонов. Он же что?

Саша. Ничего. Ходит себе по комнате, трубку курит да к тебе съездить собирается. Я приехала к нему встревоженная, ну а он и догадался, что я... что мы с тобой... Что с Колей делать?

Платонов. Не беспокойся, Саша!

Саша. Как же не беспокоиться? Умри он, чего не дай господи, что с нами тогда будет?

Платонов. Да... Не возьмет Бог у тебя нашего мальчишку! За что тебя наказывать? Разве за то, что за шалопая замуж вышла?

Пауза.

Береги, Саша, моего маленького человечка! Сбереги ты мне его, и клянусь я тебе всем святым, что я сделаю из него человека! Каждый его шаг будет твоею радостью! А ведь он, бедняга, тоже Платонов! Фамилию бы ему только переменить... Как человек я мал, ничтожен, но как отец я буду велик! Не бойся за его судьбу! Ох, рука! (Стонет.) Рука у меня болит... Сильно помял ее тот разбойник... Что с ней? (Рассматривает руку.) Красна... Ну черт с ней! Так-то, Саша... Счастлива будешь ты сыном! Смеешься... Смейся, мое золото! А теперь плачешь? Чего же ты плачешь? Гм... Не плачь, Саша! (Обнимает ее голову.) Пришла... А зачем уходила? Не плачь, суслик! Для чего слезы? Ведь люблю тебя, девочка! Сильно люблю! Велика моя вина, но что поделаешь? Простить надо... Ну, ну...

Саша. Интрига кончилась?

Платонов. Интрига? Что это за слово, мещаночка?

Саша. Не кончилась?

Платонов. Как тебе сказать? Интриги нет никакой, но есть какая-то чудовищная галиматья... Не смущайся сильно этой галиматией! Если не кончилась она, то скоро... кончится!

Саша. Когда же?

Платонов. Надо думать, что скоро! Скоро заживем, Саша, по-старому! Пропади оно, всё новое! Измучился весь, истаскался... Не верь ты в прочность этого узла, как я не верю! Не туго он затянут... Сама она первая охладает и первая взглянет со смехом и горечью на этот узел. Не пара мне Софья. В ней бродит то, что во мне давно уже перебродило; она со слезами умиления смотрит на то, что я не могу видеть без смеха... Не пара она мне...

Пауза.

Верь мне! Софья недолго будет твоей соперницей... Саша, что с тобой?

Саша встает и шатается.

(Поднимается.) Саша!

Саша. Ты... ты с Софьей, а не с генеральшей?

Платонов. Первый раз об этом слышишь?

Саша. С Софьей?... Подло... низко...

Платонов. Что с тобой? Ты бледна, шатаешься... (Стонет.) Не мучь хоть ты меня, Саша! Рука болит, а тут ты еще... Неужели это... это для тебя новость? В первый раз слышишь? Отчего же ты тогда узнала? Разве не от Софьи?

Саша. С генеральшей уж так и сяк, ну а с чужой женой?! Низко, грешно... Не ожидала я от тебя такой подлости! Бог тебя накажет, бессовестный человек! (Идет к двери.)

Платонов (после паузы). Возмущена? Но куда ты?

Саша (останавливается у двери). Дай бог счастья...

Платонов. Кому?

Саша. Вам и Софье Егоровне.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Платонов. Глупых романов начиталась, Саша! Я для тебя еще «ты»: у нас мальчишка есть, и я... все-таки же твой муж! А во-вторых, не нужно мне счастья!.. Останься, Саша! Ты вот уходишь... И, небось, навсегда?

Саша. Не могу! Ох, боже мой, боже мой...

Платонов. Не можешь?

Саша. Боже мой... И неужели это правда? (Берется руками за виски и приседает.) Я... я не знаю, что делать...

Платонов. Не можешь? (Подходит к ней.) Твоя воля... А то осталась бы! Зачем реветь, дурочка?

Пауза.

Эх, Саша, Саша... Велик мой грех, но неужели уж и простить нельзя?

Саша. А сам ты себя простил?

Платонов. Философский вопрос! (Целует ее в голову.) Осталась бы... Каюсь ведь! Ведь без тебя водка, грязь, Осипы... Замучился! Сиделкой, а не женой останься! Станный народ вы, женщины! Станна ты, Саша! Если ты кормишь негодяя Осипа, не даешь покоя своим милосердием собакам и кошкам, читаешь до полночи акафисты за каких-то врагов своих, то что стоит тебе бросить ломоть своему провинившемуся, кающемуся мужу? Зачем и ты являешься палачом? Останься, Саша! (Обнимает ее.) Не могу без няньки! Я негодяй, я у друга жену отнял, я любовник Софьи, быть может даже любовник и генеральши, я многоженец, большой мошенник с точки зрения семьи... Возмущайся, негодуй! Но кто тебя так любить будет, как я люблю? Кто оценит тебя так дорого, бабенка, как я оценил? Кому ты обед варить будешь, чай суп пересаливать? Права будешь, коли уйдешь... Справедливость этого требует, но... (поднимает ее) кто тебя поднимать так будет? Возможна ли ты, золото, без меня?

Саша. Не могу! Пусти меня! Я пропала! Ты шутишь, а я пропадаю! (Вырывается.) Ведь знаешь, что это не шутка? Прощай! Не могу я жить с тобой! Теперь все тебя будут считать подлым человеком! Каково же мне?! (Рыдает.)

Платонов. Ступай с богом! (Целует ее в голову и ложится на диван.) Я понимаю...

Саша. Разбил нашу семью... Счастливо, покойно жили... Счастливей меня никого и не было на свете... (Садится.) Что ты наделал, Миша? (Встает.) Что ты наделал? Ведь не воротишь теперь... Прощая я... (Рыдает.)

Платонов. Иди с богом!

Саша. Прощай! Не увидишь меня больше! Не ездь к нам... Колю к тебе отец будет возить... Бог тебя простит, как я прощаю! Погубил ты нашу жизнь!

Платонов. Ты ушла?

Саша. Ушла... Хорошо... (Смотрит некоторое время на Платонова и уходит.)

Явление IX

Платонов (один) и потом Войницев.

Платонов. Вот для кого начинается новая жизнь! Больно!! Всего лишаясь... С ума схожу! Боже мой! Саша, комашка, клоп – и та осмеливается, и та... в силу какой-то святости имеет право бросать в меня камень! Проклятые обстоятельства! (Ложится на диван.)

Войницев входит и останавливается у двери.

(После паузы.) Это эпилог или еще только комедия? (Увидев Войничева, закрывает

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
глаза и слегка храпит.)

Войницев (подходит к Платонову). Платонов!

Пауза.

Ты не спишь... Я вижу это по твоему лицу... (Садится возле.) Не думаю, чтобы... можно было спать...

Платонов поднимается.

(Встает и смотрит в окно.) Ты меня убил... Ты это знаешь?

Пауза.

Благодарю... Мне что? Бог с тобой... Пусть. Значит, так тому и быть... (Плачет.)

Платонов встает и медленно идет в другой угол комнаты.

Раз получил от судьбы подарок и... тот отняли! Мало ему его ума, его красоты, его великой души... Ему понадобилось еще мое счастье! Отнял... А я? Что я? Я ничего... Так... Больной, недалекого ума, женоподобный, сентиментальный, обиженный богом... С наклонностью к безделью, мистицизму, суеверный... Добил друг!

Платонов. Уйди отсюда!

Войницев. Сейчас... Шел на дуэль вызвать, а пришел и разревелся... Я уйду.

Пауза.

Я окончательно потерял?

Платонов. Да.

Войницев (свистит). Так... Разумеется...

Платонов. Уйди отсюда! Я прошу! Уйди!

Войницев. Сейчас... Что мне здесь делать? (Идет к двери.) Нечего мне здесь делать...

Пауза.

Отдай мне ее назад, Платонов! Будь добр! Моя ведь она! Платонов! Ты и так счастлив! Спаси, голубчик! А? Отдай! (Рыдает.) Ведь она моя! Моя! Понимаешь?

Платонов (идет к дивану). Уходи... Я застрелюсь... Клянусь честью!

Войницев. Не надо... Бог с вами! (Машет рукой и уходит.)

Платонов (хватает себя за голову). О несчастный, жалкий! Боже мой! Проклятие моей богом оставленной голове! (Рыдает.) Прочь от людей, гадина! Несчастьем был я для людей, люди были для меня несчастьем! Прочь от людей! Бьют, бьют и никак не убьют! Под каждым стулом, под каждой щепкой сидит убийца, смотрит в глаза и

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
хочет убить! Бейте! (Бьет себя по груди.) Бейте, пока еще сам себя не убил!
(Бежит к двери.) Не бейте меня по груди! Растерзали мою грудь! (Кричит.) Саша!
Саша, ради бога! (Отворяет дверь.)

Входит Глагольев 1.

Явление X

Платонов, Глагольев 1 и потом Глагольев 2.

Глагольев 1 (входит окутанный, с костылем). Вы дома, Михаил Васильич? Очень рад... Я вам помешал... Но я не задержу вас, я сейчас же уйду... Задам вам один вопрос. Вы ответите, и я уйду. Что с вами, Михаил Васильич? Вы бледны, шатаетесь, дрожите... Что с вами?

Платонов. Что со мной? А? Я пьян, должно быть, или... схожу с ума! Я пьян... пьян... Голова кружится...

Глагольев 1 (в сторону). Спрошу! Что у трезвого на душе, то у пьяного на языке. (Ему.) Вопрос странен, может быть даже глуп, но, ради бога, ответьте мне, Михаил Васильич! Вопрос мой для меня жизненный вопрос! Ответу вашему я поверю, потому что я знаю вас, как честнейшего человека... Пусть мой вопрос покажется нам странным, нелепым, глупым и даже, быть может, оскорбительным, но, ради бога... ответ! Я нахожусь в страшном положении! Наша общая знакомая... Вы ее хорошо знаете... Я считал ее совершенством в человеческом смысле... Анна Петровна Войницева... (Поддерживает Платонова.) Не упадите, ради бога!

Платонов. Уйдите! Я всегда считал тебя... вас глупым стариком!

Глагольев 1. Вы друг ее, вы знаете ее, как свои пять пальцев... Ее мне или оклеветали, или... открыли мне глаза... Она честная женщина, Михаил Васильич? Она... она... Имеет ли она право быть женою честного человека?

Пауза.

Не знаю, как формулировать свой вопрос... Поймите меня, ради бога! Мне сказали, что она...

Платонов. Всё подло, низко, грязно на этом свете! Всё... подло... низко... (Падает без чувств на Глагольева и валится на землю.)

Глагольев 2 (входит). Что же ты застрял здесь? Я не намерен ждать!

Глагольев 1. Всё подло, грязно, низко... Всё, в том числе, значит, и она...

Глагольев 2 (смотрит на Платонова). Отец, что это с Платоновым?

Глагольев 1. Отвратительно пьян... Да, подло, грязно... Глубокая, беспощадная, колючая правда!

Пауза.

Едем в Париж!

Глагольев 2. Что?! В Па... в Париж? Зачем тебе в Париж? (Хохочет.)

Глагольев 1. Валяться так, как этот валяется! (Указывает на Платонова.)

Глагольев 2. Валяться... в Париже?!

Глагольев 1. Едем искать счастья на другом поприще! Довольно! Полно играть комедию для самого себя, морочить себя идеалами! Нет больше ни веры, ни любви! Нет людей! Едем!

Глагольев 2. В Париж?

Глагольев 1. Да... Если грешить, то грешить на чужой, а не на родной земле! Пока еще не сгнили, заживем по-людски! Будь учителем, сын! Едем в Париж!

Глагольев 2. Вот это мило, отец! Ты научил меня читать, а я научу тебя жить! Едем!

Уходят.

<Конец третьего действия>

Действие четвертое

Кабинет покойного генерала Войницева. Две двери. Старинная мебель, персидские ковры, цветы. Стены увешаны ружьями, пистолетами, кинжалами (кавказской работы) и т. п. Семейные портреты. Бюсты Крылова, Пушкина и Гоголя. Этажерка с чучелами птиц. Шкаф с книгами. На шкафу мундштуки, коробки, палки, ружейные стволы и т. п. Письменный стол, заваленный бумагами, портретами, статуэтками и оружием. Утро.

Явление I

Софья Егоровна и Катя входят.

Софья Егоровна. Вы не волнуйтесь! Говорите толком!

Катя. Что-то нехорошее делается, барыня! Двери и окна все настежь, в комнатах переверочено, перебито... Дверь сорвана с крючьев... Что-то нехорошее случилось, барыня! Недаром у нас курица петухом пела!

Софья Егоровна. Что же вы думаете?

Катя. Ничего не думаю, барыня. Что я могу думать? Знаю только, что случилось что-то... Или Михаил Васильич уехали совсем, или же руку на себя наложили... У них, барыня, горячий характер! Я их уж два года знаю...

Софья Егоровна. Нет... На деревне вы были?

Катя. Была-с... Нету нигде... Часа четыре ходила...

Софья Егоровна (садится). Что делать? Что же делать?

Пауза.

Вы уверены в том, что его здесь нигде нет? Уверены?

Катя. Не знаю, барыня... Нехорошее что-то случилось... Недаром у меня сердце ноет! Бросьте, барыня! Грех ведь! (Плачет.) Барина Сергея Павловича жалко... Красавец был такой, а на что похож стал? Измаялся за два дня, сердечный, и как шальной ходит. Перевелся хороший господин... Михаила Васильича жалко... Бывало, самый веселый человек был, проходу, бывало, от его веселости не было, а теперь он на смерть похож стал... Бросьте, барыня!

Софья Егоровна. Что бросить?

Катя. Любовь. Что с нее толку? Одна только срамота. И вас жалко. На что вы похожи стали? Похудали, не пьете, не кушаете, не спите, а одно только и делаете, что кашляете...

Софья Егоровна. Ступайте, Катя, опять! Может быть, он уже в школе.

Катя. Сейчас...

Пауза.

Вы бы спать легли.

Софья Егоровна. Ступайте, Катя, опять! Вы ушли?

Катя (в сторону). Не мужицкого ты звания! (Резко, плаксиво.) Куда же мне идти, барыня?

Софья Егоровна. Мне спать хочется. Я всю ночь не спала. Не кричи так громко! Уйди отсюда!

Катя. Слушаю... Напрасно вы себя так изводи-то!.. Шли бы к себе в комнату да легли бы на постель! (Уходит.)

Явление II

Софья Егоровна и потом Войницев.

Софья Егоровна. Ужасно! Дал вчера честное слово явиться в избу к десяти часам и не явился... Ждала его до рассвета... И это честное слово! Это любовь, это наш отъезд!.. Он не любит меня!

Войницев (входит). Спать лягу... Может быть, усну как-нибудь... (Увидев Софью Егоровну.) Вы... у меня? В моем кабинете?

Софья Егоровна. Я здесь? (Смотрит кругом.) Да... Но я зашла сюда нечаянно, сама того не замечая... (Идет к двери.)

Войницев. На минуту!

Софья Егоровна (останавливается). Ну?

Войницев. Дайте мне, пожалуйста, минуты две-три... Можете вы здесь побыть две-три минуты?

Софья Егоровна. Говорите! Вы сказать что-нибудь хотите?

Войницев. Да...

Пауза.

Прошло то время, когда мы в этой комнате не были чужими друг для друга...

Софья Егоровна. Прошло.

Войницев. Извините впрочем, я заговариваться стал. Вы уезжаете?

Софья Егоровна. Да.

Войницев. Гм... Скоро?

Софья Егоровна. Сегодня.

Войницев. С ним?

Софья Егоровна. Да.

Войницев. Желаю вам счастья!

Пауза.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Хороший материал для счастья! Разыгравшаяся плоть и несчастье другого... Несчастье другого всегда бывает чьим-нибудь счастьем! Впрочем, это старо... Новая ложь охотнее слушается, чем старая истина... Бог с вами! Живите, как знаете!

Софья Егоровна. Вы хотели что-то сказать.

Войницев. А разве я молчу? Ну да... Вот что я хотел сказать... Я хочу, чтобы я пред вами был совершенно чист, не был бы вам должен, а потому прошу вас извинить за мое вчерашнее поведение... Я вчера вечером наговорил вам дерзостей, был груб, зол... Извините, пожалуйста... Извиняете?

Софья Егоровна. Извиняю. (Хочет уйти.)

Войницев. Пойдите же, пойдите, еще не всё! Я скажу еще что-нибудь. (Вздыхает.) Я сумасшедший, Софи! Не в силах перенести этот страшный удар... Я сумасшедший, но еще пока всё понимаю... В моей голове среди необъятного тумана, в массе чего-то такого серого, свинцового, тяжелого торчит светлый кусочек, которым я всё понимаю... Оставит меня и этот кусочек, ну тогда, значит... совсем пропал. Я всё понимаю...

Пауза.

Это стою я в своем кабинете; в этом кабинете жил когда-то мой отец, свиты его величества генерал-майор Войницев, георгиевский кавалер, человек великий, славный! На нем видели одни только пятна... Видели, как он бил и топтал, а как его били и топтали, никто не хотел видеть... (Указывает на Софью Егоровну.) Это моя экс-жена...

Софья Егоровна хочет уйти.

Войницев. Пойдите! Дайте договорить! Глупо говорю, но выслушайте! В последний раз ведь!

Софья Егоровна. Всё вы уже сказали... Что вы еще можете сказать? Расстаться нужно... Что же еще тут говорить? Вам хочется доказать, что я виновата перед вами? Не трудитесь! Я знаю, что мне думать о себе самой...

Войницев. Что я могу сказать? Ох, Софья, Софья! Ничего ты не знаешь! Ничего, иначе ты не смотрела бы так надменно! Что выделяется в душе моей, так это ужас! (Становится перед ней на колени.) Что ты делаешь, Софи? Куда ты пхаеть себя и меня? Ради бога, пожалей! Умираю и схожу с ума! Останься со мной! Всё забуду, всё простил уже... Буду твоим рабом, любить тебя буду... буду, как доселе не любил! Я дам тебе счастье! Ты будешь счастлива у меня, как богиня! Не даст он тебе счастья! И себя погубишь, и его погубишь! Погубишь Платонова, Софья!.. Знаю, что насильно мил не будешь, но останься! Опять ты будешь весела, не будешь так мертвецки бледна, так несчастлива! Опять я буду человеком, опять будет ходить к нам... Платонов! Утопия, но... останься! Воротим прошлое, пока еще не поздно! Платонов согласится... Я знаю его... Он не любит тебя, а так... ты отдалась ему, а он и взял... (Встает.) Ты плачешь?

Софья Егоровна (встает). Не принимайте этих слез на свой счет! Может быть, Платонов согласится... Пусть соглашается! (Резко.) Вы все подлые люди! Где Платонов?

Войницев. Не знаю я, где он.

Софья Егоровна. Не приставайте ко мне! Отстаньте! Я вас ненавижу! Убирайтесь прочь! Где Платонов? Подлые люди... Где он? Ненавижу я вас!

Войницев. За что?

Софья Егоровна. Где он?

Войницев. Я дал ему денег, и он обещал мне уехать. Если он исполнил свое обещание, то, значит, уехал.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Софья Егоровна. Вы его подкупили? Что вы лжете?

Войницев. Я дал ему тысячу рублей, и он отказался от вас. Впрочем, лгу! Всё это я лгу! Не верьте вы мне, ради бога! Жив и здоров этот проклятый Платонов! Подите берите его, целуйтесь с ним!.. Не подкупал я его! И неужели вы... он будет счастлив? И это моя жена, моя Софья... Что же всё это значит? И до сих пор даже не верю! Вы с ним платонически? Не дошло еще до... крупного?

Софья Егоровна. Я его жена, любовница, что хотите! (Хочет уйти.) Для чего задерживать? У меня нет времени выслушивать разные...

Войницев. Постой, Софья! Ты его любовница? С какой же это стати? Ты так смело говоришь! (Хватает ее за руку.) И ты могла? Ты могла?

Входит Анна Петровна.

Софья Егоровна. Отстаньте! (Уходит.)

Явление III

Войницев и Анна Петровна.

Анна Петровна входит и смотрит в окно.

Войницев (машет рукой). Шабаш!

Пауза.

Что там?

Анна Петровна. Осипа мужики убили.

Войницев. Уже?

Анна Петровна. Да... Около колодезя... Видишь? Вон он!

Войницев (смотрит в окно). Что ж? Так ему и надо.

Пауза.

Анна Петровна. Слыхал, сынок, новости? Платонов, говорят, куда-то исчез и... Читал письмо?

Войницев. Читал.

Анна Петровна. Тю-тю именье! Как тебе это нравится? Сплыло... Бог дал, бог и взял... Вот тебе и хваленый коммерческий фокус! А всё потому, что Глагольеву поверили... Обещался купить имение, а на торгах не был... Прислуга говорит, что в Париж уехал... Сострил, каналья, на старости лет! Не будь его, платили бы мы с тобой потихонечку проценты да жили бы... (Вздыхает.) Не следует на этом свете доверять врагам, а заодно уж с ними и друзьям!

Войницев. Да, не следует верить друзьям!

Анна Петровна. Ну, феодал? Что теперь делать будешь? Куда пойдешь? Бог предкам дал, а у тебя взял... Ничего у тебя не осталось...

Войницев. Мне всё одно.

Анна Петровна. Нет, не всё одно. Кушать что будешь? Давай сядем... (Садятся.) как ты мрачен... Что ж делать? Жалко расставаться с гнездышком, но что же поделаешь,

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
голубчик мой? Не воротишь... Так тому и быть, значит... Будь умницей, Сержель!
Первое дело – хладнокровие.

Войницев. Не обращайтесь на меня внимания, татап! Что уж обо мне-то говорить? Вы сами едва сидите... Утешьте сперва себя самое, а потом придите и меня утешать.

Анна Петровна. Ну... Не о бабах речь... Баб Баб всегда на задний план... Первое дело – хладнокровие! Ты потерял то, что у тебя было, а важно не то, что было, а то, что впереди. У тебя целая жизнь впереди, хорошая, трудовая, мужская жизнь! Чего же тебе горевать? Поступишь в прогимназию или гимназию, начнешь работать... Ты у меня молодец. Филолог, благонамеренный такой, ни в какие дела нехорошие не суешься, убеждения имеешь, тихоня, женат... Коли захочешь, ты далеко пойдешь! Умница ты у меня мальчик! Не надо только с женою ссориться... Не успели пожениться, как уже и ссоритесь... Отчего ты мне не скажешь, Сержель? Болеешь душой, а молчишь... Что происходит между вами?

Войницев. Не происходит, а уже произошло.

Анна Петровна. Что же? Или, может быть, секрет?

Войницев (вздыхает). Страшное несчастье стряслось над нашим домом, мама Анюта! Отчего я вам не сказал до сих пор? Не знаю. Все надеялся, да и стыдно говорить... Сам только вчера утром узнал... А на имение мне наплевать!

Анна Петровна (смеется). Как ты меня пугаешь! Рассердилась, что ли?

Войницев. Смейтесь! Подождите, не так еще засмеетесь!

Пауза.

Она изменила мне... Честь имею рекомендоваться: рогатый муж!

Анна Петровна. Что за глупости, Сергей?! Что за глупые фантазии! Говорить о таких чудовищных вещах и говорить не думая! Удивительный ты человек! Иногда такое сморозишь, что просто уши вянут! Рогатый муж... Не знаешь ты, значит, что это значит...

Войницев. Знаю, татап! Не теоретически, но уже практически знаю!

Анна Петровна. Жены своей не оскорбляй, чудак! Ах...

Войницев. Клянусь вам богом!

Пауза.

Анна Петровна. Странно... О невозможных вещах говоришь ты. Ты клеветешь!
Невозможно! Здесь, в Войницевке?

Войницев. Да, здесь, в вашей проклятой Войницевке!

Анна Петровна. Гм... Да кому здесь, в нашей проклятой Войницевке, может залезть в голову невозможная мысль поставить на твою аристократическую голову рога? Совершенно некому! Младшему Глагольеву разве? Наверяд, Глагольев перестал к нам ездить... Твоя Софи никому здесь не под стать. Глупо ревнуешь, милый!

Войницев. Платонов!

Анна Петровна. Что Платонов?

Войницев. Он.

Анна Петровна (вскакивает). Можно говорить глупости, но такие глупости, как ты сейчас сказал, послушай... Сморозил!! Меру знать нужно! Непростительно глупо!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Войнищев. Спросите ее, подите спросите его самого, если не верите! Сам не хотел и не хочу верить, а она уезжает сегодня, оставляет меня! Нужно верить! И он с ней едет! Да неужели же, наконец, вы не видите, что я хожу и смотрю на свет белый, как дохлая кошка! Я пропадаю!

Анна Петровна. Не может быть этого, Сергей! Это плод твоей мальчишеской фантазии! Верь мне! Ничего этого нет!

Войнищев. Верьте мне, что она уезжает сегодня! Верьте, что она не перестает в эти последние два дня твердить мне, что она его любовница! Она сама! Произошло такое, чему невозможно поверить, но приходится помимо желания и сверх всяких сил верить!

Анна Петровна. Помню, помню... Теперь все понимаю... Дай стуло, Сергей! Нет, не нужно... Так вот оно что! Гм... Пстой, пстой, дай припомнить, как следует...

Пауза.

Входит Бугров.

Явление IV

Анна Петровна, Войнищев и Бугров.

Бугров (входит). Здравствуйте-с! С воскресным днем-с! Живы, здоровы-с!

Анна Петровна. Да-да-да... Это ужасно...

Бугров. Дождик идет, а жарко... (Утирает лоб.) Ффф... Сваришься, покедова дойдешь или доедешь... Здоровы-с?

Пауза.

Я собственно по тому случаю заехал к вам-с, что вчерась были торги, как вам известно... А к тому как это, знаете, немножко (смеется) для вас, разумеется, чувствительно и обидно, то я... то вы на меня не обижайтесь, сделайте милость! Не я купил именье! Купил его Абрам Абрамыч, а на мое имя только...

Войнищев (сильно звонит). Черт бы их побрал...

Бугров. Так-то-с... Вы не подумайте-с... Не я-с... Следовательно, на мое только имя, стало быть! (Садится.)

Яков входит.

Войнищев (Якову). Сколько раз я просил вас, подлецов, мерзавцев (кашляет), негодяев, не впускать никого без доклада! Перепороть вас всех, скотов! (Бросает звонок под ствол.) Вон отсюда! Мерзавцы... (Ходит по сцене.)

Яков пожимает плечами и уходит.

Бугров (кашляет). На мое имя, только-с... Абрам Абрамыч приказал передать, что жить можете тут сколько вашей душе угодно, хоть до Рождества... Переделочки тут кое-какие будут, ну да они вам не помешают-с... А ежели что такое, и во флигель можете перебраться... Комнат много, да и тепло-с... Он приказал еще спросить-с, не желаете ли вы продать мне, то есть на мое имя, шахты? Шахты ваши-с, Анна Петровна... Вот не желаете ли в настоящее время продать их? Цену хорошую дадим...

Анна Петровна. Нет... Не продам никакому черту я шахт! Что вы мне за них дадите? Грош? Подавитесь этим грошом!

Бугров. Абрам Абрамыч велел еще передать, что в случае ежели если не угодно будет-с вам, Анна Петровна, продать ему свои шахты с вычетом долга Сергея Павлыча и покойника его превосходительства Павла Иваныча, то он протестует векселя... И я тоже протестую-с... Хи-хи-с... Дружба дружбой, знаете, а денежки врозь... Коммерция! Проклятое дело такое. Я, того... купил ваши векселя у Петрина...

Войницев. Никому я не позволю рассчитывать на имение моей мачехи! Ее имение – не мое!..

Бугров. Они, может быть, сжалятся...

Войницев. Некогда мне с вами разговаривать!.. Э-э... (Машет рукой.) Делайте, что хотите!

Анна Петровна. Оставьте нас, Тимофей Гордеич! Извините... Уйдите, пожалуйста!

Бугров. Слушаю-с... (Встает.) Так вы не извольте беспокоиться... Жить здесь можете хоть до Рождества. Я завтра или послезавтра заеду-с. Будьте здоровы-с! (Уходит.)

Анна Петровна. Завтра же выедем отсюда! Да, теперь помню... Платонов... Так вот оно то, от чего он бежит!..

Войницев. Пусть делают, что хотят! Пусть все берут! Нет у меня уж больше жены, ничего же мне и не нужно! Пот жены, тапан!

Анна Петровна. Да, нет у тебя больше жены... Но что он нашел в этой размазне Софье? Что он нашел в этой девчонке? Что он мог в ней найти? Как неразборчивы эти глупые мужчины! Они способны увлечься всякою дрянью... Ты же чего смотрел, муж? Где были твои глаза? Плакса! Ньюнил до тех пор, пока не утащили из-под его носа жены! И это мужчина! Мальчишка ты! Женят вас, мальчишек, дураков, только насмех, ослов этаких! Оба вы никуда не годитесь, ни ты, ни твой Платонов! Это из рук вон что такое!

Войницев. Ничто теперь не поможет, не помогут и упреки. Она уже не моя, а он не ваш. Что ж тут много рассказывать? Оставьте меня, тапан! Не выносите моей глупой физиономии!

Анна Петровна. Но что же делать? Что-нибудь да нужно же сделать! Надо спасти!

Войницев. Кого спасти? Спасать нужно одного только меня... Они пока счастливы. (Вздыхает.)

Анна Петровна. Поди ты с своей логикой! Их, а не тебя спасать нужно! Платонов не любит ее! Знаешь ты это? Он обольстил ее, как ты когда-то обольстил свою глупую немку! Не любит он ее! Уверяю тебя! Что она говорила тебе? Что ты молчишь?

Войницев. Она говорила, что она его любовница.

Анна Петровна. Дура она его, а не любовница! Замолчи! Может быть, еще можно поправить... Платонов из-за одного только поцелуя или пожатия руки в состоянии поднять шум... До крупного у них дело не доходило еще! Я в этом уверена...

Войницев. Доходило!

Анна Петровна. Ты ничего не понимаешь.

Входит Грекова.

Явление V

Войницев, Анна Петровна и Грекова.

Грекова (входит). Вот где вы! Здравствуйте! (Подает руку Анне Петровне.) Здравствуйте, Сергей Павлович! Извините, пожалуйста, я, кажется, вам помешала... Гость не вовремя хуже... хуже... Как это говорится? Хуже татары, ну да... Я к вам на минуточку... Вы и представить себе не можете! (Смеется.) Я вам сейчас покажу, Анна

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Петровна... Извините, Сергей Павлович, мы будем секретничать... (Отводит Анну Петровну в сторону.) Прочтите... (Подает ей записку.) Это я вчера получила... Прочтите!

Анна Петровна (пробегаёт записку). А...

Грекова. Я, знаете ли, в суд подала... (Кладет ей на грудь голову.) Пошлите за ним, Анна Петровна! Пусть он придет!

Анна Петровна. Для чего это вам?

Грекова. Я хочу посмотреть, какое у него теперь лицо... Что у него теперь на лице написано? Пошлите за ним! Умоляю вас! Я хочу ему два слова сказать... Вы не знаете, что я наделала! Что я наделала! Не слушайте, Сергей Павлович! (Шепотом.) Я ездила к директору... Михаила Васильича переведут по моей просьбе в другое место... Что я наделала! (Плачет.) Пошлите за ним!.. Кто знал, что он напишет это письмо?! Ах, если б я могла знать! Боже мой... Я страдаю!

Анна Петровна. Идите, моя дорогая, в библиотеку! Я сейчас приду к вам, тогда и потолкуем... Мне нужно с Сергеем Павловичем наедине поговорить...

Грекова. В библиотеку? Хорошо... А вы пошлете за ним? Какое у него лицо теперь после этого письма? Вы читали? Дайте я спрячу! (Прячет письмо.) Милая моя, дорогая... Прошу вас! Я пойду... но вы пошлите! Не слушайте, Сергей Павлович! Будемте говорить по-немецки, Анна Петровна! Schicken Sie, meine Liebe! [21]

Анна Петровна. Хорошо... Ступайте же!

Грекова. Хорошо... (Быстро целует ее.) Не сердитесь на меня, моя дорогая! Я... я страдаю! Вы не можете себе представить! Я уйду, Сергей Павлович! Можете продолжать свою беседу! (Уходит.)

Анна Петровна. Я сейчас всё разужнаю... Ты не кипятись! Может быть, можно будет еще починить твою семью... Ужасная история! Кто мог ожидать?! Я сейчас поговорю с Софьей! Я расспрошу ее как следует... Ты ошибаешься и глупишь... Впрочем, нет! (Закрывает руками лицо.) Нет, нет...

Войнищев. Нет! Не ошибаюсь я!

Анна Петровна. А все-таки я поговорю с ней... Я и с ним пойду поговорю...

Войнищев. Идите говорите! Напрасно только! (Садится за стол.) Уедемте отсюда! Нет надежды! И соломинки нет, за которую можно было бы ухватиться...

Анна Петровна. Я сейчас всё разужнаю... А ты сиди и плачь! Спать ложись, мужчина! Где Софья?

Войнищев. Должно быть, у себя...

Анна Петровна уходит.

Явление VI
Войнищев и потом Платонов.

Войнищев. Тяжелое горе! Сколько времени оно будет тянуться? И завтра, и послезавтра, и через неделю, через месяц, год... Нет конца муке! Застрелиться нужно.

Платонов (входит с подвязанной рукой). Сидит... Плачет, кажется...

Пауза.

Мир душе твоей, мой бедный друг! (Подходит к Войнищеву.) Ради бога, выслушай! Не оправдаться я пришел... Не мне и не тебе судить меня... Я пришел просить не за себя,

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
а за тебя... Братски прошу тебя... Ненавидь, презирай меня, думай обо мне как хочешь, но не... убивай себя! Я не говорю про револьверы, а... вообще... Ты слаб здоровьем... Горе добьет тебя... Не буду я жить!.. Я себя убью, не ты себя убьешь! Хочешь моей смерти? Хочешь, чтоб я перестал жить?

Пауза.

Войницев. Ничего я не хочу.

Входит Анна Петровна.

Явление VII
Войницев, Платонов и Анна Петровна.

Анна Петровна. Он здесь?! (Медленно подходит к Платонову.) Платонов, это правда?

Платонов. Правда.

Анна Петровна. Он еще смеет... смеет говорить так хладнокровно! Правда... Подлый человек! Ведь вы знали, что это подло, низко?

Платонов. Подлый человек... Нельзя ли повежливей? Ничего я не знал! Я знал и знаю из всей этой истории одно только то, что я никогда не желал ему и тысячной доли того, что он теперь переносит!

Анна Петровна. И кроме этого вам, друг, не мешало бы еще знать, что жена одного друга не должна и не может быть игрушкой другого! (Кричит.) Не любите вы ее! Вам скучно было!

Войницев. Спросите его, татап, зачем он пришел?

Анна Петровна. Подло! Подло играть людьми! Они такие же живые существа, как и вы, чересчур умный человек!

Войницев (вскакивает). Пришел сюда! Дерзость! Зачем вы явились сюда? Знаю, зачем вы явились, но не удивите и не поразите нас своими громкими фразами!

Платонов. Кого это «нас»?

Войницев. Знаю я теперь цену всем этим громким фразам! Оставьте меня в покое! Если вы пришли многоглаголением искупить свою вину, то знайте же, что пышными речами не искупишь вины!

Платонов. Как пышными речами не искупишь вины, так криком и злостью не докажешь ее, но я ведь, кажется, сказал, что я застрелюсь?

Войницев. Не так искупают свою вину! Не словами, которым я теперь не верю! Презираю ваши слова! Вот как искупает вину русский человек! (Показывает в окно.)

Платонов. Что там?

Войницев. Вон у колодезя лежит искупивший свои вины!

Платонов. Видел... А вы-то зачем фразерствуете, Сергей Павлович? Вы ведь, кажется, теперь в горе... Вы весь обратились в горе и в то же время театральничаете? Чему это приписать: неискренности или же... глупости?

Войницев (садится). Матап, спросите его, зачем он пришел сюда?

Анна Петровна. Платонов, что вам здесь нужно?

Платонов. Вы сами спросите, зачем беспокоить татап? Всё пропало! Жена ушла – и всё пропало, ничего не осталось! Прекрасная, как майский день, Софи – идеал, за которым не видно других идеалов! Без женщины мужчина – что без паров машина!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Пропала жизнь, улетучились пары! Всё пропало! И честь, и человеческое достоинство, и аристократизм, всё! Конец пришел!

Войницев. Не слушаю я. Можете оставить меня!

Платонов. Разумеется. Не оскорбляй, Войницев! Я пришел сюда не за тем, чтобы меня оскорбляли! Не дает тебе права твое несчастье топтать меня в грязь! Я человек, и обходись же со мной по-человечески. Несчастлив ты, но ничего ты не стоишь со своим несчастьем в сравнении с теми страданиями, которые вынес я после твоего ухода! Была страшная ночь, Войницев, после того, как ты ушел! Клянусь вам, филантропы, что ваше несчастье не стоит и тени моих мук!

Анна Петровна. Очень может быть, но кому какое дело до вашей ночи, до ваших мук?

Платонов. И вам нет дела?

Анна Петровна. Уверю вас, что и нам нет дела!

Платонов. Да? Не лгите, Анна Петровна! (Вздыхает.) А может быть, вы по-своему и правы... Может быть... Но где же людей искать? К кому идти? (Закрывает лицо руками.) Где же люди? Не понимают... Не понимают! Кто же поймет? Глупы, жестоки, бессердечны...

Войницев. Нет, понимаю я! Понял я! Не к лицу вам, милостивый государь, мой бывший друг, это казанское сиротство! Я понимаю вас! Вы ловкий подлец! Вот кто вы!

Платонов. Прощаю тебе, глупцу, это слово! Побереги себя, не говори больше! (Анне Петровне.) Вы-то чего торчите здесь, любительница сильных ощущений? Любопытно? Нет вам здесь дела! Свидетелей не нужно!

Анна Петровна. И вам здесь нет дела! Можете... убираться! Нахальство! Нагадить, напакостить, наподличать, а потом прийти и на муки свои жаловаться! Дипломат! Впрочем... извините меня! Если не хотите выслушать еще что-нибудь, то уходите! Сделайте милость!

Войницев (вскакивает). Что ему от меня нужно еще, не понимаю! Что ты хочешь, что ты ждешь от меня? Не понимаю!

Платонов. Вижу, что не понимаете... Прав тот, кто с горя идет не к людям, а к кабаку... Тысячу раз прав! (Идет к двери.) Жалею, что говорил с вами, унижался... Имел глупость считать вас порядочными людьми... А вы те же... дикари, грубое, неотесанное мужичье... (Хлопает дверью и уходит.)

Анна Петровна (ломает руки). Мерзости какие... Изволь сию же минуту догнать его и сказать ему... Скажи ему, что...

Войницев. Что я могу ему сказать? Анна Петровна. Найдешь, что сказать... что-нибудь. Беги, Сержень! Умоляю тебя! Он приходил сюда с хорошим чувством! Ты должен был понять его, а ты был жесток с ним. Беги, мой родной!

Войницев. Не могу! Оставьте меня! Анна Петровна. Но да ведь не один же он виноват! Сержень, все виноваты! У всех есть страсти, у всех нет сил... Беги! Скажи ему что-нибудь примиряющее! Покажи ему, что ты человек! Ради бога... Да ну же! Ну! Беги!

Войницев. Я с ума схожу...

Анна Петровна. Сходи с ума, но не смей оскорблять людей! Ах... но беги же, ради бога! (Плачет.) Сергей!

Войницев. Оставьте меня, татап!

Анна Петровна. Я сама пойду... Что же я сама не бегу? Я сама...

Платонов (входит). Ох! (Садится на диван.)

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Войнищев встает.

Анна Петровна (в сторону). Что с ним?

Пауза.

Платонов. Рука болит... Я голоден, как самая голодная собака... Холодно... Лихорадка трясет... Больно! Поймите вы, что мне больно! Жизнь моя пропадает! Что вы хотите от меня? Что вам еще нужно? Мало вам той проклятой ночи?

Войнищев (подходит к Платонову). Михаил Васильич, простим друг другу... Я... Но вы поймете мое положение... Разойдемся, как следует...

Пауза.

Я прощаю... Честное слово, прощаю! И если б я мог забыть всё это, то был бы счастлив, как никогда! Оставим друг друга в покое!

Платонов. Да.

Пауза.

Нет, развинтился... Испортилась машина. Спать хочу ужасно, глаза слиплись, но нет сил уснуть... Смирюсь, прошу прощения, виноват, молчу... Делайте, что знаете, и думайте, что знаете...

Войнищев отходит от Платонова и садится за стол.

Платонов. Не уйду отсюда, хоть дом зажгите! Кому неприятно мое присутствие, тот может выйти из этой комнаты... (Хочет лечь.) Дайте мне чего-нибудь теплого... Не есть, а укрыться... Не пойду я к себе... На дворе дождь... Тут лягу.

Анна Петровна (подходит к Платонову). Ступайте, Михаил Васильич, домой! Я пришлю и принесу то, что вам нужно. (Трогает его за плечо.) Идите! Идите домой!

Платонов. Кому неприятно мое присутствие, тот может выйти из этой комнаты... Дайте мне воды напиться! Пить хочу.

Анна Петровна подает ему графин.

(Пьет из графина.) Болен... Совсем болен, милая женщина!

Анна Петровна. Идите к себе!.. (Прикладывает руку к его лбу.) Голова горяча... Идите домой. Я за Трилецким пошлю.

Платонов (тихо). Худо, ваше превосходительство! Худо... Худо...

Анна Петровна. Мне-то какво? Идите! Я вас прошу! Вам во что бы то ни стало уехать нужно! Слышите?

Входит Софья Егоровна.

Явление VIII
Те же и Софья Егоровна.

Софья Егоровна (входит). Потрудитесь взять ваши деньги обратно! Что за великодушие? Я уж сказала вам, кажется... (Увидев Платонова.) Вы... здесь?! Зачем вы здесь?

Пауза.

Странно... Что вы здесь делаете?

Платонов. Я-то?

Софья Егоровна. Да, вы!

Анна Петровна. Выйдем, Сергей! (Выходит и через минуту входит на цыпочках и садится в углу.)

Платонов. Всё кончено, Софья!

Софья Егоровна. То есть?

Платонов. Да, то есть... После поговорим.

Софья Егоровна. Михаил Васильич! Что значит это... всё?

Платонов. Ничего мне не нужно, ни любви, ни ненависти, дайте мне одного только покоя! Прошу... И говорить даже не хочется... Довольно с меня и того, что было... Пожалуйста...

Софья Егоровна. Что он говорит?

Платонов. То говорю, что довольно. Не надо мне новой жизни. И старой девать некуда... Ничего мне не нужно!

Софья Егоровна (пожимает плечами). Не понимаю...

Платонов. Не понимаете? Узел разорвался, вот что!

Софья Егоровна. Вы не едете, что ли?

Платонов. Не нужно бледнеть, Софья... впрочем, Егоровна!

Софья Егоровна. Вы подличаете?

Платонов. По всей вероятности...

Софья Егоровна. Подлец вы! (Плачет.)

Платонов. Знаю... Сто раз слышал... После бы поговорили и... без свидетелей.

Софья Егоровна рыдает.

Шли бы к себе в комнату! Самая лишняя вещь в несчастье – это слезы. Должно было случиться и случилось... В природе есть законы, а в нашей жизни... логика... По логике и случилось...

Пауза.

Софья Егоровна (рыдает). Я же тут причем? какое дело мне, какое дело моей жизни, которую вы взяли, до того, что вы утомились? Я же тут причем? Вы не любите больше?

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Платонов. Утешьтесь чем-нибудь... Хоть тем, например, что этот скандал послужит уроком для вашего будущего?

Софья Егоровна. Не уроком, а гибелью! Вы смеете это говорить? Подло!

Платонов. Для чего плакать? Как всё это мне... опротивело! (Кричит.) Болен я!

Софья Егоровна. Он клялся, просил, он первый начал, а теперь вот пришел сюда! Я вам опротивела? Вам нужна была я только на две недели? Ненавижу я вас! Не могу я видеть его! Убирайтесь вон отсюда! (Рыдает сильнее.)

Анна Петровна. Платонов!

Платонов. А?

Анна Петровна. Уйдите отсюда!

Платонов встает и медленно идет к двери.

Софья Егоровна. Подождите... Не уходите! Вы... правда? Вы, может быть, не трезвы... Вы сядьте, подумайте! (Хватает его за плечо.)

Платонов. Сидел я уже и думал. Избавьтесь от меня, Софья Егоровна! Не ваш я человек! Я так долго гнил, моя душа так давно превратилась в скелет, что нет возможности воскресить меня! Закопать подальше, чтоб не заражал воздуха! Верьте мне в последний раз!

Софья Егоровна (ломает руки). Что же я буду делать? Что делать мне? Научите! Ведь я умру! Я не переживу этой подлости! Я не проживу и пяти минут! Убью себя... (Садится в кресло, стоящее в углу.) Что вы делаете со мной? (Истерика.)

Войницев (подходит к Софье Егоровне). Софи!

Анна Петровна. Бог знает, что делается! Успокойтесь, Софи! Дай воды, Сергей!

Войницев. Софи! Не убивайте себя... Перестаньте! (Платонову.) Чего вы ждете здесь, Михаил Васильич? Уйдите, бога ради!

Анна Петровна. Будет, Софи, будет! Довольно!

Платонов (подходит к Софье Егоровне). Ну чего? Э-э... (Быстро отходит.) Идиотство!

Софья Егоровна. Отойдите от меня прочь! Все! Не нуждаюсь я в вашей помощи! (Анне Петровне.) Отойдите прочь! Я вас ненавижу! Я знаю, кому я обязана всем этим! Не пройдет это вам даром!

Анна Петровна. Тсс... Не следует браниться.

Софья Егоровна. Не будь над ним вашего развращающего авторитета, не губил бы он меня! (Рыдает.) Прочь! (Войницеву.) И вы... и вы отойдите!

Войницев отходит, садится за стол и кладет голову на руки.

Анна Петровна (Платонову). Ступайте отсюда, вам говорят! Удивительный вы идиот сегодня! Чего вы еще хотите?

Платонов (затыкает уши). Куда же я пойду? Я окоченел от холода... (Идет к двери.) Хоть бы черти прибрали скорей...

Входит Трилецкий.

Явление IX
Те же и Трилецкий.

Трилецкий (в дверях). Я тебе задам такого доклада, что ты и своих не узнаешь!
Голос Якова. Барин приказали...

Трилецкий. Пойди и поцелуйся с своим барином! Он такой же болван, как и ты!
(Входит.) Неужели и здесь его нет? (Падает на диван.) Ужасно! Это... это... это...
(Вскакивает.) Ох! (Платонову.) Трагедия на исходе, трагик! На исходе-с!

Платонов. Что тебе?

Трилецкий. Что ты здесь проедаешься? Где ты шляешься, несчастный? Как тебе не стыдно, не грешно? Философствуешь здесь? Проповеди читаешь?

Платонов. Говори по-человечески, Николай! Что тебе?

Трилецкий. Это скотство! (Садится и закрывает руками лицо.) Несчастье, какое несчастье! Кто мог ожидать?

Платонов. Что случилось?

Трилецкий. Что случилось? А ты и не знаешь? Тебе и дела нет до этого? Тебе некогда?

Анна Петровна. Николай Иваныч!

Платонов. Саша, что ли? Говори, Николай! Этого еще недоставало! Что с ней?

Трилецкий. Спичками отравилась!

Платонов. Что ты говоришь?

Трилецкий (кричит). Спичками отравилась! (Вскакивает.) На, читай! читай!
(Подносит к его глазам записку.) Читай, философ!

Платонов (читает). «Самоубийцев грешно помянуть, но меня поминайте. Я лишила себя жизни в болезни. Миша, люби Колю и брата, как я тебя люблю. Не оставь отца. Живи по закону. Коля, господь тебя благословит, как я благословляю материнским благословением. Простите грешную. Ключ от Мишиного комода в шерстяном платье»... Золото мое! Грешная! Она грешная! Этого еще недоставало! (Хватает себя за голову.) Отравилась...

Пауза.

Саша отравилась... Где она? Послушай! Я к ней пойду! (Срывает с руки повязку.) Я... я воскрешу ее!

Трилецкий (ложится на диван лицом вниз). Прежде чем воскрешать, не нужно было убивать!

Платонов. Убивать... Зачем ты, безумец, говоришь... это слово? Да разве я убивал ее? Разве... разве я хотел ее смерти? (Плачет.) Отравилась... Этого еще недоставало, чтоб переехать меня колесом, как собаку! Если это наказание, то... (машет кулаком) это жестокое, безнравственное наказание! Нет, это уж выше сил моих! Выше! За что? Ну грешен, положим, подл... но все-таки ведь жив еще!

Пауза.

Глядите на меня теперь все! Глядите! Нравится?

Трилецкий (вскакивает). Да, да, да... Будем теперь плакать... Кстати, глаза на мокром месте... Выпороть бы тебя хорошенько! Одевай шапку! Едем! Муж! Хорош муж! Погубил женщину ни за что, ни про что! Довел до чего! А эти и держат его здесь!

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Нравится он им! Оригинальный человек, интересный субъект, с грустью благородной на лице! Со следами когда-то бывшей красоты! Поедем-ка! Посмотришь, что ты наделал, интересный субъект, оригинал!

Платонов. Без слов... без слов... Не нужно слов!

Трилецкий. Счастье твое, живодер, что я сегодня чуть свет домой заехал! Ну что было бы, если бы я не заехал, если б я не захватил? Умерла бы она! Понимаешь ты это или нет? Ты обыкновенно всё понимаешь, кроме самых обыкновенных вещей!! О, я бы тебе тогда задал! Я не посмотрел бы на твою жалостную физиономию! Если бы ты поменьше болтал своим окаянным языком да побольше сам слушал, то не было бы этого несчастья! За нее я и десять не возьму таких умников, как ты! Едем!

Войнищев. Не кричите! Ах... Как надоели все...

Трилецкий. Едем!

Платонов. Постой... Так она... не умерла, ты говоришь?

Трилецкий. А тебе хотелось бы, чтоб она умерла?

Платонов (вскрикивает). Не умерла! Я не пойму никак... Не умерла? (Обнимает Трилецкого.) Жива! (Хохочет.) Жива!

Анна Петровна. Не понимаю!.. Трилецкий, извольте сказать толком! Все они сегодня как-то особенно глупы! Что же значит это письмо?

Трилецкий. Она написала это письмо... Если б не я, она успела бы умереть... А теперь страшно больна! Не знаю, вынесет ли ее организм... О, пусть она только умрет, тогда... Отойди ты от меня, пожалуйста!

Платонов. Напугал ты меня как! Боже мой! Жива она еще! Значит, ты не допустил ее умереть? Милый мой! (Целует Трилецкого.) Дорогой! (Хохочет.) Не верил в медицину, но теперь даже и в тебя верю! Что с ней теперь? Слаба? Нездорова? Но мы поднимем ее!

Трилецкий. Вынесет ли она еще!

Платонов. Вынесет! Не она вынесет, так я вынесу! Ничем зачем же ты сначала не сказал, что она жива? Анна Петровна!.. Я с ума схожу!.. (Целует у Анны Петровны руку.) Жива Саша... Воды, воды... моя дорогая!

Анна Петровна выходит с пустым графином и через минуту входит с водой.

(Трилецкому.) Едем к ней! На ноги ее, на ноги! Вверх ногами всю медицину от Гиппократов до Трилецкого! Всё переворочаем! Кому же и жить на этом свете, как не ей? Едем! Но нет... подожди! Голова кружится... Я страшно болен болен... Постой... (Садится на диван.) Отдохну и едем... Очень слаба?

Трилецкий. Очень... Обрадовался! Чему он обрадовался, не понимаю!

Анна Петровна. И я испугалась. Говорить нужно потолковей! Пейте! (Подает Платонову воду.)

Платонов (пьет с жадностью). Спасибо, добрая женщина! Негодяй я, необыкновенный негодяй! (Трилецкому.) Сядь возле меня! (Трилецкий садится.) И ты весь измучился... Спасибо тебе, друг. Много онахватила?

Трилецкий. Хватило бы на тот свет отправиться.

Платонов. Экая... Ну, слава богу. Рука болит. Дайте мне еще пить. Я сам ужасно болен, Николай! Еле голову на плечах держу... Того и смотри, что свалится... У меня, должно быть, горячка будет. Солдатики в ситцевых мундирах, с острыми шапочками так и мелькают перед глазами... Желто и зелено кругом... Закати-ка мне chinini sulphurici...

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Трилецкий. Закатить бы тебе сотню-другую горячих!

Платонов (хохочет). Шути, шути... Я иногда смеюсь твоим остротам. Ты мне деверь или шурин? Боже мой, как я болен! Ты представить себе не можешь, как я болен!

Трилецкий щупает ему пульс.

Анна Петровна (тихо Трилецкому). Везите его, Николай Иваныч! Я сама к вам сегодня приеду, поговорю с Александрой Ивановной. Что это ей вздумалось нас так пугать? Не опасно?

Трилецкий. Нельзя еще ничего сказать. Отравиться не удалось, но в общем... беда!

Платонов. Что ты ей дал?

Трилецкий. То, что следует. (Встает.) Едем!

Платонов. А генеральше что ты сейчас дал?

Трилецкий. Бредишь... Едем!

Платонов. Едем... (Встает.) Сергей Павлович! Брось! (Садится.) Брось! Чего пригорюнился? Точно солнце у земли украли! А еще тоже философию когда-то учил! Будь Сократом! А? Сергей Павлович! (Тихо.) Впрочем, я сам не знаю, что говорю...

Трилецкий (кладет ему на голову руку). Ты еще заболей! Ну да тебе для очистки совести не мешает поболеть!

Анна Петровна. Платонов, езжайте с богом! Пошлите в город за другим доктором... Консилиум не мешало бы... Я сама, впрочем, пошлю, не беспокойтесь... Успокойте же Александру Ивановну!

Платонов. У вас, Анна Петровна, по груди ползет маленький фортепьянчик! Комизм! (Смеется.) Комизм! Сядь, Николай, сыграй что-нибудь!.. (Хохочет.) Комизм! Я болен, Николай... Серьезно говорю... Не шутя... Едем!

Входит Иван Иванович.

Явление X
Те же и Иван Иванович.

Иван Иванович (растрепанный, в халате). Саша моя! (Плачет.)

Трилецкий. Тебя еще недоставало здесь с твоими слезами! Ступай отсюда! Чего прибежал?

Иван Иванович. Умирает она! Исповедоваться хочет! Боюсь, боюсь... Ох как боюсь! (Подходит к Платонову.) Мишенька! Умоляю тебя господом и всеми святыми! Дорогой, умный, прекрасный, честный человек! Пойди ты, скажи ей, что ты ее любишь! Брось ты все эти романы паскудные! Умоляю тебя коленопреклоненно! Помирает ведь! Одна у меня... одна! Умрет... погибну! Без покаяния погибну! Скажи ты ей, что ты ее любишь, за жену свою считаешь! Успокой ты ее ради Христа! Мишенька! Ложь бывает во спасение... Видит Бог, что ты справедлив, но солги для спасения ближнего! Поедем, сделай милость! Поддай ты мне эту милостыню Христа ради, старику! Сторицею господь воздаст тебе! Трясусь весь, трясусь от ужаса!

Платонов. Уже успел клюкнуть, полковник? (Смеется.) Вылечим Сашку и вместе выпьем! Ах, как пить хочу!

Иван Иванович. Поедем, благороднейший... праведнейший! Скажи ты ей два слова, и она спасена! Не спасут медикаменты, когда психиатрия душевная страдает!

Трилецкий. Выйди отсюда, отец, на минутку! (Ведет отца за рукав.) Кто тебе сказал, что она умрет? Откуда ты это выдумал? Вовсе не опасно! Подождешь в той

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
комнате. Сейчас поедem к ней с ним вместе. Постыдился бы в таком виде
вваливаться в чужой дом!

Иван Иванович (Анне Петровне). Грех вам, Диана! Не простит вас бог! Он молодой
человек, неопытный...

Трилецкий (вталкивает его в другую комнату). Подожди там! (Платонову.) Желаете
ехать?

Платонов. Страшно болен... Болен я, Николай!

Трилецкий. Желаете ехать, я вас спрашиваю, или нет?

Платонов (поднимается). Поменьше слов... Что делать, чтоб во рту не сохло? Едем... Я
сюда, кажется, без шапки пришел... (Садится.) Поищи мою шапку!

Софья Егоровна. Он должен был это предвидеть. Я отдавалась ему, не спрашивая... Я
знала, что я убиваю мужа, но я... ни перед чем для него не остановилась!
(Поднимается и подходит к Платонову.) Что вы сделали со мной? (Рыдает.)

Трилецкий (хватает себя за голову). комиссия! (Ходит по сцене.)

Анна Петровна. Успокойтесь, Софи! Не время... Он болен.

Софья Егоровна. Можно ли, человечно ли издеваться так над целой человеческой
жизнью? (Садится рядом с Платоновым.) Ведь вся жизнь теперь моя пропала... Я уж не
жива теперь... Спасите меня, Платонов! Не поздно! Платонов, не поздно!

Пауза.

Анна Петровна (плачет). Софи... Что вы хотите? Успеете еще... Что он вам может
сказать теперь? Разве вы не слышали... не слышали?

Софья Егоровна. Платонов... Еще раз прошу... (Рыдает.) Нет?

Платонов отодвигается от нее.

Не нужно... Хорошо же... (Падает на колени.) Платонов!

Анна Петровна. Это уже слишком, Софи! Не смеете вы этого делать! Никто не стоит
того, чтоб... на коленях... (Поднимает ее и сажает.) Вы... женщина!

Софья Егоровна (рыдает). Скажите ему... Уговорите...

Анна Петровна. Призовите к себе все силы вашего ума... Надо быть... стойкой... Вы
женщина! Ну... полноте! Идите к себе в комнату!

Пауза.

Идите, лягте на постель... (Трилецкому.) Николай Иванович! Что делать?

Трилецкий. Об этом нужно спросить милого Мишеньку! (Ходит по сцене.)

Анна Петровна. Поведemте ее на постель! Сергей! Николай Иванович! Да помогите же
мне, наконец!

Войницеv встает и подходит к Софье Егоровне.

Трилецкий. Поведemте. Надо дать успокоительного.

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Анна Петровна. Я сама приняла бы теперь хлороформу... (Войницеву.) Будь мужчиной, Сергей! Не теряйся хоть ты! Мне не лучше твоего, однако же... стою на ногах... Пойдемте, Софи! Экий денек нынче выдался...

Ведут Софью Егоровну.

Мужайся, Сержень! Будем людьми!

Войницев. Постараюсь, татап. Креплюсь...

Трилецкий. Не горюй, брат Сергей! Авось вытянем! Не ты первый, не ты и последний!

Войницев. Постараюсь... Да, я постараюсь...

Уходят.

Явление XI
Платонов и потом Грекова.

Платонов (один). Папиросу, Николай, и воды! (Оглядывается.) Нет их? Ехать нужно...

Пауза.

Разгромил, придушил женщин слабых, ни в чем не повинных... Не жалко было бы, если бы я их убил как-нибудь иначе, под напором чудовищных страстей, как-нибудь по-испански, а то убил так... глупо как-то, по-русски... (Машет рукой перед глазами.) *Mouches volantes*...[22] Облачки... Бредить, должно быть, буду... Раздавлен, приплюснен, скомкан... А давно ли перестал хорохориться? (Закрывает руками лицо.) Стыд, жгучий стыд... Больно от стыда! (Встает.) Был голоден, холоден, истаскался, пропал, исшарлатанился весь, пришел в этот дом... Дали мне теплый угол, одели, приласкали, как никого... Хорошо заплатил! Однако же болен... Плохо... Убить себя нужно... (Подходит к столу.) Выбери, арсенал целый... (Берет револьвер.) Гамлет боялся сновидений... Я боюсь... жизни! Что будет, если я жить буду? Стыд заест один... (Прикладывает револьвер к виску.) *Finita la commedia!*[23] Одним умным скотом меньше! Прости, Христос, мне мои грехи!

Пауза.

Ну? Сейчас смерть, значит... Боли теперь, рука, сколько хочешь...

Пауза.

Нет сил!! (Кладет револьвер на стол.) Жить хочется... (Садится на диван.) Жить хочется... (Входит Грекова.) Воды бы... Где же Трилецкий? (Увидев Грекову.) Это кто? А-а-а... (Смеется.) Враг злейший... Будем завтра судиться?

Пауза.

Грекова. Но, разумеется, после того письма мы уж не враги.

Платонов. Всё одно. Воды нет?

Грекова. Вам воды? Что с вами?

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Платонов. Болен... У меня горячка будет... Мне это понравилось. Умно. Но еще умнее было бы, если бы вы со мной вовсе не связывались... Застрелиться хотел... (Смеется.) Не удалось... Инстинкт... Ум свое, природа свое... Остроглазая! Ведь умница? (Целует руку.) Рука холодная... Слушайте... Вы хотите меня слушать?

Грекова. Да, да, да...

Платонов. Возьмите меня к себе! Я болен, пить хочу, страдаю страшно, невыносимо! Спать хочу, а лечь негде... Меня хоть бы в сарай, лишь бы угол, вода и... хинину немножко. Пожалуйста! (Протягивает руку.)

Грекова. Едемте! Я с удовольствием!.. Вы можете жить у меня, сколько угодно... Вы еще не знаете, что я наделала! Едемте!

Платонов. Мерсі, умная девочка... Папироса, вода и постель! На дворе дождь?

Грекова. Дождь.

Платонов. По дождю ехать придется... Судиться не станем. Мир! (Смотрит на нее.) Я брежу?

Грекова. Нисколько. Едемте! Экипаж у меня крытый.

Платонов. Хорошенькая... Чего же краснеешь? Не трону. Ручку вот холодную поцелую... (Целует руку и тянет ее к себе.)

Грекова (садится к нему на колени). Нет... Не следует... (Встает.) Едемте... У вас лицо странное... Пустите руку!

Платонов. Болен. (Встает.) Едем... В щечку... (Целует ее в щеку.) Без всякой задней мысли. Не могу... Впрочем, пустяки. Едемте, Марья Ефимовна! И, пожалуйста, поскорей! Вот... вот этим револьвером застрелиться хотел... В щечку... (Целует в щеку.) Брежу, но вижу ваше лицо... Всех людей люблю! Всех! Я и вас люблю... Люди были для меня дороже всего... Никого не хотел обидеть, а всех обидел... Всех... (Целует руку.)

Грекова. Я все поняла... Я понимаю ваше положение... Софи... да?

Платонов. Софи, Зизи, Мими, Маша... Вас много... Всех люблю... Был в университете, и на Театральной площади, бывало... падшим хорошие слова говорил... Люди в театре, а я на площади... Раису выкупил... Собрал со студентами триста целковых и другую выкупил... Показать ее письма?

Грекова. Что с вами?

Платонов. С ума, думаете, сошел? Нет, это так... Бред горячечный... Спросите Трилецкого... (Берет ее за плечи.) И меня все любят... Все! Оскорбишь, бывало, и то... любят... Грекову, например, оскорбил, на стол пхнул, и то... любит. Вы, впрочем, сама Грекова... Виноват...

Грекова. Что у вас болит?

Платонов. Платонов болит. Вы ведь меня любите? Любите? Откровенно... Я ничего не хочу... Вы только скажите мне, любите?

Грекова. Да... (Кладет голову ему на грудь.) Да...

Платонов (целует ее в голову). Все любят... Когда выздоровею, развращу... Прежде хорошие слова говорил, а теперь развращаю...

Грекова. Мне всё одно... Мне ничего не нужно... Ты только и... человек. Не хочу я знать других! Что хочешь делай со мной... Ты... ты только и человек! (Плачет.)

Платонов. Понимаю я царя Эдипа, выколовшего себе глаза! Как я низок и как глубоко познаю свою низость! Отойдите! Не стоит... Я болен. (Освобождается.) Я еду сейчас... Извините меня, Марья Ефимовна! Я с ума схожу! Где Трилецкий?

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Входит Софья Егоровна.

Явление XII
Те же и Софья Егоровна.

Софья Егоровна подходит к столу и роется на нем.

Грекова (хватает Платонова за руку). Тссс...

Пауза.

Софья Егоровна берет револьвер, стреляет в Платонова и дает промах.

(Становится между Платоновым и Софьей Егоровной.) Что вы делаете?! (Кричит.)
Сюда! Скорей сюда!

Софья Егоровна. Пустите... (Обегает вокруг Грековой и стреляет Платонову в грудь,
в упор.)

Платонов. Пойдите, пойдите... Как же это так? (Падает.)

Вбегают Анна Петровна, Иван Иванович, Трилецкий и Войницев.

Явление XIII
Те же, Анна Петровна, Иван Иванович, Трилецкий, Войницев, потом прислуга и
Марко.

Анна Петровна (вырывает у Софьи Егоровны револьвер и отбрасывает ее на диван).
Платонов! (Наклоняется к Платонову.)

Войницев закрывает лицо и отворачивается к двери.

Трилецкий (наклоняется к Платонову и поспешно расстегивает ему куртку.)

Пауза.

Михаил Васильич! Ты слышишь?

Пауза.

Анна Петровна. Бога ради, Платонов! Мишель... Мишель! Скорей, Трилецкий...

Трилецкий (кричит). Воды!

Грекова (подает ему графин). Спасите его! Вы спасете его! (Ходит по сцене.)

Трилецкий пьет воду и бросает графин в сторону.

Иван Иванович (хватает себя за голову). Ведь сказал же, что погибну? Ну и погиб!
Вот и погиб! (Опускается на колени.) Господь всемогущий! Погиб... Вот и погиб...

Безотцовщина. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Вбегают Яков, Василий, Катя и повар.

Марко (входит). От мирового судьи-с...

Пауза.

Анна Петровна. Платонов!

Платонов приподнимается и обводит всех глазами.

Платонов...Это ничего... Воды выпейте!

Платонов (указывает на Марка). Ему три целковых! (Падает и умирает)

Анна Петровна. Мужайся, Сергей! Всё это пройдет, Николай Иванович... Всё это пройдет... Мужайтесь...

Катя (кланяется в ноги Анне Петровне). Я одна виноватая! Я записку носила! На деньги польстилась, барыня! Простите меня, окаянную!

Анна Петровна. Крепитесь... Зачем теряться! Он только так... Излечимо...

Трилецкий (кричит). Умер!

Анна Петровна. Нет, нет...

Грекова садится за стол, рассматривает бумажку и горько плачет.

Иван Иванович. Со святыми упокой... Погиб... Погиб...

Трилецкий. Жизнь – копейка! Прощай, Мишка! Пропала твоя копейка! Чего глазеете? Сам застрелился! Расстроилась компания! (Плачет.) С кем я теперь на твоих поминках пить буду! О, дураки! Не могли уберечь Платонова! (Встает.) Отец, поди скажи Саше, чтоб она умирала! (Покачиваясь, подходит к Войницеву.) Ты-то чего? Эх! (Обнимает Войницева.) Умер Платошка! (Рыдает.)

Войницев. Что делать, Николай?

Трилецкий. Хоронить мертвых и починять живых!

Анна Петровна (медленно поднимается и идет к Софье Егоровне). Успокойтесь, Софи! (Рыдает.) Что вы наделали?! Но... но... успокойтесь! (Трилецкому.) Ничего не говорите Александре Ивановне, Николай Иваныч! Я сама ей скажу! (Идет к Платонову и опускается перед ним на колени.) Платонов! Жизнь моя! Не верю! Не верю я! Ведь ты не умер? (Берет его за руку.) Жизнь моя!

Трилецкий. За дело, Сережа! Поможем твоей жене, а потом...

Войницев. Да, да, да... (Идет к Софье Егоровне.)

Иван Иванович. Забыл господь... За грехи... За мои грехи... Зачем грешил, старый шут? Убивал тварей божиих, пьянствовал, сквернословил, осуждал... Не вытерпел господь и поразил.

<Конец четвертого действия>

Конец 1870-х годов.

Примечания

- 1
мой ангел (франц.)
- 2
Здоровый дух в здоровом теле (лат.)
- 3
ваше превосходительство!.. (франц.)
- 4
Далее утрачен лист рукописи
- 5
О мертвых или хорошо, или ничего (лат.)
- 6
обо всех или ничего, или правда (лат.)
- 7
Без сомнения (франц.)
- 8
Ляпис... дистиллированной воды (лат.)
- 9
Простой продукт (лат.)
- 10
кое-что (франц. quelque chose)
- 11
«Граф Глагольев» (франц.)
- 12
Материя и сила (нем. Stoff und Kraft)
- 13
Ничего (лат.)
- 14
Оставьте всякую надежду! (итал.)
- 15
мой отец (франц.)
- 16
прелестна (франц.)
- 17
Тысячу извинений (франц.)

18

дорогой мой (франц.)

19

кстати (франц.)

20

Я люблю, ты любишь, он любит... (лат.)

21

Пошлите, моя милая! (нем.)

22

Летающие мушки... (франц.)

23 Комедия окончена! (итал.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!